РОДИТЕЛЯМ О ДЕТЯХ

Януш Корчак

УВАЖЕНИЕ к ребенку

ПИТЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Трогательные, открытые, нежные и беззащитные книги Януша Корчака никого не оставляют равнодушными. Прочитанные всего один раз, они не забываются, а требуют возвращения к себе, обдумывания, заставляют сверять жизнь с теми истинами, которые великий педагог так просто и естественно рассказывал в своих небольших историях. Корчак – один из немногих, кто говорит о воспитании детей без патетики и назидания, так, как будто он ваш старый друг, знающий сокровенные тайны вашей семьи. Лучик добра, полученный из его книг, согреет вас и ваших детей на многие годы. В издание включены работы Я. Корчака «Право ребенка на уважение», «Правила жизни», педагогические статьи.

- Януш Корчак
  - Право детей на уважение[1]
    - Пренебрежение – недоверие
    - Неприязнь
    - Право на уважение
    - Право ребенка быть тем, что он есть
  - Правила жизни. Педагогика для детей и для взрослых[6]
    - Вступление
    - Самые близкие нам люди
    - Дом – квартира
    - Взрослые дома
    - Двор – парк
    - Улица
    - Школа
    - Развлечения
    - Богатый – бедный
    - Мысли – чувства
    - Здоровье
    - Способности
    - Симпатичный – несимпатичный
    - Достоинства – недостатки
    - Мальчики – девочки
    - Прошлое – будущее
    - Три дополнения к этой книжке
  - Педагогические статьи
    - Дети и воспитание
    - Дважды два – четыре (как воспитывать детей)

        - Теория и практика
        - Воспитание воспитателя ребенком[26]
        - Замечания о разных типах детей
        - Открытое окно
        - Чувство
        - Расположение и неприязнь
        - Каста авторитетов
        - Честолюбивый воспитатель
        - Преступное наказание
        - Эпидемии проступков
        - Воришка
        - Есть школа!
        - Современная школа
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37

Януш Корчак
Уважение к ребенку

Право детей на уважение[1]

Пренебрежение – недоверие

С ранних лет мы растем в сознании, что большое важнее, чем малое.

– Я большой, – радуется ребенок, когда его ставят на стол.

– Я выше тебя, – отмечает он с чувством гордости, меряясь с ровесником.

Неприятно вставать на цыпочки и не дотянуться, трудно мелкими шажками поспевать за взрослыми, из крохотной ручонки выскальзывает стакан. Неловко и с трудом влезает ребенок на стул, в коляску, на лестницу; не может достать дверную ручку, посмотреть в окно, что-либо снять или повесить, потому что высоко. В толпе его заслоняют, не заметят и толкнут. Неудобно, неприятно быть маленьким.

Уважение и восхищение вызывает большое, то, что занимает много места. Маленький же повседневен, неинтересен. Маленькие люди – маленькие и потребности, радости и печали.

Производят впечатление – большой город, высокие горы, большие деревья. Мы говорим:

– Великий подвиг, великий человек.

А ребенок мал, легок, не чувствуешь его в руках. Мы должны наклониться к нему, нагнуться.

А что еще хуже, ребенок слаб.

Мы можем его поднять, подбросить вверх, усадить против воли, можем насильно остановить на бегу, свести на нет его усилия.

Всякий раз, когда он не слушается, у меня про запас есть сила. Я говорю: «Не уходи, не тронь, подвинься, отдай». И он знает, что обязан уступить, а ведь сколько раз пытается ослушаться, прежде чем поймет, сдастся, покорится!

Кто и когда, в каких исключительных условиях осмелится толкнуть, тряхнуть, ударить взрослого? А какими обычными и невинными кажутся нам наши шлепки, волочения ребенка за руку, грубые «ласковые» объятия!

Чувство слабости вызывает почтение к силе; каждый, уже не только взрослый, но и ребенок постарше, посильнее, может выразить в грубой форме неудовольствие, подкрепить требование силой, заставить слушаться: может безнаказанно обидеть.

Мы учим на собственном примере пренебрежительно относиться к тому, кто слабее. Плохая наука, мрачное

предзнаменование.

Облик мира изменился. Уже не сила мускулов выполняет работы, обороняет от врага, не сила мускулов вырывает у земли, лесов и моря владычество, благосостояние, безопасность. Закабаленный раб – машина! Мускулы утратили свои исключительные права и цену. Тем больший почет уму и знаниям.

Подозрительный чулан, скромная келья мыслителя разрослись в залы исследовательских институтов. Нарастают этажи библиотек, полки гнутся под тяжестью книг. Святыни гордого разума заполнились людьми. Человек науки творит и повелевает. Иероглифы цифр опять и опять обрушивают на толпы новые достижения, свидетельствуя о мощи человечества.

Все это надо охватить памятью и постичь.

Продлеваются годы упорной учебы, все больше и больше школ, экзаменов, печатного слова. А ребенок маленький, слабенький, живет еще недолго – не читал, не знает…

Мы пестуем, заслоняем от бед, кормим и обучаем. Он получает все без забот; чем он был бы без нас, которым всем обязан?

Исключительно, единственно и все – мы.

Зная путь к успеху, мы указываем и советуем. Развиваем достоинства, подавляем недостатки. Направляем, поправляем, приучаем. Он – ничто, мы – все.

Мы распоряжаемся и требуем послушания.

Морально и юридически ответственные, знающие и предвидящие, мы единственные судьи поступков, душевных движений, мыслей и намерений ребенка.

Мы поручаем и проверяем выполнение – по нашему хотению, по нашему разумению, – наши дети, наша собственность – руки прочь!

(Правда, кое-что изменилось. Уже не только воля и исключительный авторитет семьи – еще осторожный, но уже общественный контроль. Слегка, незаметно.)

Нищий распоряжается милостыней как заблагорассудится, а у ребенка нет ничего своего, он должен отчитываться за каждый даром полученный в личное пользование предмет.

Нельзя порвать, сломать, запачкать, нельзя подарить, нельзя с пренебрежением отвергнуть. Ребенок должен принять и быть довольным. Все в назначенное время и в назначенном месте, благоразумно и согласно предназначению.

Может быть, поэтому он так ценит ничего не стоящие пустячки, которые вызывают у нас удивление и жалость; разный хлам – единственная по-настоящему собственность и богатство – шнурок, коробок, бусинки.

Взамен за эти блага ребенок должен уступать, заслуживать хорошим поведением – выпроси или вымани, только не требуй! Ничто ему не причитается, мы даем добровольно.

Из-за нищеты ребенка и милости материальной зависимости отношение взрослых к детям аморально.

Мы пренебрегаем ребенком, ибо он не знает, не догадывается, не предчувствует.

Не знает трудностей и сложности жизни взрослых, не знает, откуда наши подъемы и упадки и усталость, что нас лишает покоя и портит нам настроение: не знает зрелых поражений и банкротств. Легко отвлечь внимание наивного ребенка, обмануть, утаить от него.

Он думает, что жизнь проста и легка. Есть папа, есть мама; отец зарабатывает, мама покупает. Ребенок не знает ни измены долгу, ни приемов борьбы взрослых за свое и не свое.

Свободный от материальных забот, от соблазнов и от сильных потрясений, он не может о них судить. Мы его разгадываем моментально, пронзаем насквозь небрежным взглядом, без предварительного следствия раскрываем неуклюжие хитрости.

А быть может, мы обманываемся, видя в ребенке лишь то, что хотим видеть?

Быть может, он прячется от нас, быть может, втайне страдает?

Мы опустошаем горы, вырубаем деревья, истребляем диких зверей. Там, где раньше были дебри и топи, – все многочисленнее селения. Мы насаждаем человека на новых землях.

Нами покорен мир, нам служат и зверь, и железо; порабощены цветные расы, определены в общих чертах взаимоотношения наций и задобрены массы. Далеко еще до справедливых порядков, больше на свете обид и мытарств.

Несерьезными кажутся ребячьи сомнения и протесты.

Светлый ребячий демократизм не знает иерархии. Прежде времени печалит ребенка пот батрака и голодный ровесник, злая доля Савраски и зарезанной курицы. Близки ему собака и птица, ровня – бабочка и цветок, в камушке и ракушке он видит брата. Чуждый высокомерию выскочки, ребенок не знает, что душа только у человека.

Мы пренебрегаем ребенком, ведь впереди у него много часов жизни. Чувствуем тяжесть наших шагов, неповоротливость корыстных движений, скупость восприятий и переживаний. А ребенок бегает и прыгает, смотрит на что попало, удивляется и расспрашивает; легкомысленно льет слезы и щедро радуется.

Ценен погожий осенний день, когда солнце редкость, а весной и так зелено. Хватит и кое-как, мало ему для счастья надо,

стараться не к чему. Мы поспешно и небрежно отделываемся от ребенка. Презираем многообразие его жизни и радость, которую ему легко дать.

Это у нас убегают важные минуты и годы; у него время терпит, успеет еще, подождет.

Ребенок не солдат, не обороняет родину, хотя вместе с ней и страдает. С его мнением нет нужды считаться, не избиратель: не заявляет, не требует, не грозит.

Слабый, маленький, бедный, зависимый – ему еще только быть гражданином.

Снисходительное ли, резкое ли, грубое ли, а все – пренебрежение.

Сопляк, еще ребенок – будущий человек, не сегодняшний. По-настоящему он еще только будет.

Присматривать, ни на минуту не сводить глаз. Присматривать, не оставлять одного. Присматривать, не отходить ни на шаг.

Упадет, ударится, порежется, испачкается, прольет, порвет, сломает, испортит, засунет куда-нибудь, потеряет, подожжет, впустит в дом вора. Повредит себе, нам, покалечит себя, нас, товарища по игре.

Надзирать – никаких самостоятельных начинаний – полное право контроля и критики.

Не знает, сколько и чего ему есть, сколько и когда ему пить, не знает границ своих сил. Стало быть, стоять на страже диеты, сна, отдыха. Как долго? С какого времени? Всегда. С возрастом недоверие к ребенку принимает иной характер, но не уменьшается, а даже возрастает.

Ребенок не различает, что важно, а что неважно. Чужды ему порядок, систематический труд. Рассеянный, он забудет, пренебрежет, упустит. Не знает, что своим будущим за все ответит.

Мы должны наставлять, направлять, приучать, подавлять, сдерживать, исправлять, предостерегать, предотвращать, прививать, преодолевать.

Преодолевать капризы, прихоти, упрямство. Прививать осторожность, осмотрительность, опасение и беспокойство, умение предвидеть и даже предчувствовать.

Мы, опытные, знаем, сколько вокруг опасностей, засад, ловушек, роковых случайностей и катастроф.

Знаем, что и величайшая осторожность не дает полной гарантии, – и тем более мы подозрительны: чтобы иметь чистую совесть, и случись беда, так хоть не в чем было бы себя упрекнуть.

Мил ему азарт шалостей, удивительно, как он льнет именно к

дурному. Охотно слушает дурные нашептывания, следует самым плохим примерам.

Портится легко, а исправить трудно.

Мы ему желаем добра, хотим облегчить; весь свой опыт отдаем без остатка: протяни только руку – готовое! Знаем, что вредно детям, помним, что повредило нам, пусть хоть он избежит этого, не узнает, не испытает.

«Помни, знай, пойми».

«Сам убедишься, сам увидишь».

Не слушает! Словно нарочно, словно назло.

– Приходится следить, чтобы послушался, приходится следить, чтобы выполнил. Сам он явно стремится ко всему дурному, выбирает худший, опасный путь.

Как же терпеть бессмысленные проказы, нелепые выходки, необъяснимые вспышки?

Подозрительно выглядит первичное существо. Кажется покорным и невинным, а по существу хитро и коварно.

Умеет ускользнуть от контроля, усыпить бдительность, обмануть. Всегда у него готова отговорка, увертка, утаит, а то и вовсе солжет.

Ненадежный, вызывает разного рода сомнения.

Презрение и недоверие, подозрения и желание обвинить.

Печальная аналогия: дебошир, человек пьяный, взбунтовавшийся, сумасшедший. Как же – вместе, под одной крышей?

Неприязнь

Это ничего. Мы любим детей. Несмотря ни на что, они наша услада, бодрость, надежда, радость, отдых, светоч жизни. Не спугиваем, не обременяем, не терзаем; дети свободны и счастливы…

Но отчего они как бы бремя, помеха, неудобный привесок? Откуда неприязнь к любимому ребенку?

Прежде чем он мог приветствовать этот негостеприимный мир, в жизнь семьи уже вкрались растерянность и ограничения. Канули безвозвратно краткие месяцы долгожданной законной радости.

Длительный период неповоротливого недомогания завершают болезнь и боли, беспокойные ночи и дополнительные расходы. Утрачен покой, исчез порядок, нарушено равновесие бюджета.

Вместе с кислым запахом пеленок и пронзительным криком новорожденного забряцала цепь супружеской неволи.

Тяжело, когда нельзя договориться и надо додумывать и догадываться.

Но мы ждем, может быть, даже и терпеливо.

А когда наконец он начнет ходить и говорить, путается под ногами, все хватает, лезет во все щели, основательно-таки мешает и вносит непорядок – маленький неряха и деспот.

Причиняет ущерб, противопоставляет себя нашей разумной воле. Требует и понимает лишь то, что его душеньке угодно.

Не следует пренебрегать мелочами: обида на детей складывается и из раннего вставания, и смятой газеты, пятен на платьях и обоях, обмоченного ковра, разбитых очков и сувенирной вазочки, пролитого молока и духов и гонорара врачу.

Спит не тогда, когда нам желательно, ест не так, как нам хочется: мы-то думали – засмеется, а он испугался и плачет. А хрупок как! Любой недосмотр грозит болезнью, суля новые трудности.

Если один из родителей прощает, другой – в пику тому – не спускает и придирается; кроме матери имеют свое мнение о ребенке отец, няня, прислуга и соседка; и наперекор матери или тайком наказывают ребенка.

Маленький интриган бывает причиной трений и неладов между взрослыми; всегда кто-нибудь недоволен и обижен. За поблажку одного ребенок отвечает перед другим. Часто за мнимой добротой скрывается простая небрежность, ребенок делается ответчиком за чужие вины.

(Девочки и мальчики не любят, когда их называют детьми. Общее с самыми маленькими название заставляет отвечать за давнее прошлое, разделять дурную репутацию малышей, выслушивать многочисленные попреки к ним, старшим, уже не относящиеся.)

Как редко ребенок бывает таким, как нам хочется, как часто рост его сопровождается чувством разочарования!

– Кажется, ведь уже должен бы…

Взамен того, что мы даем ему добровольно, он обязан стараться и вознаграждать, обязан понимать, соглашаться и уметь отказываться; и прежде всего – испытывать благодарность. И обязанности, и требования с годами растут, а выполняются чаще всего меньше и иначе, чем мы хотели бы.

Часть идущего на воспитание времени, прав, пожеланий мы передаем школе. Удваивается бдительность, повышается ответственность, возникают столкновения противоречивых полномочий. Обнаруживаются недостатки.

Родители благосклонно простят ребенка: потворство их вытекает из ясного сознания вины, что дали ему жизнь, нанесли вред, искалечив. Порой мать ищет в мнимой болезни ребенка оружие против чужих обвинений и собственных сомнений.

Вообще голос матери не вызывает доверия. Он пристрастен, некомпетентен. Обратимся лучше ко мнению опытных воспитателей-специалистов: заслуживает ли ребенок нашего расположения?

Воспитатель в частном доме редко находит благоприятные условия для работы с детьми.

Скованный недоверчивым контролем, он вынужден лавировать между чужими указками и своими убеждениями, извне идущим требованием и своим покоем и удобством. Отвечая за вверенного ему ребенка, он терпит последствия сомнительных решений законных опекунов и работодателей.

Вынужденный утаивать и обходить трудности, воспитатель легко может деморализоваться, привыкнуть к двуличию; он озлобится и обленится.

С годами расстояние между тем, что хочет взрослый и к чему стремится ребенок, увеличивается: растет знание нечистых способов порабощения.

Появляются жалобы на неблагодарную работу: если бог хочет кого покарать, то делает его воспитателем.

Дети, живые, шумные, интересующиеся жизнью и ее загадками, нас утомляют; их вопросы и удивление, открытия и попытки – часто с неудачным результатом – терзают.

Реже мы – советчики, утешители, чаще – суровые судьи.

Немедленный приговор и кара дают один результат: проявления скуки и бунта будут реже, зато сильнее а упорнее. Стало быть, усилить надзор, преодолеть сопротивление, застраховать себя от неожиданностей.

Так катится воспитатель по наклонной плоскости: пренебрегает, не доверяет, подозревает, следит, ловит, журит, обвиняет и наказывает, ищет приемлемых способов, чтобы не допустить повторения; все чаще запрещает и беспощаднее принуждает, не хочет видеть стараний ребенка получше написать страницу или заполнить час жизни; сухо констатирует: плохо.

Редка лазурь прощений, часты багрянцы гнева и возмущения.

Насколько большего понимания требует воспитание группы детей, настолько легче впасть здесь в ошибку обвинений и обид!

Один маленький, слабенький и то утомляет, единичные проступки и то сердят; а как надоедлива, навязчива и неисповедима в своих реакциях толпа!

Поймите же наконец: не дети, а толпа. Масса, банда, свора – не дети.

Ты сжился с мыслью, что ты сильный, и вдруг чувствуешь себя маленьким и слабым. Толпа, этот великан с большим общим весом и суммой громадного опыта, то сплачивается в солидарном отпоре, то распадается на десятки пар ног и рук – голов, каждая из которых таит иные мысли и сокровенные желания.

Как трудно бывает новому воспитателю в классе или в интернате, где дети, содержавшиеся в строгом повиновении, обнаглевшие и опустошенные, организовались на основах бандитского насилия! Как сильны они и грозны, когда общими усилиями ударят в твою волю, желая прорвать плотину, – не дети, стихия!

Сколько их, скрытых революций, о которых воспитатель умалчивает; ему стыдно признаться, что он слабее ребенка.

Раз проученный, воспитатель ухватится за любое средство, чтобы подавить, покорить. Никаких фамильярностей, невинных шуток; никаких бурчаний в ответ, передергиваний плечами, жестов досады, упрямого молчания, гневных взглядов! Вырвать с корнем, мстительно выжечь пренебрежение и злобную строптивость! Вожаков он подкупит особыми правами, подберет себе приспешников, не позаботится о справедливости наказаний, были бы суровы, – в назидание, чтобы вовремя погасить первую искру бунта, чтобы толпа-богатырь даже мысленно не отваживалась разгуляться или ставить требования.

Слабость ребенка может пробуждать нежность, сила ребячьей массы возмущает и оскорбляет.

Существует ложное обвинение, что от дружеского обращения

ребята наглеют и ответом на доброту будут недисциплинированность и беспорядки.

Но не станем называть добротой беспечность, неумение и беспомощную глупость. Кроме продувных хапуг и мизантропов среди воспитателей встречаются люди никчемные, не удержавшиеся ни на одной работе, не способные ни к какому ответственному посту.

Бывает, учитель заигрывает с детьми, хочет быстро, дешево, без труда вкрасться в доверие. Хочет порезвиться, если в хорошем настроении, а не кропотливо организовывать жизнь коллектива. Подчас эти барские поблажки перемежаются с приступами дурного настроения. Такой учитель делает себя посмешищем в глазах детей.

Бывает, честолюбцу кажется, что легко переделать человека, убеждая и ласково наставляя: стоит лишь растрогать и выманить обещание исправиться. Такой учитель раздражает и надоедает.

Бывает, напоказ – друзья, на словах – союзники, на деле – коварнейшие враги и обидчики. Такие учителя вызывают отвращение.

Ответом на третирование будет пренебрежение, на дружелюбие – неприязнь, бунт, на недоверие – конспирация.

Годы работы все очевиднее подтверждали, что дети заслуживают уважения, доверия и дружеского отношения, что нам приятно быть с ними в этой ясной атмосфере ласковых ощущений, веселого смеха, первых бодрых усилий и удивлений, чистых, светлых и милых радостей, что работа эта живая, плодотворная и красивая.

Одно лишь вызывало сомнение и беспокойство.

Отчего подчас самый надежный – и подведет? Отчего – правда, редко, но бывают – внезапные взрывы массовой недисциплинированности всей группы? Может, взрослые не лучше, только более солидные, надежные, спокойней можно на них положиться?

Я упорно искал и постепенно находил ответ.

1. Если воспитатель ищет в детях черты характера и достоинства, которые кажутся ему особенно ценными, если хочет сделать всех на один лад, увлечь всех в одном направлении, его введут в заблуждение, одни подделаются под его требования, другие искренне поддадутся внушению – до поры до времени. А когда выявится действительный облик ребенка, не только воспитатель, но и ребенок болезненно ощутит свое поражение. Чем больше старание замаскироваться или повлиять – тем более бурная реакция; ребенку, раскрытому в самых своих доподлинных тенденциях, уже нечего терять. Какая важная отсюда вытекает

мораль!

2. Одна мера оценки у воспитателя, другая у ребят: и он, и они видят душевное богатство; он ждет, чтобы это душевное богатство развилось, а они ждут, какой им будет прок от этих богатств уже теперь; поделится ли, чем владеет, или сочтет себя вправе не дать – гордый, завистливый эгоист, скряга! Не расскажет сказки, не сыграет, не нарисует, не поможет и не услужит – «будто одолжение делает», «упрашивать надо». Попав в изоляцию, ребенок широким жестом хочет купить благосклонность у своего ребячьего общества, которое радостно встречает перемену. Не вдруг испортился, а, наоборот, понял и исправился.

3. Все подвели, всем скопом обидели.

Я нашел объяснение в книжках о дрессировке зверей – я не скрываю источника. Лев не тогда опасен, когда сердится, а когда разыграется, хочет пошалить; а толпа сильна, как лев.

Решение надо искать не столько в психологии, сколько– и это чаще – в медицине, социологии, этнологии, истории, поэзии, криминалистике, в молитвеннике и в учебнике по дрессировке. Ars Longa[2].

4. Настал черед самого солнечного (о, хоть бы не последнего!) объяснения. Ребенка может опьянить кислород воздуха, как взрослого водка. Возбуждение, торможение центров контроля, азарт, затмение; как реакция – смущение, неприятный осадок – изжога, сознание вины. Наблюдение мое клинически точно. И у самых почтенных граждан может быть слабая голова.

Не порицать: это ясное опьянение детей вызывает чувство растроганности и уважения, не отдаляет и разделяет, а сближает и делает союзниками.

Мы скрываем свои недостатки и заслуживающие наказания поступки. Критиковать и замечать наши забавные особенности, дурные привычки, смешные стороны детям не разрешается. Мы строим из себя совершенства. Обнажать бесстыдно и ставить к позорному столбу можно лишь ребенка.

Мы играем с детьми краплеными картами; слабости детского возраста бьем тузами достоинств взрослых. Шулеры, мы так подтасовываем карты, чтобы самому плохому в детях противопоставить то, что в нас хорошо и ценно.

Где наши лежебоки и легкомысленные лакомки-гурманы, дураки, лентяи, лодыри, авантюристы, люди недобросовестные, плуты, пьяницы и воры? Где наши насилия и явные и тайные преступления? Сколько дрязг, хитростей, зависти, наговоров, шантажей, слов, что калечат, дел, что позорят! Столько тихих семейных трагедий, от которых страдают дети, первые мученики-

жертвы!

И смеем мы обвинять и считать их виновными?!

А ведь взрослое общество тщательно просеяно и процежено. Сколько человеческих подонков и отбросов унесено водосточными канавами, вобрано могилами, тюрьмами и сумасшедшими домами!

Мы велим уважать старших, опытных, не рассуждая; а у ребят есть и более близкое им начальство – подростки, с их навязчивым подговариванием и давлением.

Преступные и неуравновешенные ребята бродят без призора и пихаются, расталкивают и обижают, заражают. И все дети несут за них солидарную ответственность (ведь и нам, взрослым, подчас от них чуть-чуть достается). Эти немногие возмущают общественное мнение, выделяясь яркими пятнами на поверхности детской жизни; это они диктуют рутине ее методы; держать детей в повиновении, хотя это и угнетает, в ежовых рукавицах, хотя это и ранит, обращаться сурово, а значит, грубо.

Мы не позволяем детям организоваться; пренебрегая, не доверяя, недолюбливая, не заботимся о них: без участия знатоков нам не справиться; а знатоки – это сами дети.

Неужели мы столь некритичны, что ласки, которыми мы преследуем детей, выражают у нас расположение? Неужели мы не понимаем, что, лаская ребенка, это мы принимаем его ласку, беспомощно прячемся в его объятиях, ищем защиты и прибежища в часы бездомной боли, бесхозной покинутости – слагаем на него тяжесть страданий и печалей?

Всякая иная ласка – не бегство к ребенку и не мольбы о надежде – это преступные поиски и пробуждение в нем чувственных ощущений.

«Обнимаю, потому что мне грустно. Поцелуй, тогда дам».

Эгоизм, а не расположение.

Право на уважение

Есть как бы две жизни: одна – важная и почтенная, а другая – снисходительно нами допускаемая, менее ценная. Мы говорим: будущий человек, будущий работник, будущий гражданин. Что они еще только будут, что потом начнут по-настоящему, что всерьез это лишь потом. А пока милостиво позволяем им путаться под ногами, но удобнее нам без них.

Нет! Дети были, и дети будут. Дети не захватили нас врасплох и ненадолго. Дети – не мимоходом встреченный знакомый, которого можно наспех обойти, отделавшись улыбкой и поклоном.

Дети составляют большой процент человечества, населения, нации, жителей, сограждан – они наши верные друзья. Есть, были и будут.

Существует ли жизнь в шутку? Нет, детский возраст – долгие, важные годы в жизни человека.

Жестокие законы Древней Греции и Рима позволяют убить ребенка. В Средние века рыбаки вылавливают из рек неводом тела утопленных младенцев. В XVII веке в Париже детей постарше продают нищим, а малышей у собора Парижской богоматери раздают даром. Это еще очень недавно! И по сей день ребенка бросают, когда он помеха.

Растет число внебрачных, подкинутых, беспризорных, эксплуатируемых, развращаемых, истязуемых детей. Закон защищает их, но в достаточной ли мере? Многое изменилось на свете, старые законы требуют пересмотра.

Мы разбогатели. Мы пользуемся уже плодами не своего, а чужого труда. Мы наследники, акционеры, совладельцы громадного состояния. Сколько у нас городов, зданий, фабрик, шахт, гостиниц, театров! Сколько на рынках товаров, сколько кораблей их перевозит! Налетают потребители и просят продать.

Подведем баланс, сколько из общей суммы причитается ребенку, сколько падает на его долю не из милости, не как подаяние. Проверим на совесть, сколько мы выделяем в пользование ребячьему народу, малорослой нации, закрепощенному классу. Чему равно наследство и каким обязан быть дележ; не лишили ли мы, нечестные опекуны, детей их законной доли – не экспроприировали ли?

Тесно детям, душно, скучно, бедная у них, суровая жизнь.

Мы ввели всеобщее обучение, принудительную умственную работу; существует запись и школьная рекрутчина. Мы взвалили на ребенка труд согласования противоположных интересов двух

параллельных авторитетов.

Школа требует, а родители дают неохотно. Конфликты между семьей и школой ложатся всей тяжестью на ребенка. Родители солидаризуются с не всегда справедливыми обвинениями ребенка школой, чтобы избавить себя от навязываемой ею опеки над ребенком.

Солдатская учеба тоже лишь подготовка к дню, когда призовут солдата к подвигу; но ведь государство обеспечивает солдата всем. Государство дает ему крышу над головой и пищу; мундир, карабин и денежное довольствие являются правом его, не милостыней.

А ребенок, подлежа обязательному всеобщему обучению, должен просить подаяния у родителей или общины.

Женевские законодатели спутали обязанности и права; тон декларации[3] не требование, а увещание: воззвание к доброй воле, просьба о благосклонности.

Школа создает ритм часов, дней и лет. Школьные работники должны удовлетворять сегодняшние нужды юных граждан. Ребенок – существо разумное, он хорошо знает потребности, трудности и помехи своей жизни. Не деспотичные распоряжения, не навязанная дисциплина, не недоверчивый контроль, а тактичная договоренность, вера в опыт, сотрудничество и совместная жизнь!

Ребенок не глуп; дураков среди них не больше, чем среди взрослых. Облаченные в пурпурную мантию лет, как часто мы навязываем бессмысленные, некритичные, невыполнимые предписания! В изумлении останавливается подчас разумный ребенок перед агрессией язвительной седовласой глупости.

У ребенка есть будущее, но есть и прошлое: памятные события, воспоминания и много часов самых доподлинных одиноких размышлений. Так же как и мы – не иначе, – он помнит и забывает, ценит и недооценивает, логично рассуждает и ошибается, если не знает. Осмотрительно верит и сомневается.

Ребенок – иностранец, он не понимает языка, не знает направления улиц, не знает законов и обычаев. Порой предпочитает осмотреться сам; трудно – попросит указания и совета. Необходим гид, который вежливо ответит на вопросы.

Уважайте его незнание!

Человек злой, аферист, негодяй воспользуется незнанием иностранца и ответит невразумительно, умышленно вводя в заблуждение. Грубиян буркнет себе под нос. Нет, мы не доброжелательно осведомляем, а грызем и лаемся с детьми – отчитываем, выговариваем, наказываем.

Как плачевно убоги были бы знания ребенка, не приобрети он

их от ровесников, не подслушай, не выкради из слов и разговоров взрослых.

Уважайте труд познания!

Уважайте неудачи и слезы!

Не только порванный чулок, но и поцарапанное колено, не только разбитый стакан, но и порезанный палец, синяк, шишку – а значит, боль.

Клякса в тетрадке – это несчастный случай, неприятность.

«Когда папа прольет чай, мамочка говорит “Ничего”, а мне всегда попадает».

Непривычные к боли, обиде, несправедливости, дети глубоко страдают и потому чаще плачут, но даже слезы ребенка вызывают шутки, кажутся менее важными, сердят.

«Ишь, распищался, ревет, скулит, нюни распустил».

(Букет слов из словаря взрослых, изобретенный для детского пользования.)

Слезы упрямства и каприза – это слезы бессилия и бунта, отчаянная попытка протеста, призыв на помощь, жалоба на халатность опеки, свидетельство того, что детей неразумно стесняют и принуждают, проявление плохого самочувствия и всегда – страдание.

Уважайте собственность ребенка и его бюджет! Ребенок делит со взрослыми материальные заботы семьи, болезненно чувствует нехватки, сравнивает свою бедность с обеспеченностью соученика, беспокоится из-за несчастных грошей, на которые разоряет семью. Он не желает быть обузой.

А что делать, когда нужно и шапку, и книжку, и на кино; тетрадку, если она исписалась, и карандаш, если его взяли или потерялся; а ведь хотелось бы и дать что– либо на память близкому другу, и купить пирожное, и одолжить соученику. Столько существенных нужд, желаний и искушений – и нет!

Не вопиет ли факт, что в судах для малолетних преобладают именно дела о кражах? Недооценка бюджета ребенка мстит за себя – наказания не помогут. Собственность ребенка – это не хлам, а нищенски убогие материалы и орудия труда, надежды и воспоминания.

Не мнимые, а подлинные сегодняшние заботы и беспокойства, горечь и разочарования юных лет.

Ребенок растет. Интенсивнее жизнь, чаще дыхание, живее пульс, ребенок создает себя – его все больше и больше; глубже врастает в жизнь. Растет днем и ночью, и когда спит и когда бодрствует, и когда весел и когда печален, когда шалит и когда стоит перед тобой и кается.

Бывают весны удвоенного труда развития и осенние затишья.

Вот разрастается костяк и сердце не поспевает; то недостаток, то избыток; иной химизм угасающих и развивающихся желез, иные неожиданности и беспокойство.

То ему надо бегать – так, как дышать, – бороться, поднимать тяжести, добывать; то затаиться, грезить, предаться грустным воспоминаниям. Попеременно то закалка, то жажда покоя, тепла и удобства. То сильное горячее стремление действовать, то апатия.

Усталость, недомогание (боль, простуда), жарко, холодно, сонливость, голод, жажда, недостаток чего-либо или избыток, плохое самочувствие – это не каприз и не школьная отговорка.

Уважайте тайны и отклонения тяжелой работы роста!

Уважайте текущий час и сегодняшний день! Как ребенок сумеет жить завтра, если мы не даем ему жить сегодня сознательной, ответственной жизнью?

Не топтать, не помыкать, не отдавать в рабство завтрашнему дню, не остужать, не спешить и не гнать.

Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрет она и никогда не повторится, и это всегда всерьез; раненая минута станет кровоточить, убитая – тревожить призраком дурных воспоминаний.

Позволим детям упиваться радостью утра и верить. Именно так хочет ребенок. Ему не жаль времени на сказку, на беседу с собакой, на игру в мяч, на подробное рассматривание картинки, на перерисовку буквы, и все это любовно. Он прав.

Мы наивно боимся смерти, не сознавая, что жизнь – это хоровод умирающих и вновь рождающихся мгновений. Год – это лишь попытка понять вечность по-будничному. Миг длится столько, сколько улыбка или вздох. Мать хочет воспитать ребенка. Не дождется! Снова и снова иная женщина иного встречает и провожает человека.

Мы неумело делим годы на более и менее зрелые; а ведь нет незрелого сегодня, нет никакой возрастной иерархии, никаких низших и высших рангов боли и радости, надежды и разочарований.

Играю ли я или говорю с ребенком – переплелись две одинаково зрелые минуты моей и его жизни; и в толпе детей я всегда на мгновенье встречаю и провожаю взглядом и улыбкой какого-нибудь ребенка. Сержусь ли – мы опять вместе, – только моя злая мстительная минута насилует его важную и зрелую минуту жизни.

Отрекаться во имя завтра? А чем оно так заманчиво? Мы всегда расписываем его слишком яркими красками. Сбывается предсказание: валится крыша, ибо не уделено должного

внимания фундаменту здания.

Право ребенка быть тем, что он есть

– Что из него будет, кем вырастет? – спрашиваем мы себя с беспокойством.

Хотим, чтобы дети были лучше нас. Грезится нам совершенный человек будущего.

Надо бдительно ловить себя на лжи, клеймя одетый в красивые слова эгоизм. Будто самоотречение, а по существу – грубое мошенничество.

Мы объяснились с собой и примирились, простили себя и освободили от обязанности исправляться. Плохо нас воспитали. Но поздно! Пороки и недостатки уже укоренились. Не позволяем критиковать нас детям и не проверяем себя сами.

Отпустили себе грехи и отказались от борьбы с собой, взвалив эту тяжесть на детей.

Воспитатель поспешно осваивает особые права взрослых: смотреть не за собой, а за детьми, регистрировать не свою, а детскую вину.

А вина ребенка – это все, что метит в наш покой, в самолюбие и удобство, восстанавливает против себя и сердит, бьет по привычкам, поглощает время и мысли. Мы не признаем упущений без злой воли.

Ребенок не знает, не расслышал, не понял, прослушал, ошибся, не сумел, не может – все это его вина. Невезение или плохое самочувствие, каждая трудность – это вина и злая воля.

Недостаточно быстро или слишком быстро и потому недостаточно исправно выполненная работа – вина: небрежность, лень, рассеянность, нежелание работать.

Невыполнение оскорбительного и невыполнимого требования – вина. И наше поспешное злое подозрение – тоже его вина. Вина ребенка – наши страхи и подозрения и даже его старание исправиться.

«Вот видишь, когда ты хочешь, ты можешь».

Мы всегда найдем, в чем упрекнуть, и алчно требуем все больше и больше.

Уступаем ли мы тактично, избегаем ли ненужных трений, облегчаем ли совместную жизнь? Не мы ли сами упрямы, привередливы, задиристы и капризны?

Ребенок привлекает наше внимание, когда мешает и вносит смуту; мы замечаем и помним только эти моменты. И не видим, когда он спокоен, серьезен, сосредоточен. Недооцениваем порой минуты беседы с собой, миром. Ребенок вынужден скрывать свою тоску и внутренние порывы от насмешек и резких замечаний;

утаивает желание объясниться, не выскажет и решения исправиться.

Не бросит проницательного взгляда, затаит в себе удивление, тревогу, скорбь, гнев, бунт. Мы хотим, чтобы он подпрыгивал и хлопал в ладоши, – вот он и показывает ухмыляющееся лицо шута.

Громко говорят о себе плохие поступки и плохие дети, заглушая шепот добра, но добра в тысячу раз больше, чем зла. Добро сильно и несокрушимо. Неправда, что легче испортить, чем исправить.

Мы тренируем свое внимание и изобретательность в высматривании зла, в расследовании, в вынюхивании, в выслеживании, в преследовании, в ловле с поличным, в дурных предвидениях и в оскорбительных подозрениях.

(Разве мы приглядываем за стариками, чтобы не играли в футбол? Какая мерзость – упорное выслеживание у детей онанизма.)

Один из мальчиков хлопнул дверью, одна постель плохо застелена, одно пальто пропало, одна клякса в тетрадке. Если мы и не отчитываем, то уж во всяком случае ворчим, вместо того чтобы радоваться, что лишь один, одна, одно.

Мы слышим жалобы и споры, но насколько больше прощений, уступок, помощи, заботы, услуг, уроков, глубоких и красивых влияний! Даже задиры и злюки не только заставляют лить слезы, но и расцветать улыбки.

Ленивые, мы хотим, чтобы никто и никогда, чтобы из десяти тысяч секунд школьного дня (сосчитайте) не было ни одной трудной.

Почему ребенок для одного воспитателя плох, а для другого хорош? Мы требуем стандарта добродетелей и поведения и, сверх того, по вашему усмотрению и образцу.

Найдешь ли в истории пример подобной тирании? Поколение Неронов расплодилось…

Кроме здоровья бывают и недомогания, кроме достоинств и положительных качеств – недостатки и пороки.

Кроме небольшого числа детей, растущих в обстановке веселья и празднеств, для кого жизнь – сказка и величавая легенда, доверчивых и добродушных, существует основная масса детей, кому с юных лет мир жестко и без прикрас гласит суровые истины.

Испорченные презрительным помыканием некультурности и бедности или чувственно-ласковым пренебрежением пресыщенности и лоска…

…Испачканные, недоверчивые, настроенные против людей –

не плохие.

Для ребенка пример не только дом, но и коридор, двор, улица. Ребенок говорит языком окружающих – высказывает их взгляды, повторяет их жесты, подражает их поступкам. Мы не знаем чистого ребенка – каждый в большей или меньшей степени загрязнен.

О, как он быстро высвобождается и очищается! От этого не лечат, это смывают; ребенок рад, что нашел себя, и охотно помогает. Стосковался по бане и улыбается тебе и себе.

Такие наивные триумфы из повести о сиротках одерживает каждый воспитатель; случаи эти сбивают с толку некритически мыслящих моралистов, что, мол, легко. Халтурщик рад-радешенек, честолюбивый приписывает заслугу себе, а наглеца сердит, что так выходит не всегда; одни хотят всюду добиться подобных результатов, увеличивая дозу убеждения, другие – нажима.

Кроме детей лишь загрязненных, встречаются и с ушибами и ранами; колотые раны не оставляют шрамов и сами затягиваются под чистой повязкой; чтобы зажили рваные раны, приходится дольше ждать, остаются болезненные рубцы; их нельзя задевать. Коросты и язвы требуют большего старания и терпения.

Говорят: тело заживает; хотелось бы добавить: и душа.

Сколько мелких ссадин и инфекций в школе и интернате, сколько соблазнов и неотвязных нашептываний; а как мимолетно и невинно их действие! Не будем опасаться грозных эпидемий там, где атмосфера интерната здоровая, где много кислорода и света.

Как мудр, постепенен и чудесен процесс выздоровления! Сколько в крови, соках, тканях важных тайн! Как каждая нарушенная функция и затронутый орган стараются восстановить равновесие и справиться со своим заданием!

Сколько чудес в росте растения человека – в сердце, в мозгу, в дыхании! Самое маленькое волнение или напряжение – и уже сильнее трепыхается сердце, уже чаще пульс…

Так же силен и стоек дух ребенка. Существуют моральная устойчивость и чуткая совесть. Неправда, что дети легко заражаются.

Халтурный диагноз валит в одну кучу детей подвижных, самолюбивых, с критическим направлением ума – всех «неудобных», но здоровых и чистых – вместе с обиженными, надутыми, недоверчивыми – загрязненными, искушенными, легкомысленными, послушно следующими дурным примерам. Незрелый, небрежный, поверхностный взгляд смешивает, путает их с редко встречающимися преступными, отягощенными

дурными задатками детьми.

(Мы, взрослые, не только сумели обезвредить пасынков судьбы, но и умело пользуемся трудом отверженных.)

Вынужденные жить вместе с ними, здоровые дети вдвойне страдают: их обижают и втягивают в преступления.

Ну а мы? Не обвиняем ли легкомысленно всех ребят огулом, не навязываем ли солидарную ответственность?

«Вот они какие, вот на что они способны».

Наитягчайшая, пожалуй, несправедливость.

Потомство пьянства, насилия и исступления. Проступки – эхо не внешнего, а внутреннего наказа. Черные минуты, когда ребенок понял, что он иной, что ничего не поделаешь, он – калека и его предадут анафеме и затравят. Первое решение – бороться с силой, которая диктует ему дурные поступки. Что другим далось даром, так легко, что в других пустяк и повседневность – погожие дни душевного равновесия, – он получает в награду за кровавый поединок с самим собой. Он ищет помощи и, если доверится, – льнет к тебе, просит, требует: «Спасите!» Проведал о тайне и жаждет исправиться раз и навсегда, сразу, одним усилием.

Вместо того чтобы благоразумно сдерживать легкомысленный порыв, отдалять решение исправиться, мы неуклюже поощряем и ускоряем. Ребенок хочет высвободиться, а мы стараемся поймать в сети; он хочет вырваться, а мы готовим коварные силки. Дети жаждут явно и прямо, а мы учим только скрывать. Дети дарят нам день, целый, долгий и без изъяна, а мы отвергаем его за одно дурное мгновенье. Стоит ли это делать?

Ребенок мочился под себя ежедневно, теперь реже, было лучше, опять ухудшение – не беда! Дольше перерывы между приступами у эпилептика. Реже кашляет, спала температура у больного туберкулезом. Даже не лучше, но нет ухудшения. И это врач ставит в плюс лечению. Здесь ничего не выманишь и не заставишь.

Отчаявшиеся, полные бунта и презрения к покорному, льстивому братству добродетели, стоят ребята перед воспитателем, сохранив, быть может, единственную и последнюю святыню – нелюбовь к лицемерию. И эту святыню мы хотим повалить и исполосовать! Мы совершаем кровавое преступление, обрушивая на ребят голод и пытки, и зверски подавляем не сам бунт, а его неприкрытость, легкомысленно раскаляя добела ненависть к коварству и к ханжеству.

Дети не отказываются от плана мести, а откладывают, поджидая удобного случая. И если они верят в добро – затаят в глубине души эту тоску по добру.

– Зачем вы родили меня? Кто просил у вас эту собачью

жизнь?

Перехожу к раскрытию сокровеннейших тайн, к труднейшему разъяснению. Для нарушений и упущений достаточно терпеливой и дружеской снисходительности; преступным детям необходима любовь. Их гневный бунт справедлив. Надо понять сердцем их обиду на гладкую добродетель и заключить союз с одиноким заклейменным проступком. Когда же, как не сейчас, одарить его цветком улыбки?

В исправительных домах – еще инквизиция, пытки средневековых наказаний, солидарная ожесточенность и мстительность узаконенных гонений. Разве вы не видите, что самым хорошим ребятам жаль этих самых плохих: чем они виноваты?

Недавно смиренный врач послушно подавал больным сладкие сиропы и горькие микстуры; связывал горячечных больных, пускал кровь и морил голодом в мрачных преддвериях кладбища. Безучастный к бедноте, угождал имущим. Но вот он стал требовать – и получил. Врач[4] завоевал детям пространство и солнце, как, к нашему стыду, генерал[5] дал ребенку движение, веселое приключение, радость товарищеской услуги, наказ честно жить в беседах у лагерного костра под усеянным звездами небом.

А какова роль воспитателей? Каков их участок работы?

Страж стен и мебели, тишины во дворе, чистоты ушей и пола; пастух, который следит, чтобы скот не лез в потраву, не мешал работе и веселому отдыху взрослых; хранитель рваных штанов и башмаков и скупой раздатчик каши. Страж льгот взрослых и ленивый исполнитель их дилетантских капризов.

Ларек со страхами и предостережениями, лоток с моральным барахлом, продажа на вынос денатурированного знания, которое лишает смелости, запутывает и усыпляет вместо того, чтобы пробуждать, оживлять и радовать. Агенты дешевой добродетели, мы должны навязывать детям почитание и покорность и помогать взрослым расчувствоваться и приятно поволноваться. За жалкие гроши созидать солидное будущее, обманывать и утаивать, что дети – это масса, воля, сила и право.

Врач вырвал ребенка из пасти у смерти, задача воспитателей дать ему жить, завоевать для него право быть ребенком.

Исследователи решили, что человек зрелый руководствуется серьезными побуждениями, ребенок – импульсивен; взрослый – логичен, ребенок во власти прихоти воображения; у взрослого есть характер и определенный моральный облик, ребенок запутался в хаосе инстинктов и желаний. Ребенка изучают не как отличающуюся, а как низшую, более слабую и бедную психическую организацию. Будто все взрослые – ученые-

профессора.

А взрослый – это сплошной винегрет, захолустье взглядов и убеждений, психология стада, суеверие и привычки, легкомысленные поступки отцов и матерей, взрослая жизнь сплошь, от начала и до конца, безответственна! Беспечность, лень, тупое упрямство, недомыслие, нелепости, безумство и пьяные выходки взрослых…

…И детская серьезность, рассудительность и уравновешенность, солидные обязательства, опыт в своей области, капитал верных суждений и оценок, полная такта умеренность требований, тонкость чувств, безошибочное чувство справедливости.

Каждый ли из нас обыграет ребенка в шахматы?

Давайте требовать уважения к ясным глазам, гладкой коже, юному усилию и доверчивости. Чем же почтеннее угасший взор, покрытый морщинами лоб, жесткие седины и согбенная покорность судьбе?

Восход и закат солнца. Утренняя и вечерняя молитвы. И вдох, и выдох, и сокращение, и расслабление сердца.

Солдат всегда солдат – и когда идет в бой, и когда возвращается, покрытый пылью.

Растет новое поколение, вздымается новая волна. Идут и с недостатками, и с достоинствами; дайте условия, чтобы дети вырастали более хорошими! Нам не выиграть тяжбы с гробом нездоровой наследственности, ведь не скажем мы васильками, чтобы стали хлебами.

Мы не волшебники – и не хотим быть шарлатанами. Отрекаемся от лицемерной тоски по совершенным детям.

Требуем: устраните голод, холод, сырость, духоту, тесноту, перенаселение!

Это вы плодите больных и калек, вы создаете условия для бунта и инфекции: ваше легкомыслие и отсутствие согласия.

Внимание: современную жизнь формирует грубый хищник; это он диктует методы действий. Ложь – его уступки слабым, фальшь – почет старцу, равноправие женщины и любовь к ребенку. Скитается по белу свету бездомная Золушка – чувство. А ведь именно дети – князья чувств, поэты и мыслители.

Уважайте, если не почитаете, чистое, ясное, непорочное, святое детство!

Правила жизни. Педагогика для детей и для взрослых [6]

Вступление

Я боялся, что на меня станут сердиться.

Скажут: «Голову ребятишкам морочит».

Или: «Подрастут, будет еще у них время обо всем этом подумать».

Или: «И так не очень-то слушаются, ну а теперь пойдут критиковать взрослых…»

«…Покажется им, что все знают, и заважничают».

Давно, очень давно я хотел написать такую книжку, да все откладывал.

Ведь это – первый опыт.

Опыт может и не удаться.

А если даже и удастся, промахи неизбежны. У того, кто делает что-либо новое, должны быть ошибки.

Я буду начеку. Постараюсь, чтобы книжка вышла занимательная, хотя это и не описание путешествия, и не историческая повесть, и не рассказ о природе.

Я долго думал и все не знал, как назвать книжку.

Пока один мальчик не сказал:

– Много у нас, у ребят, огорчений оттого, что мы не знаем, как правильно жить. Иногда взрослые объясняют спокойно, а больше сердятся. А ведь неприятно, когда сердятся. Понять

трудно, а спросить нельзя. И в голову лезут разные поперечные мысли.

Так и сказал: «поперечные мысли».

Я взял лист бумаги и написал:

«Правила жизни».

Вижу: правду мальчик сказал – хорошо получилось.

И я составил план.

Я напишу о доме, о родителях, о братьях и сестрах, о домашних развлечениях и огорчениях.

Потом – об улице.

Потом – о школе.

Потом я напишу о ребятах, которые думают про то, что они видят дома, на улице и в школе.

Каждый из вас ведь не только играет, но и смотрит, и слушает, что говорят другие, и сам размышляет.

Это не повесть и не школьный учебник, а научная книга.

Одни предпочитают авантюрные романы, сказки, необыкновенные приключения, печальные или смешные. А другие говорят, что самые занятные книжки – это как раз научные.

По школьному учебнику учатся, повесть – та читается легко, а научная книга заставляет человека самого много думать. Немножко прочтет, а потом вспоминает разные вещи, а иной раз и удивляется, и размышляет, так ли это на самом деле.

Ведь бывает, что один говорит одно, а другой другое.

У ребят свои дела, свои огорчения, свои слезы и улыбки, свои взгляды – молодые, молодая поэзия.

Часто ребята прячутся от взрослых, стыдятся, не доверяют, боятся, что станут высмеивать.

Ребята любят слушать разговоры взрослых – и очень хотят знать.

Хотят знать правила жизни.

Самые близкие нам люди

Первое слово младенца – «мама».

Не помню, сказал ли мне кто, в книге ли я прочел, что самое древнее слово, которое придумали первобытные люди, было именно «мама», а потому слово «мама» похоже во многих языках.

По-гречески – η μαμά μου, по-латыни – mater, по-французски – mère, по-немецки – Mutter.

Моя мама – ma mère – meine Mutter – mea mater – миа метер.

Уже младенец знает свою мать. Еще ни говорить, ни ходить не умеет, а уже тянет ручонки к матери. Узнает ее и на улице, когда она подходит, еще издали улыбается. Даже ночью узнает по голосу, по дыханию. Даже слепые от рождения и ослепшие дети, касаясь рукой лица матери, узнают ее и говорят:

«Мама – мамуся – мамочка».

Один мальчик сказал так:

– Я и раньше думал, только теперь мысли у меня трудные. А когда я был маленький, мысли были легкие.

Какие же это «легкие мысли» о матери?

Мама добрая, веселая или сердитая, или печальная, здоровая или больная.

Мама позволяет, дает, запрещает, хочет или не хочет.

Позже видишь и других матерей, не только свою.

И узнаешь, что есть матери молодые, веселые, улыбающиеся, есть озабоченные, усталые, заработавшиеся, есть очень образованные и не очень, богатые и бедные, в шляпе или в платке.

Неприятно, если мама вышла и долго не возвращается. Бывает, мама каждый день ходит на работу или надолго уедет. Тяжко думать, что есть на свете сироты.

А еще позже услышишь или прочтешь в газете, что какая-то мать подбросила ребенка. Он даже не помнит мать, и нет у него фотографии и ничего на память. И так поступила как раз мама, та, которая должна быть самой близкой, еще ближе, чем отец!..

– Папочка – папа.

И опять:

«Легкие» мысли про то, что отец работает, получает деньги и дает маме. Но не всегда так; случается, отец болен или не может найти работу. Иногда отец работает дома, иногда где-нибудь в городе, или часто ездит в другой город, или уехал далеко-далеко и только шлет письма.

«Легкие» мысли бывают тогда, когда родители здоровы, дома все есть, все живут дружно и нет огорчений.

Я, пишущий эту книгу, знаком с очень многими семьями, и в каждом доме хоть немножко, да по-другому. И мои взрослые мысли очень трудные и длинные. Ты, любезный читатель, можешь сосчитать, сколько у тебя знакомых домов и товарищей. Я уже не могу: много, очень много.

Я знаю мальчика, живущего у бабушки, и девочку, которую взяла к себе тетка. А очень многие дети живут у совсем чужих людей: в лечебницах, интернатах, приютах, пансионах.

Родители живут в деревне, где нет школы, поэтому отправляют ребенка в город. Или родители в городе, а доктор велел устроить ребенка на курорт.

В школе знакомишься с ребятами, говоришь с ними и узнаешь каждый раз что-то новое. Читаешь книги и начинаешь понимать, что людям живется по-разному: одним хорошо, другим плохо.

Каждый хочет, чтобы дома у него все были спокойные, веселые и не было огорчений. Но надо примириться с тем, что не всегда и не все хорошо. Один день радостный, другой печальный, одно удастся, другое нет. То солнце светит, то дождик идет.

– Ничего не поделаешь, такая уж жизнь, – сказал один мальчик.

Что лучше – быть у родителей одному или иметь брата? Или сестру? Лучше быть младшим или старшим?

Ребенок был в семье один, а потом родился братишка. Радоваться этому?

Может быть маленький брат, большой брат и почти взрослый. Может быть один старший, другой младший. Маленький брат, большая сестра. Большой брат, маленькая сестра.

Что лучше?

Я не могу ответить, не знаю, и никто этого не знает.

– А ты как хотела бы?

– Я хотела бы, чтобы было так, как есть, – сказала одна девочка.

Бывают люди всегда веселые, всегда довольные. Им все нравится. У них и в мыслях нет, чтобы что-то было по-другому. А другие часто и легко сердятся.

Если можно что-нибудь изменить, стоит об этом поразмыслить; если же все должно остаться так, как есть, не надо дуться как мышь на крупу. И уж всегда можно жить дружно и с маленькими, и с большими, и с братом, и с сестрой – и это действительно зависит от нас самих.

Я знаю одного мальчика, у него был больной брат. Удивительная была болезнь. Даже родителям казалось, что он просто непослушный, невоспитанный, своевольный. Ходил, ел,

спал, как все, только ни минуты не мог усидеть на месте и все трогал, хватал, портил. Если он что-нибудь хотел, а ему не давали, он бросался на пол, колотил по полу ногами, плевался, кусался и кричал так громко, что раз даже полицейский пришел: думал, мальчишку избивают, а над детьми издеваться воспрещается.

Лишь тогда родители вызвали докторов.

– Балованный, капризный – это верно. Но он болен: нервный, не понимает.

– Что делать?

– Надо отдать в специальное заведение, для дома он слишком труден. Вы с ним не сладите. Надо знать, как с таким обращаться. Станете уступать, будет хуже. Этого недостаточно – только не раздражать.

Родителям жалко было отдавать больного мальчика.

Я сказал:

– Вы должны думать о здоровом. Общество больного брата для него вредно.

И тогда этот маленький мальчик закричал:

– Я не хочу, чтобы его из-за меня увозили. Пусть остается, я отдам ему все игрушки. Там, я знаю, там его будут бить.

Я написал об этом совсем не потому, что все обязаны так поступать. Можно требовать доброты, но не самопожертвования.

Братья и сестры могут жить дружно, но не надо удивляться, что время от времени возникают ссоры.

Из-за чего? Из-за мяча, из-за места за столом, из-за чернил, кому первому мыться, кто должен поднять бумажку. Один хочет петь, а другой – чтобы было тихо. Один хочет играть, а другой читать.

Бывают ссоры, когда сразу видно, кто прав, а кто неправ, и такие, когда это не очень-то ясно. Тогда один должен уступить – добровольно или по приказу. Иной раз ребята и подерутся, и поплачут.

А хуже всего – это когда маленький мешает старшему делать уроки. Толкает, надоедает, лезет на стол, трогает чернильницу. Старшему хочется поскорее кончить, ведь не каждый может долго сидеть и все время думать. Он пишет, малыш подталкивает, а в школе попадает, что писал нестарательно.

Не всегда у взрослых есть время и терпение точно дознаться, как было дело. И они говорят:

– Уступи малышу!

Или:

– Уступи девочке.

Или:

– Старшему следует уступить.

Я убедился, что самое худшее, как дома, так и в школе, – это вынужденные уступки. Они действуют лишь на короткое время. Потом будет еще хуже. Несправедливость раздражает. Остается чувство досады. Остается обида. Я убедился, что лучше совсем не вмешиваться, чем судить, не разобравшись в причине распри. Взрослым иногда кажется, что ссора вышла из-за сущего пустяка. Из-за чепухи… Нет. Братья и сестры часто добровольно уступают и прощают. Нередко взрослые жалуются, что:

– Целый день они ссорятся.

– Вечно они ссорятся.

– Не перестают ссориться.

– Ни минуты без ссоры.

Преувеличение.

Если подсчитать, то у недружных братьев и сестер выпадет две-три-четыре ссоры в день. Допустим, каждая ссора длится пятнадцать минут – значит, все вместе час. Час это много, но не целый же день. И может быть, лучше один час войны, чем постоянная злость и тихая, все возрастающая неприязнь.

Я убедился, что пренебрежительное отношение старших братьев и сестер к младшим обижает и сердит.

И наоборот, сердит и раздражает, когда младшие требуют для себя прав, какими пользуются старшие.

– Я тоже хочу, – говорит малыш.

– Раз так, то ни тот, ни другой!

И из ложного принципа равенства или для примера старшему что-нибудь не дают или не позволяют.

И если после возникает ссора, дело тут не в пустяках, а во взаимной неприязни.

Бывают дни хуже и лучше. Уже было гораздо лучше, совсем хорошо, и вдруг опять начинают.

Почему?

Прежде чем что-нибудь предпринять, надо изучить, узнать, расспросить, потому что как можно, не зная, советовать и поучать? Я убедился, что не следует спешить на помощь. Лучше подождать, пока ребята успокоятся.

Я убедился, что добра больше, в десять раз больше, чем зла, и поэтому можно спокойно переждать, когда злость пройдет. Не только человек, каждое живое существо предпочитает мир войне, и значит, не следует обвинять детей в пристрастии к ссорам.

Если в семье есть бабушка и дедушка, может быть, это для ребят лучше. Если мама сегодня сердитая, может быть, бабушка утешит; мама откажется, может быть, бабушка поможет. У бабушки больше времени – значит, выслушает внимательнее.

Любопытно рассказывают старые люди. И вообще, как это удивительно: бабушка помнит маму маленькой девочкой, а папу – юношей. А еще раньше бабушка сама была ребенком. Это очень смешно: бабушка с косичками и бантиком.

Она помнит старые времена. Другие тогда были улицы и дома, другие лампы и часы, даже люди были другие. Не было многих изобретений, и книг, и игрушек, развлечений.

А из людей – одни уже умерли, других еще не было на свете…

И приходят в голову «трудные» мысли, уже не только о том, что сейчас есть, но и о том, что было и что будет.

Удивительно…

Дом – квартира

Люди живут в больших городах, маленьких городишках и в деревнях.

Родным домом может быть хата, усадьба, комнатка в деревянном доме, комната или несколько комнат в высоком каменном здании и дворец.

Дом может быть собственностью родителей или сниматься у домовладельца, которому ежемесячно платят за квартиру. Кто не может платить, должен съехать.

Маленькие дети ничего этого не знают, их «легкие» мысли такие:

«Здесь мои мама и папа, здесь моя кроватка и игрушки, здесь я сплю и ем, и спешу сюда, когда холодно и идет дождик».

Как птица в свое гнездо.

И только позже ребенок знакомится с другими квартирами – смотрит и немножко смущается, немножко боится. Видит других мам, другие столы, кровати и шкафы. Удивляется, думает, сравнивает и, наконец, твердо знает.

Уже большой мальчик из небольшого городка сказал:

– Я думал, в Варшаве высокие горы, и море, и корабли, и кругом одни памятники, как на кладбище. Сам не знаю, что я думал.

Часто правда переплетается со сном и сказкой.

Одна большая девочка сказала:

– Я не могу себе представить, как это люди живут зимой в деревне. Кругом снег, холодно, а они сидят там!

Только когда человек хорошо познакомится со своим жилищем, он начинает интересоваться тем, что далеко и по-другому. Как бы путешествует мысленно по неведомым странам.

Ребенку изрядно приходится потрудиться, чтобы узнать свой дом. Кто постарше, тот даже уже и не помнит, как он разглядывал комнату, пол, потолок и стены, сколько видел непонятных вещей, сколько его подстерегало неожиданных сюрпризов и тайн. Удивительная лампа, неодинаковая днем, вечером и ночью.

Часы, которые тикают и бьют. Что в них, почему и зачем? Мама взглянет на часы и знает, что скоро придет папа. Словно часы знают, что делается вне дома, знают, когда будет темно, и бьют, чтобы люди ели, ложились спать, вставали. Ни на минуту не перестают шептаться на стенке.

Удивительное зеркало. Совсем не такое, как картина. В нем можно увидеть разные вещи. Если перед зеркалом встанет мама, будет две мамы.

– А это я!

Ребенок поднимает руку, высовывает язык, держит кошку, приподнимает фартучек – в зеркале то же самое.

Висят картины и фотографии – и что-то говорят и объясняют, а малыш любит их или не любит, радуется или боится.

Опрокинул стул – испугался, больно; упал, ушибся о стол, о шкаф. Свалился откуда-нибудь. Ударили дверью. Обжегся о плиту. И плита тут что-то делает, все тут что-нибудь да значит. Иногда хорошо и весело, а иногда бранят. За что?

Говорят, что испортил, сломал, запачкал. Приключается с малышом и беда: написал на пол, сам не знает, как это вышло. Опять огорчение.

Но бывают и победы: впервые сам влез на подоконник, впервые дотянулся до дверной ручки, впервые дорвался до щетки и метет или вытирает тряпкой пыль.

Ребенок постарше, который ходит в школу, уже все это забыл. А жаль: помни он, как ему самому было трудно, не судил бы малыша строго.

Покажу на примере, что и старшим детям не все понятно: почему, например, взрослые не позволяют прыгать на диване? Говорят «портится», а ведь это вовсе не так; а уж как приятно прыгать, как высоко подбрасывают пружины.

Дети не знают, что есть дорогие вещи, которые покупаются на долгие годы. Диван от прыганья сразу не испортится, но через год-другой порвутся веревки, которыми связаны пружины, и придется платить обойщику за починку, а то и за новую обивку.

Малышу родители иногда позволяют попрыгать, не хочется запрещать, и малыш легкий, не так уж испортит. А на большого очень сердятся, денег нет на ремонт.

Родители сердятся, если царапать ножиком стол, щелкать выключателем, зажигать спички, играть в комнате в мячик. И, надо признать, они правы.

Помню, я разбил, играя в мяч, дорогую вазу. Долго удавалось мне ничего не бить – может быть, целый год. Я обещал бросать мячик только о пол, и мама позволила. И вот то ли я слишком сильно ударил, то ли забыл об обещании. Ваза дрогнула, закачалась и упала.

Когда ребята приходят ко мне в комнату, я всегда ставлю лампу и будильник в безопасное место. Не хочу, чтобы у них были неприятности, а у меня убыток. И всем советую так делать: лучше вовремя отодвинуть чернила, чем сердиться, что пролили.

Взрослые не очень любят, когда у ребят гости, и хотят знать, спокойные ли твои товарищи и хорошо ли воспитаны. И сердятся, если что-нибудь приключится: напригласил, мол, озорников. А

ведь неприятно отказывать, когда товарищ просит:

– Я приду к тебе?

Тихому мальчику даже чай пролить неприятно; а уж всегда так бывает, что когда слишком стараешься, что-нибудь да не выйдет. Поэтому тихие не любят ходить по знакомым, предпочитают поскучать. А все потому, что не знают, как навещать товарищей и как принимать, чтобы и гостя не обидеть, и самому не иметь неприятностей. А жаль…

Плохо, что как раз у хороших ребят всегда столько опасений, а бесстыжим на все плевать, и именно у чужого они делают все то, что им запрещают дома.

Один мальчик пригласил к себе товарищей. Конечно, мама позволила. Но пришел один непрошеный. Даже в школе он всегда играл как-то дико, и его звали «бешеный». А что было делать? Гость!

Хорошо поиграли. Только тот разошелся и разбил большое зеркало, и мама велела всем убираться вон.

– Ты зачем его звал?

– А вот именно и не звал.

– Надо было так ему и сказать.

Мальчик не знал правила, которое учит, что не с каждым можно быть деликатным.

А я знаю случай, когда гость взял у мамы со столика золотые часы.

Где большая квартира, там легче. Тогда дети и взрослые меньше мешают друг другу. А чем больше народу и теснее, тем больше горестей, запретов и убытков. Кто виноват? Никто.

Я читал в книжке, что когда у тебя неприятность и ты знаешь, из-за чего она, тебе уже не так больно. А маленькие не знают.

Там, где есть детская, реже скажут:

– Не бегай, не шуми.

Хотя и не всегда так бывает, богатые менее терпеливы, больше думают о своем покое и удобстве.

Очень трудно сказать, где лучше.

Один мальчик, у которого семья ютилась в одной комнатушке, побывал в гостях у богатого товарища и сказал так:

– Хорошо там. У него своя комната. Всякие ковры, картины. Игрушек столько… Только я не хотел бы там жить. У нас лучше – веселее.

Иногда человеку кажется, что он хочет, чтобы все было по-другому, не так, как есть. Как бы завидует: тому, мол, лучше. Но на самом деле редко кому хочется быть другим, иметь другую маму и жить в другом месте. Не хочется, чтобы все было совсем по-другому. Хочется только немножко изменить, подправить. А

впрочем, люди бывают разные: один более привязчивый, другой менее.

В тесной квартире могут царить любовь и согласие и быть весело, а в большой – жить недружно, одни строгости да скука. Одинок ребенок может быть и тут, и там.

Трудно даже сказать, лучше жить в большом городе или в маленьком. В маленьком дети боятся пожара, в большом – машин и воров. В большом больше развлечений, книжек, кинотеатров, зато в маленьком дальние экскурсии, хороши весна и осень, больше цветов, птиц.

Как приятно ухаживать за растениями, сколько радости, когда сажаешь в горшки семена и они всходят, строгаешь подпорки, пересаживаешь, поливаешь, выставляешь под дождик, окуриваешь!

А канарейка в клетке, а рыбки в аквариуме или хотя бы в банке? А в маленьком городке и голуби, и кролики, и собаки, и цыплята…

– Я хочу, чтобы было так, как есть, – сказал один мальчик.

Иногда родители живут в деревне. Там, где жили еще и дедушка, и прадедушка.

Взрослые говорят, что маленькие любят переезжать. И я раньше так думал. Но нет.

Иногда переезжать весело. Каждый рад, когда на лето едет в деревню. И каникулы – и лето – и не навсегда.

Хорошо переехать в более веселый дом, где есть балкон, и больше окон, и ближе парк. И родители довольны, говорят, что будет удобно. Но даже и тогда жалко дом, который ты знаешь, и соседей. Пусто делается, когда выносят вещи…

А бывают и совсем невеселые переезды, когда кто-нибудь умер или у родителей стали плохи дела.

Часто переезд вызывает тревожное чувство: как-то будет в чужом городе, в дальнем краю? Неужели никогда я не увижу того, что было?

Не всегда маленькие быстро забывают и привыкают. Иногда у взрослых, занятых на новом месте новыми делами, нет времени думать о прошлом. А ребенок тоскует.

Взрослые дома

Дома, кроме мамы и папы, бывают еще горничная, кухарка, иногда няня или бонна, гувернантка или гувернер.

Нелегко сразу понять, как со всем этим народом ладить. Столько надо людей узнать, чтобы не попасть в беду!

Надо прямо сказать, иногда родители многое позволяют, делают мало замечаний, а иногда действительно слишком уж часто слышишь:

«Не смей, нельзя, не тронь, перестань, не так, потом».

Или:

«Поди, возьми, играй, ешь, спи».

Одному легко слушаться, другому трудно. Спокойному ребенку легче, а беспокойный сердится.

Говорит: «Мучают, надоедают, покоя не дают, над душой стоят, лезут».

А взрослые про такого: «Непослушный, плохой, баловник».

Вот тогда-то и приходят (как сказал один мальчик) «поперечные мысли».

То есть хочется делать наперекор. А взрослые знай свое: «Упрямый, строптивый, пакостник, озорник».

Но маме, а еще больше папе приходится уступать. Обычно, хотя и не всегда, более строг бывает отец. Так ли, эдак ли, только каждый знает, что у мамы и у папы есть право приказывать и запрещать.

На маму и папу трудно долго обижаться. Нельзя сказать, чтобы их не любили.

Вот ребенок и старается, а если надо, и повинится, и попросит прощения. Даже тогда попросит, когда не считает их вполне правыми.

Иногда бабушка слишком снисходительна, и можно не слушаться. Но потом бабушку делается жалко. Да и опасно: выйдет из себя и нажалуется маме или папе.

А свяжись со взрослым братом или сестрой – наверняка поколотят…

А тут еще горничная с жалобой. Правда это, что всегда всех надо слушаться и каждый имеет право всегда и во все вмешиваться?

Я знал прислугу, которая говорила:

– Люблю работать, где есть дети, – веселее.

Но чаще прислуга говорит:

– Ни за какие сокровища не пойду туда, где дети.

И, надо признаться, здесь у прислуги действительно больше

работы, потому что кто все делает, убирает, натирает залитый и исцарапанный пол?

Кухарка торопится приготовить вовремя обед или идет стирка, а тут ребятишки вертятся на кухне – ну и кухарка, конечно, выгоняет…

Если ребенок беспокойный и дома ему тесно и нечего делать, частенько затевается война с прислугой или бонной. Начинается обычно с пустяков: ребенок ли скажет что-нибудь в сердцах, прислуга ли обзовет нехорошим словом – и пошло-поехало…

Родители жалуются:

– Грубит прислуге, делает все назло бонне. Никто у нас жить не хочет.

Родители выходят из себя и сердятся то на мальчика, то на прислугу. Ведь родители не всегда знают точно, как это было. А тогда еще больше зло берет.

Как-то девочка вернулась домой разобиженная:

– Подруга позвала к себе в гости. Я позвонила, поздоровалась и спросила, дома ли она? А прислуга захлопнула дверь перед носом и еще что-то крикнула за дверью.

Конечно, бывает и по-другому. Не только мир, но и дружба, и сказки, и прогулки, и подарки, и угощения. И все это весело, от души. Я знаю случай, когда дети научили прислугу читать и пишут за нее письма ее родителям в деревню и жениху в армию.

Раз даже, когда один отец очень уж разнервничался и собирался побить сына, няня заступилась:

– Что вам от него надо? Не дам бить.

Предпочла, чтобы лучше сердились на нее. По-разному ведь на свете бывает.

Но в своих «Правилах жизни» я должен больше писать о плохом, чтобы каждый подумал, как это исправить.

Поэтому я только вкратце упомяну, что чаще всего согласие царит в тех домах, где есть гувернантка или бонна. Ну столкновения-то, конечно, иногда должны быть. Надо помнить, что мамой легче быть, чем воспитательницей.

Если мама позволит и что-либо стрясется, на маму не станут сердиться. Когда у мамы неприятность, дети знают, отчего она грустная, а про воспитательницу думают, что злится.

Когда мама велит, дети скорее слушаются. Значит, неудовольствий как раз столько, сколько и должно быть у людей, которые всегда вместе. Но они любят друг друга и долго зла не помнят.

Но бывает, дети плохие, докучают. Я знаю случай, когда мальчик лгал, что бонна его бьет, а это была неправда. Или делал назло и грозил пожаловаться маме.

Я знаю и такие случаи, когда дети страдали, но стыдились или боялись признаться в этом родителям.

Я читал в газете, что за границей был один очень богатый граф. У него умерла жена, и он с горя много путешествовал, а дома оставались под присмотром гувернера два мальчика. Гувернер бил их и пугал, а зимой обливал водой и запирал раздетых на ночь в чулан. И только когда один умер от этих мучений, другой написал потихоньку отцу. Был суд, гувернера посадили в тюрьму, да было уже поздно.

Правило жизни гласит: «Никогда ничего не скрывать от родителей». Иногда ребенку кажется, что он беспомощен и беззащитен, но если бы родители все знали, помогли бы.

Иногда ребенку кажется, что и он виноват. Ничего: родители простят и помогут. А нет родителей, можно пожаловаться тетке, дяде, бабушке, даже полиции, если уж совсем никого нет.

Неприятно это слушать тому, кому хорошо, кого окружают любящие люди. Что ж! Пускай знает, не будет тогда кукситься по пустякам…

Разные люди бывают на свете: и взрослые, и подростки, и малыши. Разные люди бывают: и тети, и дяди. И взрослые гости.

Чужие тети бывают приятные и неприятные. Вообще взрослые точно так же, как и твои ровесники, делятся на тех, кого ты любишь и не любишь.

Один только поздоровается, а потом все с мамой разговаривает; иногда даже обидно, что не обращает внимания. А другой отпустит неудачную шутку или задаст вопрос, на который не всегда хочется отвечать.

«А ты это любишь, а ты это умеешь делать, а ты это хочешь?»

Или с подарком придет. Взрослым кажется, что дети лакомки и жадные. Нет. Если кого не любишь, и подарок от него не мил.

Хуже, когда гости вмешиваются, делают замечания. И уж хуже всего, когда ласкают и целуют. Или руку тебе так крепко стиснет, что больно, или обслюнявит, целуя, или посадит на колени. По какому праву?

Всегда неспокойно на сердце, когда подходишь ко взрослым гостям, никогда не известно, что тебя ждет.

Общее правило жизни гласит, что со взрослыми надо быть вежливым, а с гостями и любезным. Но и взрослые должны быть вежливыми и не делать неприятностей.

Раз знакомый отца подхватил мальчика и, взмахивая им, сказал:

– Вот брошу тебя в воду!

Шли тогда по мосту.

Все это вышло так внезапно, что мальчик закричал и

расплакался. Взрослые стали смеяться и стыдить:

– Такой большой и такой глупый. Трусишка!

А этот господин, вместо того чтобы извиниться и больше не напоминать, потом еще всякий раз приставал:

– Привет, моряк! Здорово, герой!

Противный!

Бывают и такие гости, которым доставляет удовольствие раздразнить человека. Иные стараются подладиться. А в общем детям часто непонятно: над чем они смеются?

Раз в гостиной собралось многочисленное общество. Мальчику велели угостить конфетами. Конечно, приятно угощать, да только чем-нибудь своим и одного, того, кого любишь. Но ничего не поделаешь: велели. А мальчик поскользнулся и чуть не упал. Перепугался: ведь мог просыпать конфеты. А все стали смеяться над ним и подшучивать.

Есть гости, с которыми надо быть исключительно любезным. Какой-нибудь приятель отца, кто-нибудь, кто приехал издалека или надолго уезжает. Тут еще больше приходится стараться, это хуже даже, чем экзамен. Детей заставляют декламировать, петь при гостях. Ох, как это подчас неприятно!

Иногда незнакомый гость приводит с собой ребенка, и вам говорят:

– Идите играйте.

А не всегда можно играть по приказу.

Взрослые знают, как и с кем разговаривать, с кем надо быть сдержанным, а с кем можно чувствовать себя свободно. Знают, как завести разговор, хотя и не очень хотелось бы. (А ведь начало всего труднее.)

И взрослые не конфузятся так, как дети. За ними не следят и не сердятся, когда они скажут что-нибудь или сделают не так, как надо. И могут выбирать, с кем хотят познакомиться.

Похоже на то, что с младшим каждый вправе заговаривать, даже если его мало знает или не знает вовсе.

И я раньше так думал, а научил меня уму-разуму один маленький мальчик; я ему очень благодарен.

Я тогда был военным врачом. Наш отряд стоял в небольшом городке. Этот мальчик играл у себя перед домом. Я шел мимо и сказал:

– Здравствуй!

– Почему ты не отвечаешь? – сердито спросила у него мать.

– Да я его совсем не знаю, – ответил мальчик.

С тех пор я стал осторожнее.

Любезный читатель! Я знаю, у тебя есть неприятности, взрослые с тобой не считаются, обижают тебя. Знаю, ты не

доверяешь взрослым и, хотя и боишься сказать это вслух, чувствуешь, что и между ними есть дерзкие, невежливые, невоспитанные люди. Но ты должен признать, что есть и умные, приятные, не зазнающиеся. И что за невежливость одних другие не в ответе.

Я прошу тебя, если ты живешь дома мирно, объясни и убеди товарищей, что и они должны хорошо относиться к няне или бонне и быть с ними вежливыми. Я знаю много девушек, которые нуждаются в заработке. И знаю: они охотнее поступят в контору, лавку или будут шить – одна, например, продает папиросы в киоске, – чем пойдут к детям. Дети, мол, плохие. А я знаю, что это не так. А еще больше меня огорчает то, что так говорят хорошие няни и хорошие воспитательницы.

– Не справляюсь, – говорят.

И выходит, будто с маленькими могут справиться лишь плохие, грубые и злые люди.

Много тяжелых, трудных взрослых мыслей приходит мне в голову.

Двор – парк

Сразу же, во вступлении, я написал, что эта книга – опыт и будут ошибки. Одну ошибку я уже вижу. Слишком мало, слишком бегло в этой книжке обо всем говорится. Но ничего не поделаешь. Я хочу в ней собрать все важные вопросы и все трудные мысли.

Потом уже я могу писать пространные книжки, каждую о чем-нибудь другом. Отдельно о родителях, отдельно о братьях и о сестрах, о гостях – эти будут полегче. Одни книжки для больших детей, другие для малышей, одни для деревенских ребят, другие для городских. Даже для богатых ребят и для бедных, для мальчиков и для девочек я напишу отдельные книжки. Ведь одного больше занимает одно, другого – другое. Чтобы было как у взрослых, у которых есть своя научная литература.

Об одном лишь дворе можно написать длинную-предлинную историю.

По-разному тут бывает утром и вечером, в будни и в праздники, зимой и летом.

Вот выдался первый весенний денек. Ребята со всего дома сбежались во двор, весело щебеча, как вернувшиеся из дальних стран ласточки, и с любопытством поглядывают – что изменилось?

Бледненькие после зимы, когда было мало солнца. Еще робкие.

Прибыл кто-то новый, кого-то не хватает, а один из прошлогодних друзей ходит уже на работу. Не один прошлогодний малыш пробует быть ребенком среднего возраста, а ребенок среднего возраста смотрит и прикидывает, не попробовать ли быть большим. И все вытянулись.

Неодинаковы дворы в деревнях, в городках и в городах; когда окружают их со всех сторон высокие каменные стены или когда дома и заборы деревянные; на богатых улицах и в бедных предместьях. А в богатых домах даже играть во дворе не разрешается. И родители не позволяют, боятся пыли и дурного общества.

Это правда, во дворе не очень-то чисто, да и ребята неодинаковы. Разные есть ребята: тихие и дружные и в самом деле злющие. Преследуют девочек и малышей, дразнятся, бросают камнями, гоняют кошек, дерутся, даже кидают в окна полуподвалов мусор. Тихие дети уступают и часто лучше будут сидеть дома, чем вот с такими встречаться.

Иногда достаточно одного, если он главарь ватаги. Сторожу, владельцам окрестных лавочек, жителям дома покоя от него нет:

никогда не известно, что взбредет ему в голову.

Одна бабушка отдала такого вот буяна в исправительный дом; потом говорили, что весь дом вздохнул с облегчением.

– Ну теперь можно спокойно играть.

– Ну теперь нам никто не мешает.

Часто из таких ребят вырастают пьяницы и дебоширы, не один такой умирал молодым. Знаю, один утопился, другой попал под трамвай и ходит теперь на костылях (пришлось отрезать ногу чуть не по колено).

С тех пор как все должны ходить в школу, во дворе стало лучше, зато в школе с такими прямо беда.

Важная персона во дворе – сторож или, как еще говорят, дворник. Дворник может быть молодой или старый, добрый или злой. А злиться ему есть на что: ведь это он обязан следить за порядком, чтобы ребята дом не разнесли.

Это кажется на первый взгляд странным – дом большой и крепкий, – что тут можно сломать? А можно.

Ребята колотят железкой по стене и обивают штукатурку или пачкают и рисуют. К стенам подвешены железные трубы, по которым стекает вода с крыши. Ребята садятся на трубы верхом или прыгают на них – и железо сминается. Если есть кран, открывают его, льется вода, а ведь хозяин платит за воду в городскую управу.

В маленьких домах нет уборных, все ходят на двор. Малыш торопится или боится вечером – и вот присел у дверей и сделал на пол.

Иногда ребятам требуются камни для игры или хочется выкопать яму, и они выламывают булыжник из мостовой.

Хозяин сердится, дом только что красили, а опять надо красить, и полиция присылает повестку, что непорядок, и карает штрафом или арестом.

Только дворник успел подмести лестницу и во дворе, а опять бумажки, палки, солома. И наконец, этот крик.

Иногда домовладелец (или администратор и управляющий) живет где-нибудь в другом месте, иногда здесь же. Или кто-нибудь болен и просит, чтобы было тихо.

Дворник гонит метлой или ремнем ребят со двора, ругает и проклинает, а мальчишки дают стрекача и хохочут. Ну как не злиться!

На школьном дворе ребята галдят только по три минуты в перемену, а здесь целый день; в школе нет очень уж маленьких или больших, а здесь всякие.

Поэтому неудивительно, что сторож всех без разбора честит хулиганами и колотит первого, кто подвернулся под руку, не

успел убежать.

Одного мама сама поощряет:

– Иди побегай, иди поиграй, дома душно.

А другому позволяет нехотя и лишь иногда.

– Да смотри, сейчас же возвращайся. Башмаки не сбивай. С хулиганами не водись.

И потом спрашивает, что он делал, – как бы, мол, не испортился.

Теперь садов и парков становится все больше и больше. Раньше всего этого не было и у входа в сад стоял полицейский и не пускал бедно одетых детей. Раньше сады были для зажиточных и для богатых детей, и даже не очень-то для детей. Детских площадок тогда не было, а играть в мяч на дорожках не разрешалось. Когда мячик попадал на газон, приходилось смотреть, не видит ли сторож, и мчаться что есть духу. Неприятно ведь, когда грозят палкой.

Теперь в садах есть и колонка, и уборная, и веранда, где можно спрятаться от дождя. Есть и тенистые деревья, и пруд с лебедями, и ровные, политые водой, чтобы не было пыли, дорожки.

Все это люди не сразу придумали и теперь еще что-нибудь да прибавится, например музыка.

За границей есть уже в садах удобные скамеечки для малышей и специальные площадки для заблудившихся.

Ребенок постарше знает сад, а для маленького сад – что дремучий лес. Приходится все время смотреть и звать: «Не уходи, не отходи, играй поближе».

Ребенок раздражается, мать сердится. Наконец и в самом деле заблудился. Страшно ему, плачет, не знает, куда идти, и никто не знает, куда его отвести. И ребенок ищет, и мама беспокоится, ищет, и даже долго ищет. А нашелся – иногда радость, а иногда гнев – крик, шлепок, слезы.

А ведь достаточно одной маленькой огороженной площадки. И все знают, куда потерявшегося отвести и куда за ним прийти.

Развлечения в саду приятнее, деликатнее. Даже удивляешься, что уже пора домой, так быстро время прошло, и надо прощаться:

– До завтра.

Удивительно: то час тянется долго-долго, словно и конца ему нет, то сразу промелькнет.

Только на часах все часы одинаково длятся. И лишь когда у тебя появляются свои часы, ты постепенно и не без труда научаешься узнавать время, которое утекает.

Кому позволяют ходить одним, у тех часто бывают дома неприятности, что не вернулся вовремя. Объяснения считают

отговорками – и зря. Просто было хорошо, и время пролетело незаметно.

Нельзя же каждые пять минут подходить к кому-нибудь и спрашивать, который час.

Один ответит, а другой буркнет под нос, даже не взглянув на часы. Немного поиграешь, если все ходить и выискивать, у кого бы спросить, сколько времени. Может, поэтому ребята так сильно хотят иметь часы.

Ведь хотелось бы и хорошенько наиграться, и не иметь неприятностей дома.

Ничего не поделаешь, пусть школа так и будет школой и пусть останутся все тяжелые школьные обязанности, не надо требовать слишком многого; но, по крайней мере, хотя бы то могло измениться, чтобы во время веселой игры, когда обо всем забываешь, не сваливались как снег на голову гнев, крик, угрозы и наказания. Сразу столько горьких слов и одиночество.

Страх, как бы чего не вышло, нарушает спокойствие радости: не опоздать бы, не порвать платье, не налететь, когда бежишь и ловишь мячик, на кого-нибудь из взрослых, не ударить по неосторожности товарища, не сделать чего-нибудь такого. Чего? Взрослые знают, чего избегать, а маленькому всегда грозит неожиданная неприятность.

Я хотел бы собрать в одном месте все предписания и правила, чтобы сделать игру безопасной, но можно ли все предвидеть?

Нельзя ходить по газону, но что делать, если единственное спасение от погони – перемахнуть через газон?

Нельзя ломать кустарник, но разве от сорванной ветки, если она очень понадобилась, может быть вред? Увы, да. Садовник подрезает ветви тогда, когда соки в дереве еще не двинулись, а сорвать веточку или даже листик летом – значит больно поранить друга-растение.

А уж самое большое зло – резать кору. Кора – это не только кожа, но и одежда, кора защищает от жары и стужи, болезней и паразитов, сок из дерева вытекает, словно кровь. Изувеченное дерево будет расти подобно больному ребенку.

Вопрос о шуме не решен. Необходим ли крик? Не знаю. Знаю одно – не все орут, когда играют.

Как-то в летней колонии мы с ребятами купались. Кричал один, зовя кого-то с середины реки. Он не понимал, что тот, кого он звал, слышал свое имя, но не откликался, не желал идти. Этот однообразный крик среди спокойного, дружного гомона был действительно неприятен. Чтобы не рассердиться, я принялся считать: мальчишка прокричал пронзительно и назойливо одно имя тридцать шесть раз.

– Противные крикуны, – сказала сидевшая неподалеку дама своей приятельнице.

– Кричит только один, – сказал я, – девятнадцать купаются спокойно.

– Оставьте свои замечания при себе, – обиделась дама.

Взрослые не привыкли, чтобы в их разговор вмешивались посторонние, не любят.

Улица

Не все любят улицу, и не все одинаково по ней ходят. Я знаю мальчика, которого мама вынуждена просто гнать на улицу.

– Ну выйди ненадолго.

– Зачем?

– Прогуляешься немножко.

– Куда?

– Купишь мне то-то и то-то.

– Да я не знаю где, да я, может быть, куплю не то.

Мальчик и умен, и весел, и совсем здоров, а предпочитает сидеть дома.

– Не люблю слоняться попусту, – говорит.

Бывают такие, которые, конечно, и пойдут, да только с мамой или с кем-нибудь из взрослых. Или с приятелем, который скажет, куда идти.

– Не люблю один ходить.

А бывают и такие, которые неохотно ходят со взрослыми, им даже товарищ не нужен.

– Приятнее всего одному.

Можно остановиться там, где хочется, и смотреть, сколько понравится.

Разные бывают люди на свете: один любит как раз то, что другому неприятно; каждый хочет, каждого интересует что-нибудь свое.

Один любит главные улицы с большим движением, где много людей и машин, а другого шум и толкотня раздражают. Один любит знакомые улицы, а другой выбирает те, где еще никогда не был. Любит ходить на реку, едет за город.

– Я воображаю, что я путешественник, посещаю незнакомые города и дальние страны, – говорит мальчик.

Один присматривается ко всему, а другой ходит задумавшись и даже не замечает, что вокруг. Такому все равно, идет ли он мимо высоких домов с красивыми витринами или старых деревянных лачуг.

– Когда хожу по городу, у меня больше всяких мыслей.

Да, так: не увидишь, не подумаешь.

Увидел нищего – и думаешь о бедных; увидел похороны – думаешь о тех, кто умер; увидел калеку, слепого, пьяницу – и думаешь о том, зачем это только люди пьют водку и курят папиросы; увидел офицера – задумываешься о войне; тут скандал или драка, там полицейский ведет вора…

Другому хотелось бы обсудить все с приятелем, а этот

предпочитает сам себе задавать вопросы и сам отвечает.

– Люблю глазеть на витрины.

Остановится перед книжным магазином, кондитерской, кинотеатром, цветочным киоском, перед магазином канцелярских принадлежностей, фарфоровых изделий, перед часовщиком и сапожником.

А иные знают, где продаются спорттовары или велосипеды, фотоаппараты, почтовые марки, радиопринадлежности. И толпятся только тут.

У одного в кармане нет ни гроша, а ему хоть бы что, а другой лучше будет дома сидеть, чем пойдет на улицу без денег.

Один говорит:

– А зачем мне деньги? У меня все есть. Ничего мне не надо.

А другой:

– Что за удовольствие смотреть, если нельзя купить?

Один любит и умеет покупать, другому стыдно, не хочется. Один покупает всегда в одном и том же магазине и даже не думает, что где-то может быть дешевле и лучше, а другой покупает каждый раз в новом месте, чтобы сравнивать.

– Давай зайдем, спросим, сколько стоит.

– Иди один, я подожду у магазина.

Один покупает лишь тогда, когда нужно, и лишь то, что нужно, а другому хочется иметь все новое, что в первый раз видит.

– Зачем тебе это?

– Увидим, может, пригодится.

Взрослые говорят, что дети тратят деньги на сласти. Да, конечно, только не все дети и не всегда. Один любит фрукты и не любит конфеты; другой вообще никогда ничего не покупает из еды, зато хочет, чтобы у него были хорошие краски, или циркули, или картинки, солдатики, книжки, или долго копит деньги на одну, зато дорогую вещь. Или тратит все деньги на кино.

Неправда, что ребята любят ходить на картины, на которые дети не допускаются. Я знаю мальчика, который ходил в кино раз в неделю, но ежедневно просматривал кадры рекламы, чтобы не попасть по ошибке на фильм про любовь.

Улица требует знания многих правил жизни. Ребята, которые проводят ежедневно помногу часов на улице, знают их. Только прошу не думать, что это уличные мальчишки.

Обычно валят в одну кучу: «газетчики, уличные мальчишки».

И думают, что газетчики – это испорченные мальчишки, которые курят папиросы и говорят нехорошие слова.

Нет. Уличным может быть мальчик, за которым дома очень даже следят и неохотно пускают одного. Но стоит ему вырваться

на улицу, он словно ума лишается. Ему кажется, что в толпе можно делать все что хочешь, в голову лезут разные злобные шалости. Толкает, задирает и всячески хулиганит и все выискивает, какую бы еще штуку отмочить и удрать. Подберет себе такого же товарища или товарищей и вместе с ними рыщет и шкодит. Горе девочке, дворнику, торговке, еврею, малышу! Такой словно нарочно хочет, чтобы все видели, что он хулиган. И тупо и зло смеется, когда обругает кого-нибудь или напугает.

Я знаю тихих и разумных газетчиков, которые и должны, да не любят проводить ежедневно помногу часов на улице.

«Ах, счастливчик!» – думает о них уличный мальчишка, за которым присматривают родители.

Нет, тяжел, неприятен и опасен труд маленького газетчика. Через несколько дней от беготни и крика начинаешь уставать. Болят от беганья ноги, надорвано криком горло. Беспокоишься, как бы продать газеты, и боишься потерять деньги, и как бы их не украли и не подсунули фальшивую монету, и как бы не ошибиться, давая сдачу, и не попасть под машину или трамвай. Газетчики перебегают улицу быстро и ловко, но настороженно, напрягая внимание.

В школе невнимательный получит лишь плохую отметку, а тут минутное невнимание – и увечье на всю жизнь.

Юные газетчики и продавцы конфет это понимают и знают правила, которые для их счастливых ровесников остаются тайной. Знают, как избежать несчастного случая и встречи с нечестными людьми: ведь плутов и авантюристов в большом городе всегда хватает. Говорят даже, что есть люди, которые крадут, похищают детей.

Один мальчик рассказал о таком своем приключении.

Стоит он у кино и смотрит кадры. К нему подходит большой, уже почти совсем взрослый парень и спрашивает:

– Пошли в подъезд, хочешь, я тебя бесплатно проведу?

Ладно, пошли они в подъезд.

– Снимай сапоги, мы пройдем черным ходом.

Снял дурачок сапоги.

– Давай, подержу.

Привел в какие-то сенцы.

– Погоди, я схожу погляжу, открыли ли кинозал.

Ушел и, ясное дело, не вернулся.

– Пришлось мне идти домой босиком. Я к дяде побежал, боялся, мама поколотит.

Еще один рассказ (уже другого мальчика):

– Какой-то хорошо одетый господин спросил меня, не хочу ли я заработать злотый, дал письмо и велел отнести на пятый этаж.

Иду я с письмом, стучу, дверь открыл какой-то верзила, похожий на бандита, взглянул на конверт и как даст мне по морде – и толкнул меня, я чуть с лестницы не скатился. Я даже не знаю, что в этом конверте было. А того, кто дал мне письмо, я больше не видел.

Эти два случая еще не так плохо кончились, а могло быть и хуже.

Поэтому родители правильно предупреждают ребят, чтобы они ни с кем из посторонних на улице в разговор не вступали и не ходили по чужим квартирам.

Иногда спросит у тебя кто-нибудь улицу или про трамвай или старушка попросит перевести на другую сторону. Приятно оказать услугу, но долгих разговоров лучше не заводить. Можно вполне вежливо ответить, как это сделала одна девочка:

– Простите, пожалуйста, но мама не разрешает мне разговаривать на улице.

Иногда пьяницу или сумасшедшего сразу узнаешь, а иногда они выглядят как нормальные люди. Лучше быть осторожнее.

Осторожно нужно и садиться, и выходить из трамвая, и переходить улицу. Собственно, все так и делают. Некоторые родители чересчур уж боятся. Очень редко случается, чтобы школьник или школьница попадали под транспорт. Разве только весной, когда после долгой зимы ребята наконец дорвутся до улицы, или после летних каникул, если были в деревне и уже отвыкли от города.

Я разговаривал с шоферами и вагоновожатыми. Они говорят, что хуже всего, когда пешеход не знает, идти ли вперед или податься назад, или когда один тянет в одну сторону, а другой в другую; тогда неясно, как объезжать, а ведь не всегда можно остановить машину сразу.

В газетах бранят шоферов, что шоферы неосторожны. Но как неосторожны и легкомысленны сами прохожие, и именно взрослые! Не лучше ли подождать с минуту, чем рисковать жизнью?

Больше всего шоферы жалуются на велосипедистов. И действительно, некоторые очень уж неосторожны. А самое худшее – это озорство.

Я знаю такой случай.

Мальчик поспорил с товарищем, что успеет пробежать перед трамваем. Что за бессмысленное пари! И не успел. Сам потом не знал: то ли споткнулся, то ли трамваем задело, только портфель с книжками уже попал под решетку. Вожатый затормозил в последнюю минуту, и полицейский отвел мальчугана белым-белехонького домой.

Живая, веселая, любопытная бывает улица, а подчас и очень печальная и печальные будит мысли.

Дома родители стараются, чтобы все вели себя хорошо, подавали хороший пример, никого не обижали, а на улице ты видишь разных людей, разные дела, слышишь разные слова.

Портит ли это ребенка?

Мне кажется, нет. Тот, у кого сильная воля и кто знает, каким он хочет быть, выработает для себя свои собственные правила жизни и не будет, видя что-нибудь неумное и злое, ни подражать этому, ни брать с этого пример.

Человек не только помнит, но и забывает, не только ошибается, но и исправляет свои ошибки, не только теряет, но и находит. Можно научиться запоминать то, что хорошо и полезно.

Я знаю многих, кого улица совсем не испортила, а закалила, выработала сильную волю и помогла стать честными и рассудительными людьми.

Школа

Много книжек печатают про школу, да только они для взрослых и совсем не пишут про школу для учеников. Просто удивительно! А ведь ученик столько в ней проводит часов, так много о ней думает, столько видит в ней радостей и горестей!

Я часто говорю с учениками младших классов про школу; одни любят и хвалят, другие жалуются, но знать по-настоящему школу, ее историю никто не знает: все думают, что все всегда было так и так и останется.

Я знаю: маленький ребенок думает, что мама всегда была мамой, а бабушка бабушкой и что всегда была именно такая квартира и так же тикали на стенке часы. Ему кажется, что и город, и улица, и магазины были всегда такие же, как теперь.

И ученику кажется, что парты, доска, губка, мел везде такие же, как у него в школе, так же выглядят учителя и так же выглядят книжки, тетрадки, ручки, чернила.

Конечно, родители вспоминают, что в их времена было по-другому, но столько слышишь всякой всячины, что не всегда знаешь, правда это или сказка.

Один мальчик после экскурсии в королевский замок сказал:

– Вот теперь я верю, что короли были на самом деле.

Пожалуй, в каждом большом городе должен быть музей истории школы, и в этом музее должны быть такие классы, какие были сто и пятьдесят лет назад, старые парты, древние карты и старинные книги, одежда учеников, игрушки и даже розга, которой тогда еще секли ребят.

Во время японской войны я был в Китае, видел китайские школы и купил у одного учителя линейку, которой бьют учеников. На одной стороне линейки было написано красной краской: «Тот, кто учится, станет умным, полезным человеком»; надпись на другой стороне была черная[7]. Эту линейку я потом показывал, и все разглядывали ее с большим интересом.

Мне кажется, знай ученик, какие школы были раньше и какие они в других местах еще и теперь, он меньше жаловался бы и больше любил свою школу, легче мирился бы с тем, что в школе подчас бывают неприятности, устаешь и скучаешь.

Если поговоришь с учеником по душам, всегда услышишь жалобу на трудный предмет, на приставалу соседа, на строгого учителя, на то, что много задают и что много разных забот, а развлечений мало.

А спросишь, не хочет ли он лучше сидеть дома, скажет:

– Хочу ходить в школу.

Школьник рад, что учитель не пришел, что раньше отпустили домой, любит праздники, но он хочет оставаться учеником.

Случалось, мне надо было убедить мальчика, что дома учиться лучше.

– Сам видишь, ты слабенький, тебе трудно рано вставать. Ты сможешь дольше лежать в постели. Ты простуживаешься, кашляешь, а в школу надо ходить и в дождь, и в стужу. В школе ты должен пять часов сидеть спокойно, а дома можно и поиграть подольше, и пойти в сад. Если у тебя болит голова, можно не сделать уроков и на тебя не рассердятся. Учение дается тебе с трудом… Товарищи задирают, дразнят…

Мальчик слушает-слушает и говорит:

– Это ничего, я хочу в школу.

Почему? Почему школа приятна и нужна?

Дома думают обо всех и занимаются разными делами; комнаты и обстановка дома для всех; школа думает только об ученике; каждый зал, каждая парта, каждый уголок именно для ученика. Все свое время в школе учитель отдает ученику. Здесь не слышишь неприятного: «У меня нет времени. Не знаю. Оставь меня в покое. Не морочь мне голову. Мал еще».

Во-вторых, школа упорядочивает день; знаешь, что будет впереди, куда идти и что делать. У тебя есть план, каждый час на что-нибудь предназначен. Тебе не скучно, даже приходится торопиться.

Правда, иногда не хочется вылезать из теплой постели или выходить в дождик на улицу. Но часы призывают спешить, и тебе некогда размышлять, что приятно, а что неприятно, что ты чувствуешь и чего хочешь.

Один одевается быстро и вообще любит все делать быстро; другой наденет чулок и отдыхает, зашнурует башмак и задумается. Один готов слоняться полдня неодетый, другой сразу вскакивает с постели:

– Ну а дальше что делать?

Хватает книжки и вылетает на улицу, часто даже не узнав, какая погода. Дождик? Шагает быстрее: в школе тепло, сухо! Приятно вытереть ноги, сбросить мокрое пальто и шапку… И сразу друзья. Еще на улице повстречался товарищ. И улица какая-то своя, взрослых на ней не больше, чем школьников, да и те словно знакомые.

Как и с кем познакомишься без школы? Разве только зайдет двоюродная сестра или сосед, да и то нечасто, и, может быть, не твоего возраста, и, может быть, даже не очень симпатичные. Вот в школе можно выбрать настоящего товарища!

Одни долго выбирают, а другие меньше знают класс и

сходятся с теми, с кем сидят за одной партой или живут поблизости и чаще встречаются. Одни часто меняют товарищей, другие дружат очень подолгу. Одни любят, чтобы был кто-нибудь один, другие со всеми живут хорошо, ни любят как-нибудь особенно, ни не любят. А девочки даже влюбляются в старшеклассниц.

Когда идешь в школу, никогда не знаешь, что расскажут тебе интересного товарищи и кто именно. Каждый со вчерашнего дня что-нибудь видел или слышал. А разговор, может быть, оттого еще такой интересный, что вот-вот прервет звонок его. Всякому хочется успеть рассказать до учителя, и мысли текут как-то быстрее и легче.

Иногда и не успеешь – значит, доскажешь на перемене. А пока, на уроке, можно подумать о том, о чем говорилось.

Входит учитель. Как будто и знаешь, какой первый урок, но всегда бывают неожиданности, никогда точно не известно, что именно будет сегодня. Иногда и не очень интересный предмет, а как раз сегодня было приятно слушать.

Вызовет ли учитель к доске и в каком он будет настроении – в хорошем или в плохом, – похвалит или побранит, рассердится на всех или на одного и на кого именно? Кто будет отвечать, и знает он или не знает? Приятно слушать, когда отвечает хороший ученик, а иногда даже интереснее, когда вызывают лентяя или озорника: может, скажет что-нибудь смешное. Сразу в классе шум: всем делается весело.

Раз слушаешь более внимательно, раз менее. Но никто не мешает думать, и в голове у тебя возникает воспоминание, рождается вопрос, появляется какая-нибудь идея. Иногда приятно даже просто посидеть спокойно, ни о чем не думая.

И звонок – и так каждый час. Раз занятия кончаются раньше, раз позже.

Сегодня был трудный день, зато назавтра задано меньше, или будет другой предмет, или учитель, которого любишь.

Важно, что ты знаешь, что будет завтра, но не совсем: может выйти и немножко не так.

Еще один рабочий день кончился, близится день отдыха.

Раздумываешь, что тебе делать, куда пойти в праздник, чтобы не было скучно. Считаешь, сколько недель осталось до двухнедельных зимних каникул, до пасхи, до двухмесячных летних каникул, – в чем надо подтянуться.

Всегда что-нибудь повторяется, а что-нибудь – новое; одно уходит, другое наступает. Одно ждешь со страхом, другое с радостью. Неприятную неожиданность уравновешивает другая – приятная. Надежды и победы, разочарования и поражения.

Школа – дом. Дом – школа. То бежишь, торопишься домой к обеду, то идешь дальней дорогой, провожая товарища, или видишь что-нибудь интересное и заходишь купить.

А вот и конец года:

– Еще только месяц остался, три недели.

Напишут ли внизу табеля красными чернилами «переводится» или, может, – на второй год?

Предпоследняя контрольная работа, последний ответ – переэкзаменовка! Есть еще время подтянуться. У каждого есть предмет, в котором он уверен, и такой, которого он боится.

А развлечения? Экскурсия, кино, театр, выставка; а библиотека, спектакль, клуб?

Я заметил, что на школу жалуются те, кому дома хорошо, у кого дома много разных развлечений, или те, от кого родители требуют, чтобы они хорошо учились, хотя они неспособные и учение дается им с трудом.

Не всегда виноват отец в том, что он мало зарабатывает, не всегда виноват ученик, что у него нет хороших отметок. Часто взрослые говорят:

«Если бы ты хотел».

Да бедняга и хочет, да не может одолеть.

«Способный, но ленивый».

Может быть, к одному и способен, а к другому нет. Один хорошо пишет сочинения, а не может решать задачи. Один робеет и всегда хуже отвечает, другой не умеет быстро думать, у третьего плохая память. У одного легко пропадает охота, у другого сильная воля.

Если слышишь, что школа трудная, скучная, суровая, несправедливая, то это значит, что ничто не может быть совершенным. Бывает и так и эдак, и то и это. Радость, веселье, добро; но и скорбь, и гнев, и бунт.

Приятно получить часы или велосипед, но хватишь горя, когда их испортишь. Приятно иметь хорошего товарища, но будут и ссоры, и тоска возьмет, когда заболеет.

Может быть, и школьные хлопоты интересны, а неуспехи и трудности будят мысль? Дуралей тот, кто хочет, чтобы все всегда было легко.

Один неспособный мальчик придумал себе такую игру.

– Когда я решаю задачу, цифры – это солдаты. А я полководец. Ответ – крепость, которую я должен взять. Если мне пришлось туго, я вновь собираю разбитую армию, составляю новый план битвы и веду в атаку.

Стихи, которые я должен выучить наизусть, это аэропланы. Каждое выученное слово – сто метров вверх. Если я выучу

стихотворение без ошибки, я беру высоту в три километра. Так приятно ни разу не сбиться.

Когда я пишу, я шофер. Переписанные буквы и слова – проделанный путь. Если удается написать всю строчку красиво – это лес, а плохо написал – пески или болото. Когда я кончу писать и чернила высохнут, веду по бумаге палочкой и ворчу, как мотор.

Разное выдумываю, чтобы не было скучно.

Каждый ищет свои способы облегчить работу. Иногда поможет товарищ, часто что-нибудь поначалу кажется трудным и неинтересным, а потом вдруг поймешь – и пошло хорошо.

Развлечения

«Легкие» мысли были такие:

«Работа нужна, учение нужно, а развлечения – это как бы награда, придача».

И точно так же:

«Хлеб, суп, молоко – это пища, а конфеты и фрукты только вкусные и, значит, ненужные».

Раньше люди думали именно так.

И только позже поняли, что все это по-другому. Теперь уже есть много книжек об играх и развлечениях, и в газетах пишут о спорте и состязаниях как о важных делах. Уроки гимнастики в современной школе – это уроки подвижных игр и развлечений. Люди уважают и труд, и отдых, и учебу, и развлечения. Впрочем, сказать, что – работа, а что – развлечение, не так просто.

Один читает книжку и думает, что работает, а для другого чтение – лучший отдых. Приятно ведь копать землю, резать картон, пилить фанеру, рисовать, лепить, вырезать, играть на гармонике и на скрипке – так что же это, развлечение или работа?

Пешеходные экскурсии, плавание, гребля, велосипед, коньки, бег, прыжки. Болят руки, ноги, спина, человек устал, но доволен.

Правда ведь: каждый работает по-своему и по-своему отдыхает. Один любит одиночество, другой – общество, один – тишину, другой – шум. Игры девочек и мальчиков, младших и старших несколько отличаются. Бывает даже одному скучно от того, от чего другому весело; одного раздражает и даже сердит то, что другой как раз любит. Люди бывают и спокойные, и подвижные, все любят что-нибудь свое и по-своему, и потому не мешайте друг другу!

Я заметил, что больше всего ребята сердятся, если им мешать играть. Раньше я считал, что это пустяки. И очень сердился, когда кто-либо мешал другому делать уроки: хватал тетрадь, ручку, поддразнивал, что не отдаст. Если то же самое проделывалось во время игры с мячом, я считал, что это шутка и не стоит сердиться. Если ребята играли в догонялки и кто-нибудь останавливал догонявшего или убегавшего – тоже, мол, несерьезное дело. Играли в прятки и выдали место укрытия – тоже, мол, невинная шутка. Даже на обман во время игры, казалось мне, не стоит сердиться. Например, не попал, а говорит, что попал, или была не его очередь, и он сделал то, что ему не полагалось.

– Ерунда, стоит ли злиться?

Наконец однажды в колонии я понял. Дело было так.

На веранде было мало народу: двое мальчиков играли в шашки, еще один строил домик из кубиков, один читал, один играл в мяч. Остальные бегали в лесу и перед домом. Вдруг входит на веранду этакий всеми нелюбимый надоеда. Сперва он разозлил игравших в шашки – стал вмешиваться и давать советы. Потом стал хватать кубики и дразнить того, кто делал домик. Затем полез к тому, кто читал:

– Покажи, что читаешь, покажи, есть ли картинки.

Наконец принялся мешать игравшему в мяч.

Иногда девочки танцуют, а какой-нибудь мальчишка начинает толкаться, дурачиться, паясничать. Или вся группа поет хором, а один нарочно фальшивит и визжит. Или кто-нибудь рассказывает сказку, а такой вот не хочет слушать.

– Уйди, – говорят ему.

– А что, и посидеть с вами нельзя?

Назло перебивает, мутит всех и выводит из себя.

Я составил следующие правила игры.

1. Нельзя, нельзя и еще раз нельзя мешать в игре, ничуть не меньше, чем в учебе.

2. Нельзя брать без разрешения чужой мяч, коробочку, палочку, камушек, так же как нельзя брать без разрешения чужую ручку, тетрадь, книжку.

3. Если тебе одному не хочется, если тебе одному не нравится, отойди и не играй, а не говори: «Раз вы со мной не хотите или не хотите играть так, как я хочу, я буду вам мешать».

Раньше меня удивляло, почему ребята так быстро узнают нового товарища, так сразу знают, кто будет хорошим товарищем, а кто нет. Потом я понял: легче всего узнать во время игры. Ребята сразу говорят:

«Задавала, командир, ломака, недотрога, подлиза, псих, злюка, ябеда, плакса».

Неправда, что дети легко ссорятся. (Взрослые больше злятся, если им мешать.) Сколько раз случалось мне слышать, как ребята говорили: «Ну ладно, скажи, как ты хочешь?»

Или: «Мы хотим так, а если кому не нравится, может не играть».

Я видел, как охотно ребята принимают в игру и маленьких, и слабых, и неловких, лишь бы они не ссорились и не требовали, чтобы им дали делать то, чего не умеют.

Неправда, что в играх ребята готовы слушаться только взрослых. Наоборот, в массовых играх ребята сами хотят, чтобы нашелся кто-нибудь из них самих умный, справедливый и всеми любимый, кто указывал бы, как должна проходить игра и кому

что надо делать; кто уступал бы, если ребята хотели играть по-другому или хотя бы один заупрямился; умел бы мирить спорящих и следил бы за тем, чтобы ребята не слишком расходились, не разбили чего, не рвали и не было драк и слез.

– Хороший товарищ, с ним приятно играть, – говорят ребята.

Я заметил любопытное явление, но долго не мог его объяснить.

Когда в игре приходится бегать, долго все идет хорошо. Вдруг ребята ссорятся, и, что меня удивляло, ведь из-за пустяка! И что как легко ссорятся, так легко тотчас и мирятся. Сперва все сразу бросают игру, обе партии сходятся и поднимают спор. И также вдруг кто-нибудь один скажет:

– Ну, баста. Кончай. Все равно. Начали.

И все дружно возвращаются к прерванной игре. Иногда лишь немножко что-нибудь изменят или один выйдет из игры и его место займет другой.

Наконец я догадался.

Когда игра удалась на славу, жалко прерывать, а все очень устали. Но сознаться, что ты устал и хочешь отдохнуть, никому не хочется. Поэтому не нравится, мол, в игре то-то и то-то. Это даже не ссора, а просто разговаривают. Если поблизости есть скамейка, некоторые сядут и ждут, пока те не кончат.

Взрослые отдыхают не так, как ребята. Уставший взрослый отдыхает час, полчаса; ребенок же, весь в поту, валится, запыхавшись, на лавку, а через три минуты уже вскакивает.

Мать говорит:

– Посиди немножко, отдохни. Смотри, как ты выглядишь, как у тебя бьется сердце.

Да нет, он уже отдохнул.

Однажды я долго сидел в поле и слушал, как пели жаворонки. И я подумал, что сердце жаворонка должно походить на сердце здорового, веселого мальчишки: любит доводить себя до изнеможения и быстро отдыхает.

Человек любит усилие, любит, чтобы удавалось, хочет знать, сумеет ли и на что он способен, хочет, несмотря на трудности, закончить, победить, доказать себе и другим, что он сильный и ловкий.

Да и устаешь от сидения. Если в человеке накопится сила и он не может ее израсходовать, он сидит как отравленный, изголодавшись, соскучившись по движению.

Именно потому так хаотичны и неприятны школьные перемены, особенно если нет просторного рекреационного зала. Ребята больше толкаются и пихаются, чем играют; несколько человек безобразничают, остальные забились в угол: все равно из

игры ничего не выйдет.

Это печально: тихие ребята не учатся отстаивать свои права, а хулиганье командует и наглеет.

Много было у меня архитруднейших мыслей на тему: что делать, чтобы дерзкий кулак заменить справедливостью. Я пробовал по-разному.

Двадцать мальчишек. Я хочу дать им мяч. Кто, проталкиваясь вперед, первым крикнет:

– Мне!

Кто поймает и что будет делать?

Теперь все чаще вместо настырного эгоистического «мне» слышишь благородное «нам» и вместо своеволия встречаешь предписания и законы игры. Бывают и судьи, к сожалению, не всегда справедливые.

Часто эгоизм отдельных личностей сменяется одинаково неприятным и низменным эгоизмом партии, группы, лагеря. Надо уметь проигрывать с достоинством и честно оценивать положительные качества противника.

Помню, ребята играли в «двойной бой». С одной стороны оставалось трое, с другой – только один. И тут случилась необыкновенная вещь: он сразу выбил всю тройку. Мячик сам как-то к нему отскакивал, а те опешили и совсем не защищались.

Раздались рукоплескания. Кричали «браво» и поздравляли и победители и побежденные, и свои и противники, радовались все. На глаза мои навернулись слезы умиления, и я не стыжусь этих слез.

Да, так и должно быть! Не ревность, не недовольство и жалобы, не хвастовство и унижение противника, а рыцарское сознание своего и его достоинства, гордая вера, несмотря на неуспех, в свои силы, убеждение, что равный тягается с равным, уважение к человеку.

Многое стало лучше. Помню злые проклятые времена бандитских драк и бросания камнями. Много драк перевидал я на своем веку. Под влиянием спортивных игр даже драки облагородились.

Когда я вижу, что дерутся двое мальчишек одинаковой силы, я не прерываю, а смотрю вместе со всеми.

Лучше обождать, ведь если сразу вмешаться, ожесточение возрастает.

Драка редко возникает случайно, часто взрыву предшествует долгая взаимная обида. Конечно, водятся еще такие ребята, которые охотно пихнули бы или ударили младшего или более слабого, но это я строго запрещаю, да и товарищи не допустят. Я знаю, даже буяну и злюке драка не по вкусу, если он знает, что

получит на орехи.

Так вот, раньше дрались так, чтобы причинить как можно больше боли, а теперь только чтобы обезвредить противника. Это уже похоже на спортивные состязания.

Кончая эту коротенькую главку, я дам вам важное правило:

«Не надо стыдиться играть. Детских игр нет».

Зря взрослые говорят, а зазнайки за ними повторяют:

«Такой большой, а играет как маленький. Такая большая, а еще играет в куклы».

Важно не то, во что играть, а как и что при этом думать и чувствовать. Можно умно играть в куклы и глупо и по-детски играть в шахматы. Можно интересно и с большой фантазией играть в пожар или в поезд, в охоту или в индейцев и бессмысленно читать книжки.

Я знал мальчика, который не только читал, но и сам писал хорошие стихи и рассказы, а любимой игрушкой у него были солдатики: у него были целые полки разного рода войск разных стран, и он расставлял их на столе, окне, на полу, стульях и рисовал карты и планы.

Не зазорно играть с девочками и с младшими.

Я заметил, что ребята не всегда охотно говорят о своих играх и стесняются, если взрослый их слышит: боятся, как бы не высмеял, потому что не умеют защищать свои юные мечты.

Я не говорю: «Играйте в то-то и то-то. Играйте с теми, а не с этими».

Для игры нужны хороший товарищ и вдохновение, а значит, свобода.

Богатый – бедный

Есть люди, которые думают, что дети не должны ничего знать о деньгах и что деньги им не нужны: «Подрастут, сами узнают» и «Живут у родителей на всем готовом, а на свои деньги покупают ненужные вещи и только портятся».

Обычно деньги дают время от времени, как награду, когда отец или мать в хорошем настроении. Очень редко родители назначают определенный еженедельный оклад и говорят:

«Покупай что хочешь».

И только один отец давал каждую неделю по пятидесяти грошей. Он сказал:

– Даже если ты не будешь слушаться или принесешь из школы плохую отметку, все равно будешь получать по пятидесяти грошей на разные свои расходы. Я хочу, чтобы ты научился тратить деньги.

Ну да: надо уметь не только зарабатывать, но и тратить.

Я знавал таких: заведись что, сразу должен потратить на какую-нибудь ерунду. Даже еще в долг возьмет и не подумает отдать. А иной раз старший – легкомысленный, а осмотрительный как раз младший.

Я целых десять лет заведую ссудной кассой и, если окажется, что ребята хотят читать научные книжки, напишу книжку про то, кто и как берет в долг, как отдает и на что тратит – или же экономит, копит, чтобы купить себе что-либо, что дорого стоит, например коньки, часы, велосипед или подарок папе или маме.

Я знал мальчика, который полгода собирал деньги на футбольный мяч и бутсы, а потом отдал свои двенадцать злотых матери, которая заболела.

Много горя приходится хлебнуть бедным в школе, ведь даже бесплатные школы дорого стоят.

Хорошо ученику, которому родители в начале учебного года покупают все необходимое: книжки и тетрадки, и спортивные башмаки, и портфель и охотно платят взносы.

Неприятно просить, когда у родителей нет денег.

Один вырывает из тетрадки страницы, а грязную тетрадку выбрасывает, и никто даже и не знает; ему и дела нет, что потерял карандаш. А другой пишет маленькими буковками, чтобы на дольше хватило.

У одних ребят есть своя комната, или по крайней мере столик с ящиком, запирающимся на ключ, или полка. Эти могут спокойно делать уроки. А другие окоченевшей рукой при темной лампе на колченогом столе пишут плохим пером и бледными

чернилами на скверной дешевой бумаге.

Не каждый завтракает перед тем, как идти в школу. Может быть, он даже и не чувствует голода, привык, только какой-то усталый, сонный и голова болит.

Иногда у одного все есть, а учится он неохотно, а другой и хочет учиться, да родители говорят, что хватит, пора на жизнь зарабатывать.

Я долго считал, что каждому ученику хочется повзрослеть, и лишь недавно убедился, что это не так. А если ребята хотят быть большими, так затем, чтобы зарабатывать и помогать родителям, «чтобы мама не мучилась».

Говорят: бедняк, бедный, убогий, малосостоятельный, состоятельный, богач, магнат.

Разные бывают степени избытка и недостатка. А можно еще и иначе делить людей: на тех, у кого есть столько, сколько надо, и тех, кто тратит больше, чем зарабатывает.

Отец мало зарабатывает – по десяти злотых в день, – семья живет спокойно, а можно расходовать по пятидесяти злотых на одних детей, и дети несчастны. Бедные родители могут быть веселыми и говорить о приятных вещах, а состоятельные – нервными, раздражительными, сердитыми, озабоченными.

Точно так, когда один довольствуется пятью грошами на конфетку и редко ходит в кино, а другому и злотого мало, и он все думает, где бы еще добыть?

Может быть, потому взрослые не всегда охотно объясняют, что считают это слишком трудным – дети, мол, не поймут.

Ошибаются взрослые! Ребенок хочет знать и имеет право знать, ведь горе родителей тяжелее своего собственного. Впрочем, в бедных семьях дети знают, отчего раз бывает целый обед, а другой – только хлеб да чуть подслащенный чай; знают, сколько стоят подметки и новая шапка. Знают, что лучше, когда у отца пусть меньше заработок, да верный.

Потому что больше всего печалей там, где раз удается получить даже и много, а потом уже долго ничего и ничего. Безработица – это большое несчастье.

Неприятно, если ты знаешь урок, а учитель не вызывает, но гораздо хуже, когда ты умеешь и хочешь работать, а сидишь без работы, хотя тот, кто поплоше, устроился.

Даю теперь важное правило жизни:

«Милый мой, хороший мальчик, не пей водку, не пей эту отраву проклятую».

Говорят, водку выдумал сатана. Пожалуй, это так.

На водку не только уходят деньги, часто последние; водка лишает сил, здоровья, рассудка, убивает волю и чувство чести,

отравляет детей, вышвыривает тебя с работы, растлевает душу.

Когда живешь долго, видишь много страшных несчастий, отворачиваешься, чтобы не глядеть, сердце щемит – так и бежал бы без оглядки и ни о чем не думал.

Я видел три войны. Видел покалеченных, которым руку, ногу оторвало, живот разворотило, так что кишки наружу; ранения лица, головы; раненых солдат, взрослых, детей.

Но говорю вам: самое худшее, что можно увидеть, это когда пьяница бьет беззащитного ребенка или когда ребенок ведет пьяного отца и просит:

– Папочка, папочка, пошли домой.

Водка тихо ползет, как змея: начинается с рюмочки, а потом больше и больше. А иной паренек и не с водки начинает, а с папирос.

И я курю папиросы. Жалею, что привык. Да ничего не поделаешь. И не перед людьми мне стыдно, курят почти все, а перед собой, что не могу отучиться. Но я не теряю надежды.

Ребенку стыдно за пьяного отца, словно бедняжка виноват в чем, стыдно, что ходит голодный, что дома нищета. Я не знаю, почему это так, не могу понять. Иногда – назло – посмеется над своими дырявыми башмаками и поношенным платьем, а в глубине души – тоска и обида.

Даю вам еще одно правило жизни. Есть ребята, которые любят держать пари. Чуть что, тотчас:

– Спорим?

Много горя и жульничества из-за пари. Проиграет, а отдать нечем.

Я заметил, что если мальчишка часто держит пари, то потом он играет в карты. А пристрастился к картам, так уже не смотрит, есть у него деньги или нет, свои проигрывает или чужие.

Вот из-за водки-то да из-за карт и попадают больше всего люди в тюрьмы!

Многие отцы не могут работать из-за болезней. Поэтому люди все время думают о том, как защитить себя от болезней.

Уже есть прививка от оспы, разные лекарства и больничная касса.

Я давно живу на белом свете и многого навидался. Я видел бедных, которым повезло, и они стали богатыми, а чаще – обедневших людей, когда-то состоятельных. И именно из-за болезней.

«Пока отец был здоров, нам жилось хорошо…»

«Когда отец захворал и больше не мог работать…»

Так начинаются невеселые рассказы ребят.

Разница между богатым и бедным в том и состоит, что

благополучие бедняка непрочно. Запасов у него нет никаких, и одна болезнь, одна неудача сразу валят с ног всю семью.

Знаю, на больничную кассу жалуются, знаю, что больничная касса не совсем хорошая. Но и такая нужна и приносит пользу.

Больничная касса – это самая умная и важная вещь, какую выдумали люди, важнее аэропланов.

Здоровые люди платят взносы, чтобы иметь, когда захворают, медицинскую помощь, врача, лекарства.

Здоровье – это главное жизненное благо; больной богач – тот же бедняк; подумай же, какое это сокровище – здоровье для бедняка! А без больничной кассы бедный человек болел, но не имел права болеть. И пропадал ни за грош. Небольшое заболевание без врачебной помощи сразу превращалось в смертельную болезнь.

Ребятам кажется, что легко сделать, чтобы не было на свете бедных, несправедливости, обид.

«А почему не выпускают больше бумажных денег, что такое налоги, чем занимается министр финансов и как одна страна дает в долг другой?» Я хотел бы все это объяснить, да сам толком не знаю. Да и невелико утешение знать, коли ничего нельзя поделать: это не от нас зависит.

Но от нас зависит, чтобы мы друг друга в школе любили, знали и взаимно помогали. А бедные и богатые не знают друг друга и не очень-то любят.

Есть ребята, которых мало трогает, сколько у кого денег и как он одет, а ведь иные бедные не любят богатых сверстников и, наоборот, богатые не любят бедных.

Бедным кажется, что все богатые зазнаются, что у них злое сердце и все они барчуки и модные барышни – корчат из себя деликатных и думают об удовольствиях. А богатым опять-таки кажется, что бедные завистливы, неискренни и плохо воспитаны.

Я знаю, почему это так происходит.

Потому что порядочный бедный чаще знакомится с богатым распоряжалой и задавалой, а порядочный богатый – с бедным подлизой и шалопаем. Богатый задавала ищет бедных, чтобы хвастать, а бедный пройдоха – богатых, чтобы что-нибудь выманить. А порядочные бедные и порядочные богатые сторонятся друг друга.

Порядочный бедный думает: «Зачем мне с ним разговаривать? Еще подумает, что я хочу, чтобы он меня угощал. И будет ему казаться, что милость мне делает».

Порядочный бедный боится несправедливых подозрений, злых товарищей, стыдится, что не так хорошо одет.

А порядочный богатый думает: «Может быть, он сердится на

меня за то, что у меня все есть? Может быть, сердится, что я хотел оказать ему услугу?»

Я часто слышу, как про ребят говорят: «Все они такие».

Например:

«Все мальчишки – хулиганье и грязнули».

Или:

«Все девчонки – плаксы и ябеды».

Неправда, каждого надо узнавать особо и особо оценивать, и узнавать не поверхностно, а основательно. Важно не только то, что человек говорит, но и что он думает и чувствует и почему он такой, а не иной.

Только ленивый человек, который не любит думать, говорит: «Все они такие».

Когда я был маленьким, я был богат, а потом стал бедным и знаю и то, и это. И я знаю, что можно быть порядочным и добрым и так, и эдак и что можно быть и богатым, да очень несчастным.

Надо многое перевидать и многое самому передумать, да и тогда человек часто ошибается и всего не знает.

Мысли – чувства

Удивителен этот мир! Удивительные деревья, как удивительно они живут! Удивительные маленькие червяки – живут так недолго! Удивительные рыбы – живут в воде, а человек задыхается в ней и умирает. Удивительно все, что прыгает и порхает: кузнечики, птицы, бабочки. И звери удивительные – кошка, собака, лев, слон. И на редкость удивителен сам человек.

Каждый человек как бы заключает в себе весь мир.

Если я смотрю на дерево, получается как бы два дерева: одно на самом деле, а другое у меня на глазах, в голове, в мыслях. Я ухожу и забываю о нем, а потом опять увидел – узнал, вспомнил. Значит, дерево как бы пряталось где-то в моих мыслях.

Все существует как бы два раза: раз само по себе, а другой раз у меня в глазах, в голове, в мыслях.

И всегда мне что-нибудь нравится, а что-нибудь не нравится.

Или стою я на берегу реки и знаю, что это такая-то река. Но в этой реке все время другая вода, вода в ней ни минуты не бывает одна и та же, все капли одной и той же реки постоянно меняются, постоянно другие.

То же самое, когда я иду по улице, мимо домов и людей. Каждый дом другой, и каждый человек другой, и все это в течение одной минуты. Из минут складываются часы, а из часов – дни и ночи, из дней – недели. Зима, лето – и опять долгие вечера, затем опять весна, почки, зеленые листья. Солнце, ночная тьма, месяц, звезды – тучи, дождь, белый снег.

Все постоянно другое и по-другому.

То же самое и со мной.

Словно бы и все тот же, но ведь я расту, делаюсь старше. Я смотрю на часы: стрелка движется, прошла минута.

Словно бы и все тот же, но то я весел, то грустен и все время вижу что-то другое и о чем-то другом думаю. И даже не знаю, что будет дальше: буду ли я играть или товарищ рассердит меня и я подерусь.

Или думаю, что сделаю так, а выйдет как раз наоборот. Раз мне кажется так, а раз – эдак. Вот и получается, что я сам себя не знаю.

Если спросить: «Ты хороший мальчик?»

Он ответит: «Сам не знаю… Кажется, хороший».

Или: «Стараюсь».

Как будто странно, что человек не знает, какой он на самом деле, даже себя хорошо не знает.

Мудрец сказал по-гречески: «Гноти сеаутон».

Это значит: «Познай самого себя».

Значит, даже взрослым трудно познать самих себя, даже мудрецам. Ведь детям кажется, что взрослые знают все и могут ответить на любой вопрос. А мы не знаем, мы на самом деле не знаем.

Если я разговариваю и играю с кем-нибудь и знаю, как его зовут, я уже говорю:

– Я его знаю.

Так ли это? Часто мне кажется, что он такой, а потом вижу, что он другой, что я ошибся.

Даже сам я: весело мне – я один, грустно или сержусь – другой.

Когда мне весело, мне все кажутся хорошими, милыми; я охотно уступаю, легко прощаю; я даже не чувствую, что меня толкнули или что я ушибся. И мне кажется, что и всем должно быть весело.

А когда человек сердит, все ему не так; он и сам потом удивляется, что такие дурные мысли лезли в голову. Даже выглядишь ты, когда злишься, по-другому. Лицо перекошено, бледное или красное, и глаза совсем другие.

Когда я смотрю, как двое мальчишек дерутся, я думаю:

«Что за вихрь, что за буря мыслей и чувств?»

А когда расходятся, запыхавшись, я прикладываю ухо к груди: бедное сердце колотится так часто и сильно, что останавливается в изнеможении. А потом еще и еще и никак не успокоится.

Один вспыльчивый, легко впадает в гнев, другой редко злится; один умеет хоть и немного, да владеть собой и сдерживается, другой сразу приходит в неистовство, словно убить хочет. Про таких говорят: «Раб своих страстей».

Правильно говорят: тот, кто не умеет сам себе приказать – «Перестань!», у кого нет сильной воли – тот раб: всякий доведет его до белого каления. Мудрец сказал, что приказывать другим легко, а вот научись-ка быть господином своих собственных мыслей и чувств…

Бывает, злость сразу проходит, сменяясь чувством раскаяния. Я заметил, что если очень сердиться на кого-нибудь и кричать, тот стоит злой, взбунтовавшийся: опустит голову, насупит брови, молчит. Тогда я перестаю сердится и ласково говорю:

– Вот видишь, и самому тяжело, и всем с тобой тяжело. Больше так не поступай.

После этого он начинает, хотя и стыдно ему, плакать и каяться.

Мне кажется, взрослые не должны сердиться на детей, потому что это не исправляет, а портит. Часто взрослым кажется, что

ребенок назло им упрямится – не желает что-либо сделать, сказать. Нет, ему стыдно.

А если кому-нибудь стыдно, он не может говорить, язык словно присох, не поворачивается. В голове пустота, мысли словно улетучились. И ты говоришь и делаешь не то, что хочешь. Стараешься быть смелее, а выходит еще хуже. Сразу можно понять, что человек притворяется: говорит слишком смело и громко, движения чересчур развязные. Или губы прыгают, теребит платье и не может отвечать. Как парализованный.

Удивительно это чувство страха. Все кажется опасным. Словно кто на мысли набросил черную шаль и душит. Даже дышать трудно.

Конечно, страх страху рознь. По-одному боишься днем, в школе, по-другому – ночью, по-третьему – если тебя кто-нибудь напугает внезапно, по-четвертому – если всегда кого-нибудь бояться. Бывает, знаешь, чего боишься, а то и не знаешь.

Взрослые думают: «Озорной, ничего он не боится, ничего он не стыдится».

Вовсе это не так.

Врачи, те хоть скажут:

– Нервный, боится.

Да и то не всегда.

А уж хуже всего высмеивать.

Я много раз беседовал с такими, которые боятся по ночам: они очень несчастны. А родители думают, что все это пустяки.

Стукнет что-нибудь ночью или сон приснится, а часто даже не знаешь, во сне это или наяву.

Смеяться над детскими страхами или нарочно пугать – жестоко.

Я часто думал о том, что значит «быть добрым»? Мне кажется, добрый человек – это такой человек, который обладает воображением и понимает, каково другому, умеет почувствовать, что другой чувствует. Если кто-нибудь мучит лягушку или муху, такой сразу скажет:

– А если тебе так сделать?

Или, например, бабушка: то старушка как старушка, а то кажется такой бедной, слабой, что хочется помочь, проявить внимание, развеселить.

Я уже давно заметил, что если я на какого-нибудь мальчишку очень рассержусь, его сразу обступят ребята и принимаются утешать, объяснять.

Признаюсь со стыдом, это меня даже злило. Что такое?! Ругаю – значит, заслужил. А если вокруг него толпа, выглядит так, словно виноват я, а не он.

Теперь я отношусь к этому иначе: и хорошо, так и должно быть, каждый, попав в беду, должен найти у людей поддержку. Не нравится мне это школьное наказание, чтобы с кем-нибудь не разговаривать.

Надо уметь сочувствовать добрым, злым, людям, зверям, даже сломанному деревцу и камушку.

Я знаю мальчика (теперь он уже большой), который собирал на дороге камушки и относил в лес: там их уже никто не потопчет.

Чувства бывают сильные и острые или мягкие и нежные, бывают яркие, бывают спокойные.

Что такое любовь? Любишь ли всегда или за что-нибудь и всегда ли ты любишь тех, кого ты должен любить, и так, как должен? Одинаково или то больше, то меньше? И что такое благодарность и уважение? Какая разница между любить и очень нравиться? Как узнать, кого больше любишь?

Я заметил, что ребята не любят говорить о своих чувствах.

Может быть, им просто трудно? Даже маленькие не любят.

А взрослые часто задают детям вопрос:

– Любишь? А кого ты больше любишь?

Я спросил у одного мальчика, как он узнал, что любит эту девочку больше, чем других? Он ответил:

– Раньше я говорил с ней, как со всеми, а тут вдруг я ее стал стыдиться.

Порой даже и не знаешь, что кого-нибудь любишь, но когда ее или его нет, тобой овладевает чувство беспокойства и какой-то пустоты, сиротливости и одиночества. И хочется, чтобы она или он вернулись. Это называется тоской.

Тосковать можно по родителям, по товарищу, по дому. А самая сильная тоска – это тоска по родине.

Сколько разных чувств, что всех не сочтешь. Можно попробовать выписывать их из словаря в тетрадку. Потому что тут, в этой книжке, я могу вкратце упомянуть лишь о некоторых наиболее важных чувствах (о которых ребята говорили со мной по душам, а не потому, что их подучили). И об обычных чувствах, повседневных.

Упомяну еще о трех чувствах: разочаровании, обиде и оскорблении.

«Я разочаровался. Думал, будет хорошо. И ошибся. Вышло не так, как хотелось».

Люди говорят:

– Мучительное разочарование, горькое разочарование.

Да, подчас чувствуешь как бы боль, а подчас только неприятный горький, терпкий привкус.

Часто к чувству разочарования примешивается и другое – обида. Мы обижаемся, что нас ввели в заблуждение, обманули наше доверие. Если товарищ выдаст тайну, наговорит на тебя, обманет, тебе неприятно, ты обижен.

Упомяну, наконец, и об оскорблении. Если хотят меня унизить, или осмеют, или оскорбят кого-нибудь, кого я люблю и уважаю, мне грустно, больно, я сержусь.

– От удара не так больно, как от слова, – сказал один мальчик.

– Чем смеяться, лучше бы уж побили, – сказал другой.

Когда взрослые хотят унизить и оскорбить детей, дети чаще всего делают вид, что им все равно. А не делают – значит, уже утратили стыд. Чувства ведь, если не уметь обращаться с ними, ослабевают, как говорят, притупляются.

Разные бывают люди. Один часто бывает веселым и редко грустным, а другой как раз наоборот. Один любит почти всех, ни к кому не питает неприязни; а другой словно сердит на всех, трудно на него угодить. Некоторые легко привыкают к новым людям, а другие недоверчивые, долго приглядываются, прежде чем скажут:

– Люблю.

Один долго помнит, другой быстро забывает.

Разные бывают люди.

Раньше я думал, как и все: ребята легко сердятся и легко прощают.

Час назад подрались и опять вместе играют. Только что играли и уже поссорились. Конечно, кто-нибудь скажет в сердцах: «Никогда больше не буду с ним разговаривать. Никогда уже больше не буду с ним играть».

Или наоборот: «Мы всегда будем дружить».

Но так говорится только в исключительные минуты, да и у взрослых то же самое. Иногда нарастает исподволь неприязнь, а иногда дружба длится годами.

Здоровье

Взрослым кажется, что дети не заботятся о своем здоровье: если бы за ними не смотрели, они повыпадали бы все из окон, поутонули бы, попали бы под машины, повыбили бы себе глаза, поломали бы ноги и позаболевали бы воспалением мозга и воспалением легких – и уж сам не знаю, какими еще болезнями.

Нет. Детям совершенно так же, как и взрослым, хочется быть здоровыми и сильными, только дети не знают, что для этого надо делать. Объясни им, и они будут беречься. Нельзя только чересчур запугивать и слишком много запрещать. Если запугивать, они перестанут верить, а если очень уж стеснять, потеряют терпение и назло станут делать тайком как раз то, что запрещено.

Люди бывают благоразумные и легкомысленные – как дети, так и взрослые. Ничего с этим не поделаешь. Дети любят больше бегать и все пробовать. И опять ничего не поделаешь. Нужна книга, которая объяснила бы все это ребятам спокойно и без запугивания.

Итак, надо знать, что у одного здоровые зубы и он не знает, что такое зубная боль и зубные врачи, а другой не одну ночь проплакал напролет: болели зубы. У одного болит голова или живот, а другой посмеивается: «Животик у него болит, головка; у меня вон никогда ничего не болит».

Один порежется, и ничего. Я знал одного очень подвижного мальчика, который проходил лето босым. По возвращении из деревни у него было на обеих ногах восемнадцать порезов, ссадин и синяков.

– Ну и что? Ерунда, заживет.

А у другого малюсенькая ранка болела неделями.

Значит, один должен беречь себя, а другой может больше себе позволить.

Я лучше знаю как раз этих слабых, но никогда не говорю: «У тебя будет воспаление легких». А лишь: «Схватишь насморк». Не говорю: «Сломаешь руку», а лишь: «У тебя заболят руки», когда уж чересчур рьяно борются. Небольшая мышечная боль для здорового человека даже приятна, например: после катка, после гребли, после дальней экскурсии.

Не следует слишком часто говорить, что будет потом. Надо помнить, что может много раз сойти безнаказанно, и предсказание не исполнится.

Однажды вспотевший мальчик ел очень быстро мороженое. Я сказал:

– Увидишь, горло заболит.

На другой день осматриваю горло: красное, но не больно. Я дал мальчику зеркало, чтобы убедился.

Другой после крутых яиц наелся слив, а потом стал пить сырую воду. Я сказал:

– У тебя заболит живот.

Спрашиваю его вечером.

– Немножко только поболел, но это ничего.

Я долго предупреждал одного мальчика, чтобы он, играя, так не расходился, он все не слушался. И наконец, в школе во время борьбы действительно сломал себе руку. А ведь не все переломы одинаковы. Иногда наложат гипс, потом через несколько недель снимут, и опять так, как было. А вот этому мальчику, о котором я говорю, кость пробила кожу, он пролежал три месяца в больнице и теперь совсем не может сгибать руку. Хуже всего, если кость сломается в суставе.

Иногда ты тотчас расплачиваешься за неосторожность и добываешь опыт сразу. Но бывает и по-другому.

Летом ребята жалуются, что чешутся уши или пухнут и горят пальцы.

– Правильно, ведь ты их зимой отморозил.

Не всегда болезнь проявляется сразу. Заразился сегодня, а болезнь разовьется по-настоящему только через неделю. Это называется инкубационным периодом.

И не всегда болезнь, иногда просто легкое недомогание. Нехорошо преувеличивать.

Говорят: «Солнечный удар… Не бегай без шапки… Воспаление мозга…»

Нет: кружится и болит голова, тошнит и вообще как-то нехорошо.

«Плохо себя чувствует. Нездоров. Сам не свой. Недомогает».

Ребенок сам не знает, что с ним, но он подавлен, раздражен, недоволен. А сколько бывает из-за этого ссор, драк, неприятностей дома и в школе?!

«Живот да головка – лентяйская уловка». Не совсем верная пословица. Не следует недооценивать легких недомоганий.

«Неженка. Ничего с тобой не сделается. Не умрешь».

Один преувеличивает, другой недооценивает.

Верно, от насморка не умирают, но он неприятный.

Несчастные дети, у которых часто бывает насморк! И дышать трудно, и нос больно, и вообще ни к чему душа не лежит. Да еще пристают.

«Сопливый. Сопли распустил. Утри нос».

Иногда и вытирание не помогает, а вытирать очень больно, не

у всех ведь натура одинаковая.

Чтобы быть веселым, нужно хорошее самочувствие, здоровые сердце, нос, голова, здоровая радость свободна от боли и забот.

И старику неприятно бояться и беречься, а каково это маленькому!

Я долго не мог понять, почему некоторых ребят товарищи не любят, – и что эти ребята действительно неприятные.

Стоял прелестный весенний день. Все выбежали во двор и весело играли. Один мальчуган продолжал сидеть у меня в комнате, тихий, грустный и бледный. Сначала читал – надоело, потом лег на диван, потом принялся глядеть в окно. Мне стало жаль его. И я говорю:

– Иди поиграй немножко.

А он:

– Ой, не хочется.

Посидел, посидел, а потом говорит:

– Пойти, что ли.

Ладно. Смотрю в окно – что будет дальше?

Мальчик сошел во двор, постоял немножко и присоединился к играющим. Бегает и бегает, но я ясно вижу, что ему трудно, он запыхался и уже устал. Потом как-то сразу поссорился, и поднялась свалка.

Я думал, он вернется ко мне, но нет: верно, стыдился.

Когда у кого-либо болит голова, ему труднее сдерживаться. Даже если играет, он в себе не уверен: а может быть, опять эта дикая боль?

Я знал одного мальчика, который часто ходил злой, недовольный. У него часто болел живот. Наконец мальчуган расхворался по-настоящему: поднялась температура, он слег. Его положили в больницу и сделали операцию. Эта болезнь называется воспалением червеобразного отростка слепой кишки, или иначе аппендицитом. Врач в больнице сказал, что он уже давно был болен. Мальчик вышел из больницы здоровым. И теперь он стал веселым, как все.

Часто кто-нибудь ходит несколько дней грустный, злой и уже только потом заболевает. Если за это время он наделает со зла глупостей и возникнут неприятности, про него говорят, что заболел от огорчения.

Я заметил, что слабых часто преследуют. Говорят: «Размазня, растяпа, увалень, мямля, пижон, маменькин сынок».

В своих суждениях о человеке надо быть снисходительным и осторожным. Не следует думать, что все должны быть одинаково здоровыми и сильными. А смеются даже не со зла, а по легкомыслию.

Дают прозвища: «Горбун, Хромоножка, Слепой, Заика».

Один привыкает и лишь держится от ребят подальше, все больше читает и, грустный, затаив обиду, живет в одиночестве, а другой, выведенный из себя несправедливостью, действительно становится неприятным и злым.

Ребята преследуют и высмеивают толстых. Говорят: «Обжора, жирный, жирняк».

Неверно. Ведь это тоже болезнь.

– Болезнь? Что толстый-то?

Худых опять злючки зовут: «Чахоточный. Скелетик».

В медицинских книжках пишут, что и очень худые и очень полные люди – нездоровые, а такой ничего не знает, да еще спорит.

– Такой большой парень и делает под себя! Грязнуля! Вонючка!

Опять преследования.

– У него слабый мочевой пузырь, слабые нервы.

– Какой там пузырь и нервы…

– Молчать, осел! – закричал я.

И я поступил плохо, оскорблять нельзя, но не всегда хватает терпения.

Раз я торопился, сказал что-то, а мальчик не понял. Я обозлился и спрашиваю:

– Не слышишь, что тебе говорят? Глухой?

И тут вдруг вспоминаю, что он действительно плохо слышит, после скарлатины у него болели уши.

Мне было очень неприятно: я дал себе слово никогда больше так не поступать.

Один известный писатель написал книжку, в которой высмеивает веснушчатого мальчика[8]. Очевидно, писатель просто не подумал. Ничего не поделаешь: и опытному писателю случается ошибиться.

Я сам долго делал такую ошибку.

Если был какой-нибудь слабый, или не очень умный, или некрасивый, или несимпатичный ребенок, я всегда просил:

– Будьте с ним подобрее, отнеситесь поласковее, уступайте ему.

И вот попался мне глупый и нахальный мальчишка. У него были больные глаза, больные уши и больной нос. Дома его били. Мне и захотелось показать, что уж тут-то о нем позаботятся.

Славные ребятишки делали так, как я просил: позволяли ему брать мячик, втираться без очереди и вообще все. И этот глупец решил, что теперь он самая важная персона, и принялся командовать и скандалить.

Наконец, смотрю я, а он подмял под себя и колотит спокойного, умного и доброго мальчика. Тут уж я схватил нахала, оторвал от жертвы и втолкнул к себе в комнату.

– Хватит доброты! Привык к палке, а здесь не бьют, так и ты не бей! Не умеешь играть, так пошел вон, живо! Не твой черед, так не хватай мяч, ясно?

И настал покой. Потом над этим мальчишкой взял шефство хороший мальчуган, но уже по собственному желанию.

Нелепо ведь, чтобы один, хотя бы и в невинной форме, отравлял жизнь всем. Нельзя требовать от группы слишком многого. Здоров ребенок или болен, умен или глуп – каждый должен приспосабливаться к общим законам, не может он быть каким-то исключением. Но и такому не следует докучать.

Знаю, есть дети, страдающие от отсутствия заботы, но есть и такие, кому чрезмерная забота приносит вред, утомляет и сердит. Мне жалко детей, которым нечего есть и которые недосыпают, но жалко и тех, кого насильно заставляют есть и лежать в постели.

Я знаю девочку, которую даже рвало за обедом, а отец бил ее за то, что не хотела есть. От любви бил. Но ведь это ужасно и совершенно бессмысленно!

А в некоторых лагерях детям – летом – велят вылеживать в постели по пятнадцать часов. Хотя это и делается по указанию врачей, я заявляю, что это глупо. И говорю так не потому, что не уважаю здоровье, а, наоборот, именно потому, что знаю ему цену.

Способности

Люди стараются изобрести приборы, которые показывают, здоров человек или нет. Термометр для измерения температуры, силомер, весы, ростомер; есть рентгеновский аппарат, с помощью которого можно видеть кости человека, и легкие, и сердце, не разрезая. Исследуются кровь и моча. Есть специальные зеркала для уха и горла. Очень много инструментов и приборов, и все новые и новые лекарства.

И, несмотря на это, доктор не всегда может помочь больному, не все знает.

Еще труднее определить способности человека. И здесь есть разные способы испытания памяти, внимания, умственного развития и способностей к труду и учению.

Один услышит раз и уже поймет, раз прочтет стишок и повторит без ошибки. Один легко заучивает, но быстро забывает, другой помнит долго.

Один предпочитает отвечать устно, другой письменно. Одному легко начать говорить, другому трудно. У одного охота и терпение пропадают скоро, а другой любит, чтобы было трудно, легкое ему наскучивает.

Наконец, один отвечает смело, подскажи ему словечко, и он уже знает, что дальше, и так вывернется, что выйдет хорошо. А другой, робкий и неуверенный, даже если и знает и умеет, все равно отвечает словно наугад, запинаясь.

Одному учитель говорит:

– Не спеши.

Другому повторяет.

– Ну дальше. Ну скорее.

И бывает, что у одного отметки лучше, чем он заслуживает, и он переходит из класса в класс как бы играючи, а другой из кожи лезет, старается, но переползает в следующий класс с трудом, в вечном страхе, через силу.

Был у меня ученик. Дома все хорошо. Когда мы одни – подумает и решит задачку. Переспросит, если не понял, и умно и весело ответит. А в школе плохо и плохо.

«Мешают… Не дают подумать… Я и сам не знаю: ну не могу!»

Мне это было очень неприятно, родители его за плохие отметки били, а он действительно не был виноват. Мне очень хотелось, чтобы его перевели без переэкзаменовки, чтобы хотя бы каникулы у него были спокойные.

Я пошел в школу посоветоваться, что делать.

Учитель сказал:

– Да, верю, что он знает. Но что будешь делать? Я должен ставить отметки за ответы, а не за то, что у него в голове. Сам понимаю, что это нехорошо, да ведь класс слушает и знает, как он ответил.

Иногда учитель говорит: «Ставлю тебе для поощрения выше отметку». Или: «Снижаю оценку. Для другого это было бы хорошо, но ты, если бы постарался, мог лучше ответить».

А ведь неприятно, когда беспечному все легко, а добросовестный и старательный обижен. Каждый ведь встречал умных, но невезучих учеников и не очень даже умных, но вот именно способных для школьного учения.

Люди думают об этом и пробуют учить разными способами, потому что школе стыдно, если хороший ученик окажется потом недобросовестным и нечестным работником или, наоборот, плохой ученик – великим человеком. Раньше в школе часто бывало так, вот мы и хотим, чтобы по крайней мере сейчас было иначе.

Не так важно, чтобы человек много знал, а чтобы хорошо знал, не чтобы знал наизусть, а чтобы понимал, не чтобы ему до всего понемножку было дело, а чтобы его что-нибудь особенно сильно интересовало, как говорят:

– Чтобы любил предмет.

Ведь историк – не инженер, поэт – не математик, врач – не астроном.

Но каждый человек обязан знать, что творится на свете и что делают другие люди. Это может показаться сначала трудным и скучным, и только потом, когда хорошенько во всем разберешься, видишь, как это интересно. Да и вообще, чего стоит человек, который делает только то, что с самого начала легко и приятно?

Очень обижают в школе учеников застенчивых и гордых. Ведь такой лучше совсем не ответит, чем ответит плохо. Боится насмешек! Иной раз довольно одного язвительного замечания или улыбки, и он уже замолчал, смешался, оробел, потерял желание отвечать.

– Я не знаю.

Не знать, ошибиться, забыть не зазорно, и самый умный человек может не понять вопроса или сказать глупость. А тут сразу смех, суровая критика, издевка. Поэтому каждый старается только повторить то, что сказано в книжке, и стыдится собственных мыслей. Оттого, может быть, и бывают такие книжные ответы, и так важна хорошая память.

Очень обижают в школе и тех ребят, у которых столько собственных вопросов и недоумений, – и гудят они у них в голове, словно пчелы в улье, мешая слушать и понимать, что

происходит вокруг. Иногда напишет такой ученик хорошее сочинение и слышит недоверчивый вопрос:

– Это ты сам писал, тебе никто не помогал?

Когда наконец он мог показать, что он не дурак и не с неба свалился, опять его оскорбляют. Поэтому он старается не писать слишком хорошо, а то опять заподозрят. Я знаю такой случай: нарочно хуже пишет.

– Теперь поверят, что не списал.

В школе пишут на определенную тему, а это не каждый сумеет. Начнет, а тут в голову пришла другая важная мысль, и он забыл даже, какая была задана тема. И получает плохую отметку.

У меня хранится сочинение ученика четвертого класса. Очень трудная тема: «Обязанности гражданина». Сам он был харцером и написал о харцерстве искренне, так как чувствовал и верил. А учитель:

– Слишком по-детски. Не на тему.

– А я не знаю, что надо было написать, – сказал он робко, со слезами на глазах…

Я знаю случай, когда ученица совсем не готовила урока по истории. Было задано о Столетней войне. И несла чепуху, немножко из кино, немножко по подсказкам. Говорила смело, уверенно, вдохновенно. И получила пятерку. Весь класс смеялся и поздравлял.

Часто кто-нибудь нарочно делает вид, что мало занимается, а знает. Ведь выглядит так, что только способные люди стоящие, а неспособный – Золушка Золушкой.

А между тем способный не закаляется в борьбе с трудностями, зазнается от легких побед и губит свои способности. Заважничает и думает, что ему все сразу дается, и недооценивает усидчивость и медленное, шаг за шагом, упорное стремление к цели. Он признает только свой тип способностей и презирает другие.

Я заметил, иногда класс любит своих первых учеников, чаще же не любит, и вовсе не из зависти.

Разве красивое пение, рисунок, вышивка, рамка не стоят правильного решения задачки?

И чего стоят способности, если человек не хочет и не старается?

Я видел способных, но ленивых и недобросовестных людей. Что из того, что медсестра знает, как обращаться с больными, или воспитательница сдала экзамены на пятерки и помнит, что пишут о детях ученые, если первая не любит больных, а вторая – детей?

Характер человека и его призвание важны, но, быть может, доброта и честность даже важнее.

Когда думаешь об этом, возникает много трудных мыслей. Но ведь я пишу о правилах жизни. А правила эти такие:

«Не завидовать».

«Не досадовать на себя».

«Не падать духом, упорно стремиться к цели».

«Быть дисциплинированным, всегда выполнять свои обязанности».

Если здоровье, материальные условия, отсутствие школьных способностей или, наконец, семейные обстоятельства не позволяют сделать много, можно и меньше, только хорошо и с ясной душой.

Я знаю жалких, несчастных профессоров и спокойных, очень полезных и всеми любимых учителей скромной средней школы.

Знание – это не только книга, даже не только голова, но и рука.

Уважай руку с ее орудием труда и уважай знание, которое дают тебе жизнь и собственная мысль. Задача книги облегчить, ускорить познание жизни, а не заменить его.

Теперь уж такая мода – всех сажать за книжку, а я помню времена, когда мстительный захватчик запрещал читать и книги были редкостью.

Помню, в небольшой комнате детского сада стояли два старых шкафа. В этих шкафах совсем не было книг – все они были на руках у читателей: толстые и тонкие, с картинками и без картинок, немножко новых и много старых, потрепанных, грязных, без начала и без конца; веселые книги и грустные, легкие и трудные – научные книги, повести и стихи.

Таких бесплатных читален было несколько. Мы выдавали книги по субботам (вечером) и по воскресеньям (после обеда).

Но уже задолго до открытия читальни в сенях, на лестнице и на улице толпились ребята. Больше всего было мальчиков; девочки не решались, разве что самые храбрые.

Так и стояли ребята и в летний зной, и в зимнюю стужу. Но не унывали и совсем не скучали: подбирали для себя друг у друга книжки.

– Помни, моя очередь. Смотри, другому не отдай.

– Нет, постой, на прошлой неделе ее уже один мальчик просил.

– Ну тогда, если он не придет.

Подбирали книги для себя, родителей, братьев, сестер. Я всегда удивлялся, что при такой толчее не было ни драк, ни ссор. Часто только слышалось:

– Погоди, пожалеешь!

А что за счастье, когда наконец кто-нибудь находил и

получал то, чего ждал многие месяцы! Как пробирался сквозь толпу и бежал домой, прижимая книгу к груди!

Взрослые считают одни книги полезными, другие – вредными, те – умными, эти – глупыми. Я позволяю читать всякие книжки, не хочу, чтобы читали украдкой. И я заметил, что одни книги пробуждают желание читать, а другие, наоборот, отбивают охоту к чтению и что вовсе не книга портит ребенка: хороший ребенок и ищет хорошую книжку, как и друзей.

И пусть ищет, и пусть ошибается и заблуждается, пока не нападет на общество доступных ему хороших книжек, потому что трудная книжка только выводит из терпения и злит.

Воспитатель обязан уметь терпеливо ждать, когда разовьются способности, а с ними – любовь к хорошей книге.

Симпатичный – несимпатичный

Кто красив, тому легче быть симпатичным.

Да, здоровому, красивому, веселому, способному легко быть и симпатичным. И сам он дружески улыбается людям, и люди ему отвечают улыбкой.

А слабого, некрасивого, угрюмого, неспособного частенько доймут, допекут. С недоверием сближается он с людьми, с неприязнью думает о более счастливых товарищах.

Но очень редко кто-нибудь нравится всем одинаково. Один говорит «красив», другой: «так себе».

– Хорошенький.

– А по мне так некрасивый. Как кукла!

Тому нравятся черные глаза, этому – голубые, один любит темные волосы, другой – светлые. У одного красивые глаза и некрасивый нос, у другого красивый рот и некрасивые зубы.

Иногда говорят про кого-нибудь, что он не то чтобы очень красив, но обладает обаянием. Не знаю, что это значит.

Милая улыбка. Прелесть взгляда. Ловок, грациозен. Не высок и не низок, не толст и не тонок. Обаяние внешности.

Иногда кто-нибудь нравится потому, что он такой, как все, иногда именно потому что не похож на других.

Одно ли то же: красив и симпатичен?

О, нет!

Бывает так, что смотришь издали – кажется симпатичным, а стоит с минуту поговорить, и уже перестал нравиться. Иногда с кем-нибудь часто встречаешься, а нет желания сблизиться, даже несколько раз разговаривал, и все ничего. И только потом видишь, что он очень и очень симпатичный. С одним ты сразу хороший знакомый, а с другим сначала тяжело как-то и неприятно.

Надо знать очень много маленьких и больших, тихих и веселых девочек и мальчиков – бледных и румяных, красивых и некрасивых, хорошо и бедно одетых, – чтобы понимать, будет ли тебе кто-нибудь симпатичен сразу или лишь со временем, на короткий срок или навсегда.

Надо много раз ошибиться, чтобы не очень верить тому, что говорят другие, и самому знать, что тебе нравится и кто тебе симпатичен.

Раньше мне казалось, что веселый любит веселого, маленький – маленького, слабый – слабого, что, мол, сам порядочный и ищет порядочных друзей. Да, и так бывает, только не всегда. Раньше я даже советовал, кому с кем дружить; теперь я

не люблю вмешиваться, не знаю.

Подружились два мальчика – я старался угадать:

«Наверное, поссорятся… через месяц? или через полгода?»

Теперь мне чаще удается отгадать, но не всегда. Так все это удивительно, так трудно понять, столько тут тайн.

Я только спрашиваю:

– Любишь его?

Отвечает:

– Мне он нравится.

И даже знает, какие у товарища недостатки.

– Вообще-то он не очень симпатичный, но я его люблю: он ко мне хорошо относится.

Иногда несносный для всех, но добр и деликатен с товарищем. Иногда доставляет много хлопот взрослым, а со всеми приветлив и весел.

Иногда довольно чем-нибудь одним походить друг на дружку, и ребята уже вместе. На короткий срок, а то и на долгий. Не каждый любит менять друзей.

Я перевидал на своем веку много странных дружб.

Например, спрашиваю:

– За что ты его любишь?

– А его никто не любит, ему одному тяжело.

Спрашиваю:

– О чем вы с ним разговариваете?

– По-разному бывает. Иногда я советую ему, как исправиться.

Взрослые зря боятся, что плохой испортит хорошего, или (тоже неправильно) требуют, чтобы хороший исправлял плохого. Мне кажется, здесь нельзя ни запрещать, ни заставлять. Нельзя даже часто спрашивать – назойливые вопросы отпугивают, вызывают недоверие, неприязнь.

По мне лучше знать мало, да правду.

Один умеет делать то, что может пригодиться другому; ребята вместе строят или покупают, одалживают, меняют, держат пари, дарят и получают подарки. У одного есть как раз то, что сейчас нужно другому, у этого больше, у того меньше. Непонятно даже, дружба это, шефство или торговая сделка? Часто ребята и не любят друг друга, да должны быть вместе, потому что одному что-либо сделать трудно.

– Хороший он?

– Так себе, не очень.

– А все время вдвоем?

– Ну и что из того?

Когда я говорю с мальчуганом, он спокойный, отвечает серьезно, а другой такой же мальчуган знает его и веселого, и

сердитого, и печального, и когда он закапризничает, надуется и обидится, и когда дает и берет. Удивительно ли, что они лучше знают друг друга?

Каждый сам постепенно учится быть осторожным. Чужие правила жизни меньше всего помогают.

Раньше меня сердило, когда один из друзей только давал, а другой только брал. Вместе покупают мороженое, фотографируются, ходят в кино, а платить, угощать – один. Теперь я уже не вмешиваюсь; бывают такие, кому это доставляет удовольствие, кто желает «купить» хорошее отношение.

Я даю одно только правило жизни:

«Не будь трусом, имей мужество прямо заявить, что не хочешь. Не стесняйся и проси помощи, если сам не справляешься».

Потому что ложный товарищ пригрозит:

– Я знаю про тебя то-то и то-то. Знаю все твои секреты. Поссоришься со мной – расскажу.

Или просто начнет мстить – лезть и бить.

Славная мордочка, умильные глазки, вежливые словечки могут обмануть не только маленького мальчика. Я удивлялся раньше, когда ребята не любили кого-нибудь, кто мне казался симпатичным: даже подозревал зависть. Теперь у меня зорче глаз и я признаю, что правы товарищи: им лучше знать.

Как-то в летней колонии был большой мальчик, серьезный и спокойный, которого, как мне казалось, все очень любили. Одно меня поражало: сам он делал то, что другим запрещал. Выглядело это так, словно он следит за порядком, а самому ему соблюдать режим не надо. Несколько раз он солгал; пойманный на вранье, изворачивался и посмеивался, наконец не выдержал и нагрубил.

И тотчас целая группа ребят, словно по тайной команде, перестала слушаться и стала делать назло.

Лишь тогда я понял, что он как бы главарь шайки, что ребята его не любят, но слушаются, потому что он запугивает, а тайком и бьет. Я был изумлен. Как это столько ребят могут бояться одного нечестного грубияна? Но он был не один: у него было несколько подручных, которые доносили, когда кто-нибудь бунтовал, – и он мстил.

Именно тогда я впервые понял, а потом еще и еще в этом убеждался, как необходимо самоуправление, когда каждый имеет право мужественно сказать, кого он на самом деле любит.

Теперь уже, кажется, я знаю, кого почти все ребята больше всего любят. Не самого красивого, не самого веселого, не самого спокойного, а того, кто справедлив, отзывчив и тактичен.

Нелегко объяснить, что такое такт. Пожалуй, тактичный

человек – это такой, который умеет подойти к людям. Сердцем или умом, но он понимает, кому что надо, и охотно предлагает свою помощь. Осторожный, он не настаивает на своем, имея дело со вздорным; не хвастает и не насмехается, не задевает веселой шуткой печального; не лезет, когда не просят, с советами и не болтает лишнего, не злится сам и каждого старается оправдать и защитить. Не нужен – нет его, может принести пользу – тут как тут.

Не навязывается с заступничеством, но и не отказывается заступиться. Непрошеный, не защищает, но и не побоится, видя несправедливость и обиду, выступить в защиту. Не побоится ни товарища, ни воспитателя, и потому подчас у него бывают и неприятности, и недоброжелатели.

Вот уже десять лет как я провожу плебисциты, то есть голосования. Голосования бывают тайные. Каждый бросает в урну листок. На листке ставится плюс (то есть люблю), минус (не люблю) или нуль (безразличен). Потом подсчитываются голоса. Я делал и по-другому: каждый диктовал пять фамилий ребят, которых он больше всего любит, и пять таких, которых не любит. И еще иначе: каждый выставляет всем ребятам оценки; пятерка – значит очень люблю, четверка – люблю, тройка – безразличен, двойка – не люблю, кол – очень не люблю.

Благодаря этим голосованиям я понял многое.

Очень важна для меня уверенность, что ребята не знают зависти. Если он симпатичный – радуются, что он отличник. Готовы любить за то, что хорошо поет, танцует, рисует, играет в мяч, высоко прыгнул, победил. Благодарны, что они вместе. Больше позволяют ему и больше прощают. Но при одном условии: чтобы не зазнавался, считался с группой и не был подлизой или задавалой. И не слишком командовал.

Любят и больших, и маленьких, но не любят, когда малыш распускает нюни и ябедничает, а подросток корчит из себя взрослого. Малыша тогда дразнят, а подростка высмеивают.

У кого больше всего минусов, кого не любят ребята, даже брезгают ими?

Надоед, пролаз, в каждой бочке затычек. Простят эгоиста, злюку, даже задиру: у них будут и доброжелатели, и недоброжелатели. Но тех ненавидят и зовут по-разному:

«Смола, самолюбия нет, подлипала».

Если сказать такому: «Перестань, уйди», он начнет приставать, цепляться. Пристал – и ну надоедать. Говоришь с кем-нибудь – он сразу хочет знать, о чем. Не знает толком или вообще не разбирается и не понимает, а туда же, объясняет и поучает. Пишешь что-либо – тотчас просит: «Покажи». Делаешь что-либо –

он уже тут как тут: «Дай, я быстрее… я лучше…»

Многие не знают, как трудно шутить. Неудачная шутка причиняет боль, доставляет неприятность, вызывает слезы вместо смеха. Шутка не ко времени мешает. Докучать и высмеивать – уже не шутка. Шутка тогда хороша, когда все смеются и никому не неприятно. Про горе-шутников говорят:

– Шут.

И тоже не любят.

Какие отсюда следуют правила жизни, каждый сам догадается. Одно лишь скажу:

Каждый человек должен ценить дружеское отношение и стараться его заслужить. Нельзя говорить: «Очень мне надо!»

Каждый должен дорожить товарищем. Но не надо и заискивать, стараться подольститься. И не следует огорчаться, если кроме доброжелателей найдется недоброжелатель: не все всегда обязаны тебя лишь любить.

Достоинства – недостатки

– Скажи мне искренне: ты хороший, добрый мальчик?

Ответы:

– Не знаю.

– То хороший, то так себе.

– Кажется, хороший.

– Иногда и не устоишь.

– Пожалуй, не очень.

– Мне часто всякие сумасбродства лезут в голову.

– Сам я не делаю ничего плохого, разве что ребята подговорят.

Ясно, я спрашиваю не первого встречного и тогда только, когда уверен, что скажет правду.

У каждого человека есть и достоинства, и недостатки, и у каждого они разные. У одного больше достоинств, у другого больше недостатков. Недостатки бывают более и менее досадные, явные или скрытые. Иногда недостаток особенно неприятен для окружающих, иногда для самого себя. С одними недостатками легко справиться, с другими трудно. А иногда неизвестно даже, недостаток это или достоинство.

Поэтому-то и нелегко знать правила, как надо вести себя и как исправляться, поэтому на вопрос: «А ты хороший?» – трудно сразу ответить.

Подвижность, живость – достоинства на уроке гимнастики и недостаток во время урока арифметики, недостаток в тесной городской квартире и достоинство в деревне.

Бережливость – достоинство, скупость – недостаток, а ведь скупость – это только слишком большая бережливость.

Скромность – достоинство, но чрезмерная застенчивость может походить на упрямство и скрытность, тут даже взрослые часто ошибаются. Иногда доброта просто легкомыслие и вместо пользы приносит вред. Надо уметь и умно отказать, когда просят. А сколько неприятностей у тех, кто одалживает кому-нибудь нужные ему самому вещи или даже не свои.

– Зачем ты ему дал?

– А он попросил.

– А разве ты не знал, что он забывает, теряет, не отдает?

– Знал.

– Так зачем же ты дал ему чужую книжку?

– А он попросил. Я думал, он вернет.

Эгоист называет доброту глупостью и зло твердит, что не стоит быть добрым. Нет, стоит, и следует и помочь, и услужить,

только надо наперед думать.

Плохо, когда мало думают, но нехорошо и когда слишком долго думают, колеблются, не знают, как поступить. Доверчивость может быть и достоинством, и недостатком.

Любопытство и пронырливость – недостатки, но нехорошо, когда кому-нибудь ни до чего нет дела и ничто не интересно.

– Да ну, не стоит, а мне-то что?!

Один переоценивает себя, другой недооценивает. Бывают хищное самолюбие и достойная гордость.

Я долго мог бы перечислять и всего не сказал бы.

Вот почему в этой путанице трудно разобраться. И должен добавить, иногда мешают понять сами взрослые.

Один говорит:

– Я хочу, чтобы мальчик был такой, как я.

Во-первых, маленький не может быть таким, как взрослый. Во-вторых, и у меня, взрослого, есть свои недостатки, и я вот, например, совсем не хочу, чтобы у ребят были такие же недостатки, как у меня.

Другой говорит:

– Дети должны слушаться; мальчуган должен быть таким, каким я хочу и велю.

Во-первых, уверен ли я, взрослый, что я всегда прав, а во-вторых, может ли мальчуган, хотя и хотел бы, быть таким, каким мне нравится? Всегда таким?

Раньше меня больше всего огорчало и сердило, когда что-нибудь плохое делал не хулиган, а как раз хороший мальчик. И я говорил с упреком:

– А я тебе доверял. Не ожидал! Понять не могу… Сам не знаю, что с тобой делать.

Теперь я уже понимаю, что все не ангелы, и знаю, что надо сказать лишь:

– Старайся больше так не поступать.

Не надо ждать и требовать слишком многого, потому что это отбивает охоту и у хороших, и у плохих.

Один говорит, полный горечи:

– Мне уже никогда ничего нельзя.

А другой:

– Не стоит стараться, все равно все пропало.

Каждый должен верить, что он может исправиться, что у него есть не только недостатки, но и достоинства.

Я убедился – у ребенка потому лишь столько столкновений с окружающими и страданий, что он думает: «Я плохой». Ребенок не знает четко своих недостатков и, значит, не знает, в чем ему надо исправляться.

Говорит:

– Никогда больше не буду так делать.

И думает, что это ему удастся сразу, совсем и раз и навсегда. А ведь это не всегда так бывает. И он ожесточается.

– Ничего не поделаешь, я такой и таким и останусь.

Или еще хуже:

– Если я стараюсь и это не помогает, я назло буду еще хуже. Пускай что хотят, то и делают.

Иногда он замечает, что он не такой уж плохой, и спрашивает себя:

– И чего в самом деле они от меня хотят? Почему все только сердятся?

Часто спокойным ребятам легко прикинуться хорошими, и это возбуждает гнев и зависть:

«Размазня… Кукла… Маменькин сынок… Неженка… Тихоня… Рева…»

И чувствительный ребенок страдает, а его товарищи-исподтишники орудуют безнаказанно. Постоянное же приставание портит и тех и других.

Однажды – это было очень давно – привела ко мне мать сынка.

– Сил моих нет! Неуч, бродяга, уличный мальчишка. Раньше хоть порка помогала, а теперь и это не помогает.

Мальчика отправили за границу. Теперь он судья.

Другой, с которым не могли сладить родители, преподает гимнастику. Третий моряк.

И сами они натерпелись, и родители с ними исстрадались.

Теперь все хорошо.

Надо уметь найти общий язык, уметь мириться. И надо уметь прощать. А часто достаточно лишь переждать.

Даже у самых хороших бывают черные дни и недели. Одно не удалось, а потом все из рук валится: и в школе, и дома, и человек сам не знает, отчего.

Я заметил, что мальчишки больше всего бесчинствуют в сентябре и в мае. В сентябре они еще помнят о каникулах, о свободе, а приходится сидеть в комнате. А весной, когда наступают первые теплые дни, ребятам уже невтерпеж, и они словно хмелеют. Даже в газетах тогда читаешь, что такой-то и такой-то убежал из дому.

Действительно, временами трудно, но я говорю себе:

– Что ж, бывает.

Иногда кто-нибудь очень следит за собой; обещал исправиться – и удалось! Ничего не сделал плохого, никто на него не сердился. А ведь первые дни самые трудные. И он уже думает,

что так и останется, что он как все. Он уже устал от этого старания. Ведь когда пытаешься исправиться, стараешься не играть, больше сидишь над книжкой, избегаешь всего, только чтобы что-нибудь не вышло. И вдруг катастрофа: опять! Вот тогда-то и наступает эта самая плохая неделя.

Я знал мальчика, который дрался иногда по два и по три раза в день. Никак не мог справиться с этим недостатком. Я посоветовал:

– Дерись раз в день.

Согласился. У него была сильная воля.

Мы поспорили на две конфеты в неделю:

– Если за неделю у тебя будет не больше семи драк, я даю тебе две конфеты, проиграешь – ты мне.

Так прошло четыре месяца.

Сначала мы спорили только насчет драк дома, а потом и дома, и в школе. Сначала о семи драках, потом о шести, о пяти, о четырех, трех, двух и одной драке в неделю. Наконец о нуле – ни об одной. Потом начали спорить о ссорах.

Помню его последнюю победу.

Он стоял на лестнице. Другой мальчишка мчался по лестнице вниз, пихнул его, этот того. Но тот вспетушился и дал сдачи. А мой покраснел, насупил брови, закусил губы, сжал кулаки… Это длилось какое-то мгновение. И вдруг ринулся вниз прямо во двор. Там он долго стоял и ждал, когда успокоится.

Когда пришел срок нашему пари, он сказал улыбаясь:

– Чуть не проиграл, на волосок был от драки!

Мальчик этот теперь уже взрослый и говорит, что благодаря пари он отучился драться.

Таких записанных у меня в тетрадках пари, пожалуй, уже тысяч с пятьдесят. Я заключаю каждую неделю таких пари с разными мальчишками и девчушками по пятидесяти и более. Дело тут не в конфетках, а в победе.

Спорят о том, что будут вставать сразу как проснутся, умываться как следует, не опаздывать к столу, читать по пятнадцать минут в день; что не будут выскакивать с ответами в школе, стоять в углу, забывать, терять, лезть, приставать, надоедать, давать прозвища, болтать; что будут переписывать старательно по пять строчек в день и чистить зубы. Что будут или не будут что-либо делать.

От вранья трудно отвыкнуть. Тот, кто часто врет, начинает с четырнадцати раз в неделю (по два раза в день).

Да, но кто проверяет, что без обмана? Никто, ведь чтобы выиграть, можно оговорить любое число.

– На прошлой неделе ты оставлял за собой право соврать

четырнадцать раз, а на этой семь. Не мало ли?

– Хватит.

– А трудно тебе не врать?

– Сначала было очень трудно.

А вот мои проверенные на опыте правила:

1. «Если трудно, исправляйся не сразу, а постепенно».

2. «Выбирай для начала лишь один, самый легкий недостаток и прежде всего покончи с ним».

3. «Не падай духом, если долго нет улучшения или даже есть ухудшение».

4. «Не ставь слишком легких условий, но такие, чтобы ты мог выиграть».

5. «Не слишком радуйся, если сразу отучишься; избавляться от приобретенных недостатков легко, а от врожденных трудно».

Делая то, что ты не любишь, и не делая того, к чему ты привык, ты закаляешь волю. А это самое главное. Стать хозяином своих рук, ног, языка, мыслей…

Есть люди, которые относятся к себе слишком строго, и это нехорошо; есть и такие, которые слишком легко и слишком многое себе прощают, – это тоже плохо. А бывают люди, которые не знают своих достоинств и недостатков. Эти люди должны стремиться узнать их.

– Гноти сеаутон, – сказал греческий мудрец: познай самого себя!

Мальчики – девочки

– Мальчики – люди, и девочки – люди. Значит, между ними нет разницы.

Так говорят одни.

– Неправда. Девочки спокойнее, послушнее, порядочнее, прилежнее, деликатнее.

Так говорят другие.

– А я предпочитаю мальчиков. Мальчики веселые, не наскучат, они не обижаются, искренние, больше их все занимает, легче убедить.

– У девочек сердце мягче.

– Вовсе нет, мальчик охотнее поможет, услужит.

– Неправда.

И они спорят и никак не могут согласиться.

Иные говорят так:

– Между мальчиками и девочками не должно быть никакой разницы. Если бы они вместе учились, вместе ходили в школу, они были бы совсем одинаковые.

И, в конце концов, так и неясно, кто прав.

Нет, ясно.

Правы и те, кто говорит, что отличаются, и те, кто говорит, что похожи.

Даже между деревом и человеком есть сходство: дерево возникает из семени, питается, растет, ощущает жажду, дышит, радуется солнцу, старится и умирает, даже спит и отдыхает, его можно даже обидеть, довести до болезни и увечья.

А птица не любит ли, как человек? Не печалится, не сердится, не тоскует? Хуже, чем человек, поет?

А собака – верный товарищ?

Похожи и взрослые на ребят…

И не отличаются ли друг от друга? Найдешь ли хотя бы двух совершенно похожих мальчиков? Разве все девочки одинаковы?

Ну а будь в школах совместное обучение?

А оно и было и есть. Ведь различия могут быть и большими, и малыми.

Одно дело говорить, как хочется чтобы было и как должно быть, а другое дело, как оно есть.

Так кто же лучше, мальчики или девочки?

У каждого человека есть достоинства и недостатки, кто этого не знает? Недостатки и достоинства есть и у девочек, и у мальчиков.

Нужно понимать друг друга, уважать, прощать и любить.

Очень долго и мне казалось, что потому у них разный характер, что раньше у мужчин и женщин были неодинаковые права, что юноша ходил на войну и охоту, а девушки ухаживали за больными, пряли и готовили пищу. Поэтому мальчики ловчее, и сильнее, и любят другие игры. Так уж привыкли.

Может быть, теперь это и реже бывает, но когда я был маленький, взрослые часто говорили:

– Ничего, что мальчишка проказничает. Мальчишка и должен быть озорным. А девочке не пристало.

Будто мальчик должен быть смелым, девочка робкой, мальчик подвижным, девочка спокойной, мальчик легкомысленным, девочка благоразумной.

Девочки завидовали мальчикам, и между ними не было согласия.

Но его и теперь нет. Почему?

Смотрю я и думаю, и вот что мне кажется.

Мальчиков сердит, что девочки быстрее растут и раньше созревают.

Приятно расти. А тут вдруг мальчик замечает, что девочка его обгоняет. Одного с ним возраста или моложе, а выглядит старше.

– И что она воображает? Ишь ты: барышню из себя корчит.

(Это значит: делает вид, что взрослая.)

Мальчик или горюет про себя, или всячески пристает и докучает.

– Мамзель-стрекозель, – говорит сердито и с презрением.

Иногда девочка и сама огорчена, не хочет расти; я знаю случаи, когда девочки мало едят, чтобы не полнеть и не расти.

Или, выведенная из себя, ответит:

– Сопляк.

И война готова.

Если мальчик ловчее и сильнее, он силится доказать, что он больше значит, а если слабее, начинает делать наперекор, назло. Поссорился с одной девочкой, а в обиде на всех.

Хуже всего, если люди делают друг другу назло, нарочно, чтобы рассердить.

Так уж повелось на белом свете, что одному легче, другому труднее, один здоровый и сильный, другой слабый, одному больше дано, другому меньше – так пусть хоть по крайней мере не будет того, чтобы один радовался, что сумел принести горе другому, один плакал, а другой над этим смеялся.

Однажды мальчик приставил девочке к голове пробочный пистолет и пугал, что выстрелит. Девочка плачет, а он смеется.

– Экая глупая: боится.

Хватает мячик и убегает. Знает, что неправ, а еще дразнится:

– А что ты мне сделаешь?

Может быть, я слишком строг, но я думаю, что низко, подло, мерзко:

Издеваться над беззащитным.

Досаждать слабому.

Шутить, доводя до слез.

Это никому не нужная злобность так сердит, так возмущает, такое вызывает отвращение к человеку и жизни!

Часто взрослые думают, что это просто глупость, шутка, невинная правда. О нет, проклятое стремление досадить – это, может быть, самый большой недостаток у мальчиков в отношении девочек.

Знаете что? Я встречал добрых, мягких, веселых, справедливых учительниц, которые потом становились злыми, суровыми, нервными и недоброжелательными оттого лишь, что дети делали им назло. В том и состояла забава: вывести из себя.

Девочки меньше дерутся: и не пристало, и платье мешает, и волосы, нет сноровки, не знают приемов борьбы. Девочки щиплются или царапаются – руками или словами. Высмеивания, секреты, сплетни, ссоры…

Мальчишек это очень раздражает. Выходит, мальчишки действуют искренне и явно, а девчонки исподтишка.

И здесь взрослые допускают большую ошибку. Думают, что удар рукой больнее, чем обида, колкое слово.

Ошибался и я: я долго думал, что начал тот, кто первый ударил. Вовсе нет, виноват тот, кто задирал.

«Ангелочки, воображалы, недотроги, нюни, плаксы, ябеды».

Правда, девочки часто стараются показать, что они лучше, чем есть. Но и мальчики неискренние, мальчики стараются показать, что они хуже, чем есть.

Не могу понять, почему это так, но мальчику кажется, что ему не пристало, стыдно быть спокойным, благоразумным, благовоспитанным. Мальчишка лучше разорвет дружбу с товарищами, чем признается, что он не хулиган.

Да, справедливо осуждают мальчиков. Но они сами виноваты.

Мальчику так же, как и девочке, хочется быть красивым, только он в этом не признается. Я знаю, как мальчишки неохотно стригутся; но говорят, что у них мерзнет голова и шапка будет велика. Хочется им хорошо одеваться, хочется быть милыми и деликатными, да не пристало признаться.

Мальчишке труднее быть чистеньким, он любит подвижные игры. У мальчиков больше синяков и шишек, порезанных пальцев, ссадин на коленках; мальчики больше дерут башмаки, чаще бьют

стекла. Да потому, что они больше мастерят и более дотошные. Но они не грязнули.

Просто мальчики любят все побыстрее, менее терпеливы, и потому тетради у них не в таком порядке. Но стараются мальчики не меньше.

Как и девочки, они сострадают, жалеют, им неприятно видеть чужое горе, только они не хотят показать этого, боятся насмешек. Знай они, что бояться приставаний и прозвищ – это тоже трусить!

И наконец, мальчики стыдливы не менее девочек. Только мальчики говорят нехорошие слова громче. А делают чего-нибудь неприличное из озорства или чтобы «себя показать».

Как и девочки, мальчики брезгают «свиньями». Если девчонки «ангелочки», то мальчишки «задавалы» и, значит, тоже «воображалы».

Мальчики задирают иначе, более шумно, только и всего.

Взрослые должны знать, что мальчики больше всего сердятся и сильнее всего мстят, когда затронута их стыдливость.

– Не хочу, чтобы она смотрела, – говорит мальчик. – Если ей можно, так и мне.

Теперь мода другая. Ребятам говорят, что не надо стыдиться ходить в купальниках и спортивных костюмах. Это лучше, чем когда считали, что девочка должна быть стыдливой, а мальчишка бесстыжим. Спорт и харцерство принесли большую пользу.

Я пишу об этом потому, что неправда вредна, а здесь было много лжи. Не зная, как со всем этим быть, мальчишки злятся и живут с девочками на ножах.

– Не выношу девчонок, – говорит мальчик.

– Не выношу мальчишек, – говорит девочка.

Неправда.

Один раз приятнее играть и говорить с мальчиками, другой раз – с девочками. Есть игры, в которых девочки мешают, а есть и общие. Может же девочка бегать лучше, чем мальчик, почему тогда мальчику нельзя играть в куклы?

– Ой, он с девчонками играет!

– Ой, она с мальчишками играет!

А начни мальчик с девочкой чаще разговаривать, сразу:

– Жених и невеста, парочка.

А я знаю целых четыре случая, когда мальчик с девочкой любили друг друга, еще когда ходили в школу, а выросли – стали мужем и женой.

И знаю случай, когда мальчик играл в куклы. Девочки шили платьица и одеяльца, а он делал для кукол кроватки и шкафики. И никто не смеялся, не над чем тут смеяться.

Мое правило жизни такое:

«Быть искренним. Не обращать внимания на разные подковырки. Если я что люблю, говорю: “люблю”, и баста».

И второе правило:

«Меня не касается, маленький кто-либо или большой и что говорят про него другие: красив, некрасив, умен, глуп; меня не касается даже, хорошо ли учится, хуже меня или лучше; девочка это или мальчик. Для меня человек хорош, если хорошо относится к людям, если не желает и не делает зла, если он добрый».

Иногда учителя говорят:

– Он хорошо учится, много читает, развитый.

А кому от этого польза? Если он эгоист, сухарь и вдобавок задавала? Совсем как богатый скряга – вызывает только злость и зависть.

Не знаю, что больше объединяет людей – сходство или именно различие? Одного я люблю за то, что он похож на меня, а другого за то, что не похож. Раз веселый дружит с веселым, раз – со спокойным и грустным. А иногда один из друзей как бы опекает другого. Могут полюбить друг друга старший с младшим, богатый с бедным, мальчик с девочкой.

Я заметил, что только глупые люди хотят, чтобы все были одинаковые. Кто умен, тот рад, что на свете есть день и ночь, лето и зима, молодые и старые, что есть и бабочки, и птицы, и разного цвета цветы, и глаза и что есть и девочки, и мальчики. А кто не любит думать, того разнообразие, которое заставляет работать мысль, раздражает.

Прошлое – будущее

С грустью я заканчиваю эту небольшую книжку. С неспокойной душой кончаю этот свой опыт.

Я писал эту книжку очень быстро, боялся, что если хотя бы на один день прервусь, то остыну и не закончу, а начало порву и выброшу.

А мне кажется, что эта книжка очень нужная. Может быть, не всем, а тем, кто любит вдумываться.

Когда собираешься писать книгу, всегда кажется, что она нужная и будет легко писаться и читаться.

Нужно ведь, чтобы старший рассказал о том, что он знает, и облегчил младшему понимание жизни и ее правил.

А мне это легко сделать, я уже много лет работаю с ребятами – вижу, что они делают, беседую с ними, выслушиваю их вопросы, жалобы, знаю, что им мешает, докучает, понимаю их трудности.

И такую книгу будет приятно читать, потому что наряду с ошибками и проступками, ссорами и обидами я вижу столько прекрасных дел и добрых намерений, столько взаимных услуг, уступок, помощи, заботы и доброжелательности.

Я с радостью сажусь писать. Но стоит взять в руки перо, как сразу все выходит не так, как хочется. Тяжело, трудно. И только когда глава окончена, вспоминаешь, что то-то и то-то упущено, что об одном написано слишком кратко и непонятно, а о другом, менее важном, слишком много и растянуто.

Начинаешь исправлять и переписывать, но это не помогает. Совсем так, словно задумывал один, а писал другой.

Одно в мыслях и в мечтах, другое на бумаге, буквами и словами.

И уже даже не хочется писать.

К чему? Мало ли и без того интересных, хороших, нужных книг?

Да и так ли это, как я думаю? Быть может, желая облегчить понимание, я затрудняю и путаю?

Легко ошибиться старому человеку, когда он пишет детям о детях! А ошибешься, вместо того чтобы завоевать доверие, можно вконец его потерять.

А чем сидеть и писать, приятнее взять книжку и сесть под дерево почитать или пойти прогуляться.

К чему писать: быть может, так и должно быть, что ребята – отдельно и взрослые – отдельно? Каждый сам по себе. Те свое, эти свое.

Надо признать, что мы не встречаем в детях ни искренности,

ни доверия. Ребята неохотно говорят нам о том, что думают и чувствуют на самом деле. Неохотно делятся трудностями и сомнениями, мечтами и планами на будущее, опытом своего прошлого.

Один не хочет говорить, потому что не знает наверняка: то ему кажется так, то эдак. И ему стыдно. Он не знает, что и взрослые немногое знают наверняка, и у них мысли разные, и они колеблются и заблуждаются.

Другой не хочет говорить, боится, что его высмеют, станут шутить над тем, что для него всерьез.

А третий и хотел бы сказать, да не знает, как начать.

Это-то и трудно, говорить о том, что больше всего занимает.

– Как удивительно!

– Что удивительно?

Все. Все, что ты помнишь и о чем забываешь. И как человек засыпает, и что ему снится, и как просыпается, и что было и не вернется, и что будет. И воспоминания, и память, и мечты, и намерения, и решения.

Ошибаются взрослые.

Им кажется, что у детей только будущее, а прошлого нет.

Им кажется, что дети не хотят думать о будущем и об этом будущем с ними надо часто говорить.

– Когда я был маленький, – говорит ребенок.

– А теперь ты большой? – и взрослые смеются.

Это же неприятно!

Мне кажется, старик охотнее рассказывает о своем детстве, чем самолюбивый ребенок. Словно это что-то постыдное.

Быть может, это потому так, что взрослые чаше напоминают ребенку о том, что у него в прошлом было неудачей, ошибкой, заблуждением. И с гордостью говорят:

– Теперь ты уже старше.

Часто взрослые удивляются:

– Как он помнит! И откуда он это помнит?

Удивляются, что помнит людей, события и разговоры, о которых сами они, взрослые, забыли.

А меня это совсем не удивляет.

Лучше всего помнишь то, что видишь, слышишь или делаешь в первый раз. В первый раз живешь в городе или в деревне – едешь по железной дороге – плывешь на лодке – твоя первая фотография – впервые в горах или на море – в цирке, в театре – первый день в школе – первый твой товарищ.

Но если в первый раз ты что-нибудь делал давно, а потом делал это еще много раз, все смешается, перепутается, но кое-что от каждого раза останется – и вот воспоминание готово.

Что значит: помнить и забывать? Почему иногда важное забываешь, а какую-нибудь мелочь помнишь, часто забываешь, что было недавно, а помнишь, что было давно? Одно воспоминание ясное, а другое смазанное, как бы в тумане. Почему что-нибудь вспомнилось именно сейчас?

Никто не помнит, когда он впервые увидел собаку. Да, но он ее уже знает. Он видел больших собак, маленьких собак, белых и черных, легавых и борзых, пуделей и мопсов, старых собак и слепых щенят, собак, которые стояли или гонялись друг за дружкой, и тех, с которыми он играл. Поймавшая муху собака – веселая и злая – собака, которая полизала, залаяла, хотела укусить, укусила. Голодная собака – больная – озябшая – с перебитой лапой. Встреча собаки с кошкой – собака на цепи – собака, попавшая под машину.

«Теперь я уже представляю, теперь я уже понимаю, теперь я уже знаю, уже не боюсь, это уже для меня не тайна».

Воспоминания – это наш опыт. Они учат человека, что делать, чего избегать. И каждый присматривается, приглядывается, потом встречает что-нибудь новое, другое. Помнишь, забываешь, опять вспоминаешь.

Сколько я в детстве падал, сколько пережил горьких неожиданностей, стыда и страха, прежде чем узнал, что режет, обжигает, что такое ножик, стекло, молоток, листовое железо.

Сведения, почерпнутые от родителей и товарищей, в школе и из книжек, то, что я видел, слышал, прочел, – все это, вместе взятое, составляет прошлое, веселые и печальные воспоминания; все это диктует мне правила жизни на теперь, на сегодня.

И только потом уже будущее.

Некоторые ребята пишут дневники: ежедневно отмечают, что случилось. Многие остывают, ведь писать трудно, а каждый день приносит столько нового. Другие делают иначе: записывают в тетрадку названия городов и улиц, которые они узнают, заглавия прочитанных книг, имена знакомых и друзей. Это как бы счет прошлого, итог приобретенного опыта.

Правильно ли поступают взрослые, постоянно пугая тем, что будет?

«Будет тяжело, будет плохо… Ты должен привыкать… должен научиться… через десять – двенадцать лет…»

Может быть, дети не очень даже этому верят. Ведь странно подумать, что ты будешь таким, как отец. Дети представляют себе это как-то иначе.

Ах, мечтания юности!

Приятно в уютной комнате или в постели думать о том, что когда-то будет. Мечтать о путешествиях и приключениях, что ты

знаменитый полководец, или что раздаешь деньги бедным, или что ты ученый, поэт, певец или скромный, но всеми уважаемый и любимый учитель.

Воображаешь, что не все удавалось сразу, а что были и препятствия, и трудности, даже борьба и опасности. Но в мечтах препятствия только приятны, благодаря им сказка, которую рассказываешь себе, длиннее, а победить можно каждую минуту, и все кончится хорошо.

Как-то я спросил в классе, кем кто хочет быть. Один мальчик сказал:

– Волшебником.

Все засмеялись. Мальчик смутился и прибавил:

– Я буду, наверное, судья, как мой папа, но ведь вы спрашивали, кем я хочу быть?

Именно такой вот смех, а затем и прозвища приучают к неискренности и скрытности. Ведь каждая мечта словно волшебная сказка.

А мечты полезны и важны. Человек не сразу знает, к чему себя готовить. По-разному прикидывает, из десяти разных выдумок составляя одну программу жизни.

Какова разница между мечтой и программой?

Мечта – это отдых, удовольствие, она не налагает никаких обязательств. Люди говорят:

«Витает в облаках, строит воздушные замки, желает достать звезду с неба».

Да, да! Летит на самолете фантазии, думает ради забавы о том, чего нет, подняв взор к звездам. Томится, жаждет. Именно так. И дорастает до программы, которая серьезна, строга, сурова, которая требует и обязывает.

Программа – это как бы клятва, присяга у знамени жизни.

Человек решил, приступил и идет к цели медленно, но верно.

– По географии у меня пятерка, я учу иностранные языки, рассматриваю карты, атласы, знакомлюсь с городом и его окрестностями, читаю приключенческую литературу и про разных людей и про зверей. Я буду путешественником.

– Я охотно разговариваю и играю с маленькими. Терпеливо отвечаю им на вопросы, объясняю, растолковываю, помогаю и выслушиваю их жалобы. Я люблю свою маленькую сестричку (или брата). Расскажу сестренке сказку, покажу картинки, дам почитать свою книжку – ласково и спокойно. Я буду учителем.

– Я стараюсь познать свои недостатки и достоинства. Человек строптивый не может быть ни полководцем, ни пилотом, ни воспитателем. Я хочу быть справедливым, точным, благоразумным, отважным, дисциплинированным, правдивым.

– Я хочу иметь сильную волю.

Кто умеет только мечтать и ждет, что все само придет и само собой сделается, тот, может быть, и будет кукситься, когда увидит на деле, что все это не так и более трудно.

– А я люблю то, что трудно. Хочу добиваться и выходить победителем. Я знаю себя. Я умею смолчать и приказать. Я мужествен и терпелив. Мягок с другими, суров к себе. И я веселый – не капризничаю и не жалуюсь.

– Мне столько лет, сколько есть. Я не стыжусь ни своего возраста, ни своих мыслей, ни своих чувств. Я заставлю уважать себя и ту цель, которую себе поставил.

Три дополнения к этой книжке

Дополнение первое

Я думал об этой книжке много лет; сочинял в голове. Это было очень трудно.

Бывают менее важные правила жизни и очень важные. Самые важные правила жизни я решил в конце концов совсем не затрагивать.

И теперь я не знаю, хорошо написана эта книга или плохо.

Здесь могут быть разные ошибки, но нет ни одного слова лжи.

Потому что я уважаю и пожилых, и молодых, и маленьких. Я хочу быть искренним. Правда всегда выйдет наружу.

Дополнение второе

Поэт – это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется и сочувствует. И дети такие.

А философ – это такой человек, который глубоко вдумывается и обязательно желает знать, как все есть на самом деле. И опять же дети такие.

Детям трудно самим сказать, что они чувствуют и о чем думают, ведь приходится говорить словами. А еще труднее написать. Но дети – поэты и философы.

Дополнение третье

Это рассказ пятилетнего Виктора. Я его уже два раза печатал, да только в книгах для взрослых. Рассказ этот трудно понять потому, что Виктор спешил и, когда он говорил о том, как солдат убивал собаку Фокса, у него даже слезы выступили на глазах.

Рассказ Виктора был такой:

«Яблоки – я вижу яблоки – маленькие такие – а деревья такие большие – можно лечь и качаться – и был такой песик – и как одно яблоко упадет! – а он лежит и спит – мама пошла – а я хочу сам – и там стул – а песик – какой-то другой песик – и так его укусил – зубы у него острые-преострые – значит, спит он, а он его укусил – песика надо побить за то, что его укусил – а там хозяйка – а у него такие зубы – я забыл, как его звали – Фоксом его звали – и он укусил – кр-р-ровь! – он грыз кость – Фокс, пшол, пшол вон – а он вытаращил глаза и укусил – я бросил ему яблоко – сорвал с дерева и далеко бросил – жесткое такое, а сладкое, как не знай что – а он только понюхал – а потом пришел солдат – бух в песика – бух, такой славный – славный – славный».

А это рассказ девятилетней Стефы:

«Когда мы пришли домой, то там, за забором, где решетка, лежала птичка. Потом Рома хотела ее взять, а я это увидела, и сама захотела взять, и взяла с той решетки. А когда мы взяли, все девочки собрались и смотрели. Потом мы принесли ее сюда. Перышки у нее были такие серенькие и беленькие, клювик в крови и глазки открыты. Мы сделали на дворе такую ямку, завернули птичку в газету и засыпали землей. Может, ее какой мальчишка нарочно убил? Клювик перебитый был, и головка качалась. Рутковская чуть не заплакала. Она, как что увидит, так сразу гладит рукой, и уже совсем было заплакала, да не заплакала, только слезы на глазах выступили».

Такова поэзия юных.

Педагогические статьи

Дети и воспитание

Храм знаний и заботы учебного года. – Возникновение и развитие школы. Прежние идеалы и новые течения. – Мы знаем не все.

В течение многих веков человечество работало над построением храма знаний. Кирпич к кирпичу, этаж к этажу рос он, все более блестящий, совершенный и необъятный. Рост его – дело тысяч жизней, тысяч самых одаренных умов. И человечество не прекращает своих усилий. Каждый новый год приносит достижения, каждое новое поколение дает новых зодчих духа, накапливая новые материалы для работы будущих поколений.

И вот ребенок в школьные годы должен воссоздать этот храм в своей душе, должен впитать в себя его образ, усвоить его, охватить и наполнить собственным «Я».

Ребенок начинает с основ, и неподготовленному уму его предстоит преодолеть столько трудностей – так болезненно рождается мысль, пробуждается жажда света и восторг познавания. Ребенок и не догадывается, какую страшную борьбу вела человеческая душа, как металась мысль слабого человека прежде, чем он взглянул в лучезарный лик хотя бы одной истины.

Он знает только, что путь на площадь, где возвышается храм, тернист.

* * *

Беспощадно суровые требования предъявляют к ребенку те, кто вводит его в этот неизвестный ему, чуждый, навязанный историей и окружением мир знаний. Требуют внимания, сосредоточенности и систематичности.

Как же это чуждо душе ребенка, где живая наблюдательность, подвижность мотылька – закон, принцип, необходимость. От ребенка требуют работы над книгой – а ребенок рвется к природе и жизни; ему велят думать и размышлять – а он хочет смотреть и спрашивать; пригвождают ум его к одному предмету – а ребенок стремится прикоснуться к десяткам.

Разве нельзя воспользоваться особенностями чувств ребенка, разве обучение ребенка, развитие его души должны быть разительным исключением из правила «Все согласно с природой»; разве нельзя из школьного периода убрать горечь, нельзя повернуть ребенка к жизни, позволив ему спрашивать, и постепенно развивать его ум так, чтобы он сам захотел познать корень знаний?

Так поступать можно и должно.

Почему же до сегодняшнего дня этого не делали?

Потому что трудно высечь из прошлого будущее, поступь прогресса неспешная, разумная мысль сто раз должна быть повторена, прежде чем расцветет делом.

Чтобы понять современное состояние школы, надо рассмотреть ее возникновение и развитие.

* * *

Школьная программа была создана в эпоху Возрождения.

Два направления боролись в XVI веке за школьную программу. Открытие Америки обратило умы к изучению земного шара, к познанию материального мира; встреча с литературой Древней Греции и Рима побудила ученых исследовать далекое прошлое.

Если бы эти два направления объединились, образуя единое целое, пищей молодых умов стали бы и мир духа, и мир материи. Что ж, победили те, кто находился во власти чар совершенной литературной формы, утонченного выражения мысли.

Победили стилисты. Задачей школы стало обучение латинскому и греческому языкам, а неумелое преподавание, не подкрепленное знанием детской натуры, привело к тому, что изолированная от природы и жизни молодежь проводила свои

лучшие годы за грамматикой и словарем.

Печальным примером приверженца этого направления является Иоганн Штурм[9], известный своим влиянием. Его идеалом было воскрешение языка Цицерона и Овидия, и на совершенствование в искусстве красноречия он предназначил четырнадцать лет.

* * *

В пяти ошибках обвиняет Квик[10] идеал Возрождения: ученый становился выше человека действия; литературе приписывалось более сильное, чем она вообще может иметь, прямое влияние на жизнь; образовательная роль приписывалась исключительно книгам – игнорировалось непосредственное восприятие, наблюдение; не дух, не содержание классиков импонировали стилистам Возрождения, а форма; педагог этой эпохи пренебрегал душой ребенка, считая ее чистой доской, которая приобретает ценность только тогда, когда ее украсят знанием древних языков.

Однако эпоха Возрождения внесла в педагогику много полезных мыслей. Монтень[11], современник Штурма, заслужил благодарность у нас своими взглядами на обучение. «Мы учимся, – говорит он, – познавая то, что происходит сегодня, а не то, что произошло или произойдет». «Мы стараемся заполнить только нашу память; разум и совесть оставляем пустыми». Еще в XVI веке Ратке[12] говорил, что «всякое обучение языкам следует начинать с обучения родному языку», что «сперва надо давать саму вещь, а потом ее описание» (Ne modus rei-ante-Gesch).

С восхищением смотрим мы на школы иезуитов. Они научили нас, как можно увлечь молодежь предметами, ей очень мало доступными, трудными, сухими. Надо беспрестанно пробуждать и поддерживать живой интерес к науке. Завоевывая сердце ученика, они завоевывали для науки жар этого сердца.

Все отчетливее намечался прогресс в области воспитания и обучения детей и молодежи. Коменский[13], Локк[14], Руссо[15], Базедов[16], Песталоцци[17] и Фребель совершают одно за другим блестящие открытия в мире детской [18]души. Естественные науки приходят на помощь педагогике, внося в нее сокровища своих наблюдений, опыта и результатов изысканий. Педагогика становится наукой материальной.

Общество открывает глаза на то, к чему раньше было глухо и равнодушно, государства относят вопрос школьного образования к разряду вопросов первостепенной важности. Все живее

становится обмен мыслями, споры выясняют много темных мест, старые предрассудки исчезают.

Наконец под влиянием новых течений рушится обязательная программа старой школы. 1709 год дает первую реальную школу. За ней следует целый ряд реформ. Беглый обзор школьных реформ в Германии, Швеции и Франции занял у профессора Окольского[19] 250 печатных страниц.

Против классицизма выдвигаются все более резкие обвинения; над ним начинают глумиться, забывают о его больших заслугах, помня лишь причиненный вред.

Естественные науки, молодые, свежие, полные жизни и сил, лишают его влияния, занимают первое место, угрожая его существованию.

И неприязнь к древним языкам все возрастает.

* * *

Одержимость в эпоху Возрождения древними языками была крайностью; такая же крайность – увлечение естественными науками сегодня.

Культ материи подтачивает идеалы молодежи. Лет через триста не отзовутся ли голоса суровых судей?

Из алхимии и астрологии родилась химия и астрономия – в неизученных силах ныне темного для нас спиритизма не проглянет ли неизвестный мир духа?

Имеет ли право анатом, держа мозг в руке, утверждать, что у него на ладони душа умершего?

Ученый анатом, ты фокусник, когда утверждаешь, что все знаешь, все изучил. Будущее – твой судья.

«Знания для знаний». – Что нам дали знания? – Новый лозунг.

Жизнь, школа, семья. – […]

Знания дадут вам все – знания заменят вам личное счастье, вберут в себя ваши стремления, объединят в едином порыве все ваши усилия; дадут вам цель в жизни, независимое положение, физическое и моральное здоровье, влияние, уважение и удовлетворение! Смотрите, как счастлив этот ботаник, всю жизнь просидевший над микроскопом; математик, командир длинных рядов цифр и знаков; историк, который так погрузился в минувшие века, что душа его, на миг отрываясь от любимых героев прошлого, тоскует по ним, как по братьям – своим ровесникам.

Мы поверили в чудодейственную силу знаний. Назвали книгу

единственным другом, науку – единственной возлюбленной, изучение – единственным наслаждением, поиски истины – единственной целью жизни.

Неосмотрительные, мы не спрашивали у тех передовых деятелей науки, не подумали ли они когда-либо с горечью, видя чужое счастье: «ведь мы не жили», не пошатнулись ли когда-либо в своих убеждениях, увидев нищету людскую и невежество.

А может, людям, не книгам, следовало посвятить жизнь?

Мы поверили безоговорочно в силу знаний и шли к ним окрыленные. Не захотели стоять у их подножия, рвались вверх, все выше и выше.

Сегодня мы остановились на полдороге, усталые, больные и грустные, и жалоба, сначала тихая, раздается все громче:

– Не можем, это свыше наших сил.

А ведь это самые стойкие из нас.

Что дали нам знания взамен загубленного здоровья и ушедшей безвозвратно юности?

Не обеспечили нам материальных выгод; мы скверно оплачиваемые работники богатых. Ловкие невежи завладели плодами наших трудов, оттеснив нас от влияния на массы, только они могут сегодня действовать с размахом. Это они извлекают прибыль из наших усовершенствований, открытий и изобретений, мы же с любой идеей, любым продуктом нашего труда вынуждены обращаться к ним с просьбой о поддержке, в страхе, захотят ли взглянуть благосклонно на плоды наших многолетних усилий.

Принесли ли знания нам личное счастье?

До поры до времени мы были упоены тем счастьем, которое дают работа, стремление, цель, мысль, идея. Сегодня нам грустно и горько. Мы поняли, что лозунг: «знание для знаний», «наука для науки» – может зажечь, но заполнить всю жизнь может лишь единицам и никогда – всему обществу. Наука должна иметь своих фанатиков, но основная масса общества должна исходить из принципа:

«Знания – к услугам человека, труд наш и силы – для ближних».

И мы видим сегодня в каждой стране представителей нового течения. Принцип: «Ученые нам необходимы, но прежде всего – люди дела» – находит все более широкий отклик. Командующих надо немного, а вот солдат – многие тысячи.

Это новое течение – от письменного стола и книг к жизни и к людям – вызвало соответствующие изменения в методах воспитания.

Работа для общества требует прежде всего здоровья, силы

воли, сильно развитого альтруизма, глубокого чувства долга, знания жизни и людей, а потом уже знаний как таковых. Прежде всего следует научить ребенка смотреть, понимать и любить, а потом только учить его читать; юношу следует научить хотеть и мочь действовать, а не только много знать. Надо воспитывать людей, а не ученых. Усвоило ли семейное воспитание это новое направление человеческой мысли?

В девяти случаях из десяти – нисколько.

Мы не укрепляем здоровья ребенка, ибо мы не знаем основ детской физиологии, гигиены и диетологии. Городские дети едят слишком много и без разбора, часто неподходящую пищу; спят слишком удобно, мало двигаются, вовсе не знают физического труда, их развлечения мало соответствуют детскому организму. Волю мы умышленно подавляем многочисленными запретами, наставлениями и подобием физического воспитания. Альтруизм, это тяготение к другим, отказ от некоторых удобств, игр, прихотей ради другого человека, выражен слабо. Скорее, мы развиваем в ребенке эгоизм, балуя его на каждом шагу, прививая с самых юных лет ложное честолюбие этими несвоевременными восторгами по поводу его ума и талантов. Но зато знания, а скорее – их разрозненные клочки, мы впихиваем детям в головы, словно тряпье в котел на бумажной фабрике, – как можно больше иностранных языков, как можно больше книжных сведений, фактов, частностей, ба, даже талантов.

Подлинные знания восхищают, увлекают, вдохновляют, эти же разрушают и подавляют. Сонные дети глотают их в больших дозах и… не переваривают.

«Истинный исследователь, – говорит Бродзиньский[20], – может сказать, что он ничего не знает в совершенстве, но во всем видит совершенство, а в нем Бога».

Наши же знания, размолотые в порошок и популярные аж до смешного, представляет надпись на восковой фигуре в одном из наводняющих Варшаву ярмарочных балаганов:

«Обезьяна или первобытный человек».

Воистину не без основания маги отрубали головы тем, кто смел ворваться неподготовленным в храм знаний.

Как отнеслась школа к новому течению, которое осмелилось поставить на одну доску со знаниями – характер человека и его способность нести обязанности в отношении себя, семьи и общества? Излишне спрашивать, в состоянии ли и обязана ли школа формировать характер воспитанников, является ли учебно-воспитательным заведением или только учебным.

В школе (как и вне школы) уже само общение между собой детей вырабатывает многие черты характера. «Алтари дружбы,

умения забывать о себе ради общества, – говорит Чацкий[21], – редкий случай в домашнем затишье, ибо там нет такого обилия людей одного возраста, как это бывает в публичной школе». Далее: и учебная программа, методы подачи знаний оказывают сильное влияние на развитие ума и характера учащихся. Сегодня, когда этот вопрос уже решен должным образом раз и навсегда, всякие споры были бы не ко времени.

Школа *обязана* воспитывать, но *может* ли она это делать там, где речь идет главным образом о дисциплине и подготовке к будущей профессии?

Здесь следует повторить слова Флориана Лаговского[22] из его работы «О моральном воспитании в школе».

«Я должен обратить внимание родителей, – говорит опытный педагог, – родителей, чьи дети обучаются в школах, где не заботятся о нравственной стороне характера, чтобы они не ограничивались деятельностью школы и внимательно следили за домашним воспитанием, которым обязаны руководить сами, или же поручали это людям, умеющим достойно справиться с возложенной на них задачей».

Дважды два – четыре (как воспитывать детей)

1. «В мое время». Неудивительно, что мы охотно вспоминаем былые годы. Человек был молод, крепче и веселее. Меньше понимал, а значит, меньше предвидел – меньше забот и опасений. Неудивительно, что, глядя на детей, мы вспоминаем, как было раньше, когда мы сами были маленькие. Что было по-другому, каждый это легко заметит. И встает вопрос: хуже или лучше? Если спокойно взвесить, каждый признает, что годы неволи были тяжелыми, плохими, не хватало тех или иных развлечений, и детская радость, которая всегда ищет выхода, теперь найдет его легче. И школа заботится о развлечениях, и интересных книжек больше, и красивые картинки, и что-нибудь сладенькое, и наказания не такие суровые, чаще поощрения. Неудивительно, что тот и другой вздохнет печально, – ведь у него отняли улыбки и веселые возгласы детских лет, которых не вернуть. И может показаться, что все родители всегда будут радоваться, что они дождались, их детям лучше.

Бывает, однако, что тот или другой как бы в обиде на малышей. Когда он рассердится – а сердится он необязательно на ребенка, часто на тяжелую жизнь и нехватки, – сердится, что у него болит, ведь раньше меньше заботились о здоровье, – когда он сравнивает не спокойно, а в сердцах, – ему приходит в голову, что, может, и впрямь слишком уж много детям.

«В мое время было по-другому». Слыханное ли дело: раньше ребятенок столько не стоил. Ишь, на одно учение сколько! Не букварь, а разные книжки, не одна, а несколько тетрадок, да еще линейки, угольники, мелки и деньги на кино и прогулки.

Башмаки раньше – когда снег или праздник, одет кое-как, а нынче – на заказ, из нового, уже не только тепло, но и красиво. Это подумать только!

В заботах, с трудом поднимается человек к лучшей жизни. И ребенок больше трудится, у него больше обязанностей. Человек не тот же, а более просвещенный, жизнь не та же, а более полная и интересная. Не помогут ни вздох с ленцой, ни брань и сетование, ни обида и жалобы. Простоты не меньше, а меньше вульгарности; и уважения к старшим не меньше – меньше принуждения; даже не нравственность ослабла, а искреннее стал человек и более чуток на зло. Сколько раньше было несправедливостей, о которых никто не слыхал, – слова не смели сказать против!

На смену безропотной покорности плохих давних лет пришло сознание права и справедливости, тоска по лучшему завтра – и добрая надежда.

2. «Дери башмаки, дери!» Одежда как статья в бюджете бедной семьи весьма ощутимый предмет заботы родителей. Школа требует, чтобы дети были не только чисто, но и красиво одеты.

– Учительницы хотят из ребят барчуков сделать – фартучки, воротнички, трико для гимнастики и тапочки. Им кажется, да и ребятам, что деньги на улице валяются. А мальчишка хоть бы берег.

На уроках физкультуры учат детей ложиться на пол. Как потом сказать, чтобы не пачкал одежду? Раньше негодник за драные башмаки получал взбучку, а ведь теперь смотреть приходят и деньги за смотрение платят, как здоровые мужики, вместо того чтобы работать, мяч пинают и башмаки дерут.

Отец чувствует, что подвижный ребенок имеет право бегать и играть. И неудивительно, что он должен чаще и больше рвать одежду и обувь. Где установить границу между правом ребенка и кошельком отца? Ведь только и радости в жизни, что это беганье, и приходит отцу на память радостный риск былых лет – карабканье на забор или дерево, лазанье по закуткам, где можно увидеть что-нибудь любопытное – и много пыли и коварных гвоздей.

Ребенок дерет не только кожу на башмаках, но и свою. Сколько шишек, синяков, царапин, порезов! Ничего, заживет – будет осторожнее. Не правильнее ли поставить заплату на покалеченные штаны или заштопать растерзанные чулки, чем брюзгливо и безнадежно бороться с природой ребенка?

Подвижный ребенок – в будущем энергичный человек. Порезал палец – мастерил что-то из жести; коленку расшиб – на бегу не всегда удается сманеврировать. А мир жесток и коварен. Возникнет препятствие, где его не ждешь. Упал, ушибся не потому, что хотел, падение – неприятная неожиданность.

Неудивительно, что одежда и обувь, как говорят, на мальчишке горит.

3. «Дай ему ремнем, не жалей рук». Любопытно было бы подсчитать, за что чаще всего бьют ребенка. За поступки, которые могут грозно сказаться в будущем, запятнают, исковеркают его душу? Нет – дают тычки, бьют и порют чаще всего в плохом настроении или когда ребенок нанес материальный ущерб.

Сравни свою большую твердую руку с маленькой ручонкой ребенка, свою огрубевшую кожу с его гладкой и тонкой. Присмотрись к нему, маленькому и безнадежно от тебя

зависимому. Ни сил нет защитить себя, ни права. Я не могу найти ничего, с чем можно было бы это сравнить в жизни взрослого человека. Уже не самый сильный, а любой удар напоминает избиение в тюрьме осужденного. Правда, мы уже не выбиваем зубы и не ломаем кости, хотя угроза «пересчитаю тебе кости» напоминает не слишком отдаленные старые добрые времена.

Следует помнить, что этот несильный удар тоже жестокое наказание: мы бьем беззащитного.

Бьем, чтобы ребенок боялся. Ребенок всегда боится – во-первых, что отец снимет ремень, во-вторых, что на него накричит, в-третьих, чтобы не огорчить. Никогда не будет послушным ребенок, от которого мы требуем слишком многого и который, уязвленный, в отчаянии или бунтуясь, безнадежно признает, что не может исправиться.

У человека зрелого есть опыт неудачных попыток, и он смирился с судьбой. Ребенок хочет быть хорошим. Если он не умеет – научи, если не знает – объясни, если не может – помоги! Если он, стараясь изо всех сил, терпит поражение – следует снисходить к нему, так, как мы снисходим к себе, мирясь с нашими пороками и недостатками. Если я не сумею воспитать ребенка ласковым словом, взглядом, улыбкой, подведет и твердая рука, и ремень, хотя бы я и не «жалел».

4. «Погоди, вот я скажу отцу». В общем, мать мягче отца, редко сильно ударит, зато часто прибегает к угрозе. Угроза – наказание, а иной раз обещание наказания даже чувствительнее. Согрешил, искупил вину – можно дальше проказничать. Когда мать пригрозит, испорчен весь день. Что-то будет? Сдержит ли мать слово и скажет отцу; в каком будет отец настроении, простит ли, накричит ли, пообещает ли «кости пересчитать» или и в самом деле возьмется за ремень. Обдумывание спасения иногда не что иное, как сложный план обороны от врага. Ребенок должен тщательно продумать, как и когда войти в квартиру, какой принять вид, какое сделать лицо, как себя вести, что сказать. Родной дом – как лагерь врага, в который он должен осторожно и незаметно проскользнуть, чтобы усыпить бдительность, добиться хитростью того, чего нельзя достичь силой. Если мы так воспитываем ребенка в течение многих лет, неудивительно, что, почуяв наконец желанную независимость, он сразу меняет и тон, и отношение. Наступит день, когда ребенок почувствует себя достаточно сильным, чтобы подчеркнуть, что, мол, конец. Хватит, пока был маленьким, он должен был все сносить и терпеть, а теперь он уже не боится.

Ребенок не захочет огорчить родителей, с возрастом он лучше поймет, почему бывало так, а не иначе. Родители старые, устали –

тем большую они будут вызывать нежность, сочувствие. Мать, неискренне-мягкая, которая угрожала и карала сильной рукой отца, будет для подростка только более слабой – а не лучше.

Много говорят об уважении к старшим. Один только возраст не дает прав, уважение надо заработать, добиться, приложить усилия. Наказание-угроза аффективно, когда его применяют в исключительных случаях с тем, чтобы потом простить.

Мать, которая знает больше, потому что она постоянно находится с ребенком, не желая доставлять отцу огорчений, вправе не все ему говорить. Отец после работы должен отдохнуть, весело поболтать и единственное, часто единственное, тепло своей жизни – ребенка – к сердцу прижать. Мать не скажет: ей неловко, если она вынуждена будет обратиться к отцу, чтобы он даже не палкой, а мужским умом помог – присоветовал. Мать чувствует, что ребенку грозит опасность, что он поступает плохо и не хочет исправиться; мать боится брать на себя ответственность за его действия, а то отец, когда уже будет поздно, попрекнет: «Почему ты меня не предупредила? Я бы не допустил». И мать имеет право только так грозить, так прощать и признаваться в детских провинностях, и только такой смысл имеет фраза-угроза: «Я пожалуюсь отцу».

5. «Отдам тебя нищему». Это тоже наказание-угроза. Ребенок верит, что мать его прогонит на все четыре стороны и его кто-то заберет, необязательно нищий, а злая и грозная враждебная сила. Следует помнить, что дом для ребенка – это спасительный островок среди моря неведомых загадок и опасностей, сил и тайн. Ребенок рождается в ужасающе мучительный момент – новорожденного вдруг окружает холод воздуха, хлещет по коже, проникает в рот, легкие, ранит при первом вздохе, боль раздирает череп, а твердые руки завертывают в холодное жесткое полотно. Страх у ребенка растет с тысячами болей неопытного пищеварения, неожиданностями внезапных ударов и со всем тем, что возникает перед ним, твердо, равнодушно и неожиданно. Перед его глазами проходит ряд картин, и каждая вызывает сильнейшее волнение. Ребенок показывает пальчиком на собаку, тянет мать за руку. «О, собачка», – весь дрожит, трепещет – сердце колотится в груди – радость – желание погладить – детское счастье. Собака заворчала. Ребенок испуган. Тот, кто казался другом, оказывается, опасный. «Отдам тебя нищему». Это значит: откажусь от тебя, не буду тебя защищать, пойдешь к тем, кого ты боишься, потому что они тебя обижают.

Добро и зло для ребенка – это то, чем была молния или улыбка солнца для первобытного человека – таинственной карающей десницей или благословением. Ребенок боится, потому

что видит вокруг непонятные вещи, а во сне мрачные деформированные предметы – сон и явь еще не обособились. «Отдам тебя нищему, еврею; волк тебя съест» – эти угрозы вредны и легкомысленны, поскольку, действуя безотлагательно и временно, причиняют вред и потом. Ребенок перестанет бояться, но сохранит обиду за пережитые тяжелые минуты, полон неверия к словам родителей, которые лгали, злоупотребляя его доверием и неведением. Не грози, грозилка, меня аистом не обманешь – малышам глупости рассказывайте! Я уже нищего и волка не боюсь.

Близка к этой угроза: «Отдам тебя сапожнику». Действует она меньше. Побочное зло вредной фразы в том, что принижается профессия, честно работающий ремесленник не в счет. Этого не следует делать. Почему не столяру или не слесарю, а только сапожнику? Неучем, пьяницей и бездельником могут быть и врач, чиновник, и даже воспитатель.

6. «Наказание господне». Наряду с побоями существуют подзатыльники, наряду со словесными наказаниями, криками и руганью – бурчание, ворчание, брюзжание. Мать ворчит или жалуется соседям не потому, что верит в воспитательную ценность слова, а чтобы отвести душу. «Наказание господне с этими ребятами. Жизнь отравляют, в гроб вгоняют». Если бы эти невинные жалобы были как горох об стенку – с ними можно было бы смириться, но, я считаю, они далеко не безразличны. Это капитуляция, отказ от требований к детям, складывание оружия. В лучшем случае ребенок не слышит, обходит их презрительным молчанием, чаще же всего они его раздражают и вызывают у него неприязнь. Ребенок предпочитает их крику, угрозам, жалобам отцу или удару, но думает: «Уже начинается. Вечно одно и то же. И когда это кончится?» Бывает, брюзжание имеет форму нравоучения. Мораль выражена в словах: «Что из тебя выйдет? Кем вырастешь?» – и обычно сопровождается предсказанием: шалопаем, бездельником, мошенником. Мать, предсказывая поражение, отбивает у ребенка охоту стараться исправиться. Если мать утверждает, что его будущее именно таково и другим не может быть, что ему на роду написано гнить в тюрьме, будет правильно, если он воспользуется минутой свободы. Следует помнить, что ребенок неохотно отрекается от сегодня во имя завтра – ведь и взрослый не всегда и не все делает, чтобы обеспечить себе спокойную, благополучную старость. Взрослый знает, что папиросы или водка причиняют большой вред, а курит и пьет. Будь что будет – двум смертям не бывать, а может, я не доживу – вот аргументы, которые ребенок противопоставляет дурным предсказаниям.

Случается, мать не надоест и наскучит, а растрогает, вызовет чувство раскаяния. Ребенок легкомысленно обещает исправиться, беря на себя обязательства, которые ему не под силу. Как гарантировать, что он что-либо не порвет и не сломает, не выбьет стекло, не получит в школе плохую отметку; и как он будет выглядеть перед матерью и в своих глазах – обещал и не сдержал? Мать мягко напомнит об обещании, чаще – брюзгливо попрекнет. Мы обязаны отдавать себе отчет в трудностях, которые есть у детей, в их беспомощности перед своим «я». Отец старается больше заработать – и не может. Ребенок старается лучше себя вести и учиться – и не вышло. Мы должны облегчать ребенку познавать его пороки и недостатки, должны закалять его слабую волю, чтобы он постепенно, побеждая и терпя поражения, шел к исправлению; ласково ему помогать и сочувствовать в трудную минуту, объяснять причины неуспехов, ободрять, а не подгонять и вымогать злым словом и недоверчивым взглядом. Надо говорить ребенку, что он хороший, что он хочет и может.

7. «Дам. Папа купит». Бывает, мать делает что-то неохотно, чтобы только откупиться, ради так называемого святого покоя. Делай что хочешь, у меня уже нет сил; здесь уже не мать, а ребенок вымогает: прощение, позволение, подарок. Так поступаем мы, упав духом: все у нас валится из рук, когда серьезные заботы перерастают мелкие повседневные огорчения. Вечная нищета, необходимость поддерживать порядок, вязать концы с концами столько потребляют энергии, что ее уже нет на то, чтобы заниматься ребенком. Пусть делает что хочет – только бы иметь покой, хотя бы на короткое время. Конфеткой или монетой покупается минутное послушание, исправление; мать дает или обещает: «Будь послушным, тогда получишь». Обещая, мы открываем себе путь к отступлению. Когда ребенок потребует плату, нетрудно найти предлог не сдержать обещание. «Папа купит, если будешь послушный». Понятие послушания растяжимо. Правда, ребенок встал, но умываться не хотел либо долго одевался; послушался, но только раз. И вот ребенок «в наказание» не получает, папа не дал. Здесь могут быть два варианта, первый – ребенку жаль затраченных им впустую сил, он ничего не получил взамен; в другой раз он уже будет осторожнее: не стоит стараться, все равно не получит. Или хуже: не стоит стараться – обманывают. Мать придерется к пустяку и не даст, обещает, заранее зная, что не сдержит слово.

Этот способ, как бывает со всем тем, что легко, сразу может дать кратковременные результаты, но на более долгий срок подведет. Вместо того чтобы винить себя, родители обвиняют ребенка. Вина ребенка кажется тем большей, что мать ведь

пробовала и добром, проявила желание договориться; тем легче ей перейти от ласковых слов и соблазнительного обещания к резкому, грубому принуждению упрямца.

Упрямство ребенка бывает проявлением сильной воли или протестом против принуждения. Упрямый ребенок – результат неразумного поведения матери. Не будем думать, что ребенок забывает. Ребенок хорошо помнит и знает, что мать, легкомысленно обещая, заманивает, чтобы потом по-своему закрыть счет. Зачем говорить о шоколадке или о злотом на кино? Только раздразнишь – пускай уж мать лучше сразу берет розгу. Насколько правильнее, когда мать не обещает, а награждает ребенка задним числом.

Самый большой враг воспитания – спешка. Если мне надо что-то сказать – лучше скажу позже; есть время подумать, выбрать подходящий момент, а прежде всего – успокоиться самому.

И поучение, и угроза, и награда действуют как лекарство. Следует прибегать то к одному, то к другому рецепту, но всегда помнить, насколько гигиена и благоприятные условия важнее аптечного пузырька. Увы, безмятежная жизнь не всегда зависит от воспитателей и родителей. Надо следить, чтобы ребенок не стал козлом отпущения наших настроений. Ребенок принимает участие в жизни семьи независимо от того, относятся к нему наши слова и поступки или нет. Неудачи отца, болезнь матери всегда волнуют ребенка, хотя не у каждого это проявляется одинаково.

8. «Перестань хныкать». Я не согласен, но я понимаю гнев матери, когда упрямый ребенок, несмотря на угрозы и удары, не проронит ни единой слезинки. Это похоже на закоренелость и вызывает опасения. Но надо помнить, что самолюбивые дети сдерживают усилием воли слезы, чтобы разразиться рыданиями, когда будут одни. Униженный ребенок не хочет проявить свою слабость перед обидчиком, он лучше забьется в угол или уткнется ночью в подушку и выплачет скорбь и боль. Надо вооружиться терпением и спокойно отметить тот факт, что ребенок пренебрегает нашим гневом.

Чего я, однако, совсем не могу понять, это чувство обиды, которое вызывают у воспитателя слезы ребенка. Мать ударила – ребенок плачет, это ее сердит. Она ударяет во второй раз, чтобы ребенок перестал плакать. Тут кроется глубокое недоразумение. Мы называем плачем ребенка два совершенно разные явления: первое – это когда у ребенка текут слезы, несмотря на все усилия овладеть собой, – он плачет навзрыд, рыдает; и второе – когда в ответ на приказ или запрет ребенок устраивает нам скандал – орет во всю глотку, бросается на пол, поднимает на ноги соседей,

устраивает всеобщее сборище. Наверное, именно это вызывает недоверие ко всем детским слезам.

У ребенка свои тихие печали, заботы и разочарования, свой одинокий мир. Ребенок меньше знает, меньше испытал, а значит, он сильнее чувствует. Сильнее чувствует, ибо впечатлителен, незакален, еще неопытен в страданиях. Мы храним в памяти куда тяжелее минуты, чем те, которые теперь переживаем, и знаем – время лечит. Ребенок стоит перед бедствием как громом пораженный. Мир холоден, жесток, беспощаден, мстителен, полон печальных неожиданностей, непонятен. Одна из первых существенных трагедий детской жизни – ребенок мочится. Какая требуется внимательность, чтобы помнить, что неясный сигнал, который дает своеобразное ощущение в нижней части живота, – предвестник мокрых штанишек и лужи на полу; и вот, кричат и бьют. Происходит что-то, чего ребенок не понимает, и чем больше страх, тем труднее ему понять. Ребенок оценивает свершившийся факт: чувствует тепло в бедрах, потом холод, потом видит, что под ним мокро, а потом крик, боль. Почему все это? Начинает плакать и опять не знает почему. Не знает, за что на него сердятся или бьют; страдает, боится и беспомощно не понимает.

9. «Дай ему попробовать». В нескольких популярных фразах я хочу предложить ряд воспитательных проблем– разумеется, рассмотреть их можно только бегло. Под заголовком «Дай попробовать» я вскользь упоминаю о широкой области – диете ребенка.

Вот картинка из амбулаторной практики. Младенец в состоянии истощения (понос, рвота), мать утверждает, что кормит ребенка грудью. Клиническая картина: как ребенок на харчах на фабрике ангелочков[23]. Я говорю сердито: «Если вы пришли, чтобы получить свидетельство о смерти, – предупреждаю: не дам». Начинаю не обследование, а следствие. Оказывается, когда были гости, «мой» дал ребенку кусочек селедки и немножко пива. Я язвительно спрашиваю: «Может, и огурчик?» Замешательство. «Как сказать… это такой сумасшедший: может, и кусочек сливы».

В приступе хорошего настроения, за выпивкой детям дают «отведать». Ясно, никому дела нет, что в комнате клубы дыма от папирос, ребенок перегрет – открывают окно. Веселятся редко, и надо не теряться. Хватит забот, возни с ребенком – раз живешь. Самый меньшенький, оглушенный шумом голосов и музыкой, громко выражает свое беспокойство – и эту редкую минуту забавы родителей, желания радоваться нарушает назойливым писком. И ему суют, чтобы купить минуту покоя, не думая о том, что наказание скоро придет, болезнь ребенка повлечет за собой хлопоты, траты, ряд бессонных ночей.

Разумное питание ребенка – это часто мечта, раз заработок ничтожен, а потребности велики. Я где-то читал, что не дурная голова гонит бедняка к знахарю. Народ твердо знает, что в существующих условиях знание врача подводит. Врач говорит, что ничего нельзя сделать, или ставит невыполнимые требования. Знахарь утешит и подаст надежду. Нужны не лекарства, а чары.

<…>

Теория и практика

Благодаря теории – я знаю, а благодаря практике – я чувствую. Теория обогащает интеллект, практика расцвечивает чувство, тренирует волю. «Я знаю» не значит: «действую сообразно тому, что я знаю». Чужие взгляды незнакомых людей должны преломиться в моем живом «я». Из теоретических посылок я исхожу не без разбора. Отклоняю – забываю – обхожу – увиливаю – пренебрегаю. В результате я, сознательно или бессознательно, получаю собственную теорию, которая управляет поступками. И это много, если что-нибудь, частица теории, во мне приживется, сохранит право на существование; в какой-то мере повлияла, отчасти воздействовала. Отрекаюсь по многу раз от теории, а от себя редко.

Практика – это мое прошлое, моя жизнь, сумма субъективных переживаний, память былых неудач, разочарований, поражений, побед и триумфов, отрицательных и положительных эмоций. Практика недоверчиво проверяет и обличает, стараясь уличить теорию во лжи, найти ошибку. Быть может, у него, быть может, там, быть может, в его условиях так выходило, а у меня в моей работе… всегда по-другому. Рутина или поиск?

К рутине приводит равнодушная воля, которая всячески старается облегчить, упростить работу, выполнить ее механически, протоптать из экономии времени и энергии самую удобную для себя тропку. Рутина позволяет эмоционально не включаться в работу, устраняет сомнения, уравновешивает – ты выполняешь функции, исправно служишь. Для рутинера жизнь начинается тогда, когда кончаются часы службы. Мне уже легко, нет надобности ломать голову, искать самому и даже где-либо смотреть, я знаю точно и определенно. Я справляюсь. Я знаю свое. Новое, чего я не чаял и не ждал, мешает и сердит. Хочу, чтобы было именно так, как я уже знаю. Право теории – подкреплять мои взгляды, а не опровергать, подрывать, путать. Как-то раз я, еле превозмогая себя, из наметки теории соорудил развернутый взгляд, план, программу. Составил кое-как, была забота! Ты говоришь: «плохо»? Дело сделано, не стану я опять начинать. Идеал рутины – незыблемость, собственный авторитет, подкрепленный авторитетом подобранных ad hoc[24] тезисов. Я, мол, и прочие (ряд цитат, фамилий, званий).

А поиск?

Начинаю с того, что знают другие, строю так, как могу сам. Хочу – основательно и честно – не по наказу извне, не из страха перед чужим контролем, а по своей доброй и вольной воле, под

неустанным надзором совести. Не ради удобства, а ради духовного обогащения себя. Не доверяя в равной мере чужому и своему мнению. Не зная, я ищу и ставлю вопросы. В труде я закаляюсь и созреваю. Труд – самое ценное в моей глубоко личной жизни. Не то, что легко, а что наиболее всесторонне действенно. Углубляя, я усложняю. Понимаю, что познавать – значит страдать. Много познал – много перестрадал. Неудачу я оцениваю не суммой обманутых надежд, а добытой документацией. Каждая неудача – новый по-своему стимул работы мысли. Каждая на сегодня истина – лишь этап. Не могу предвидеть, каким будет последний; хорошо если осознаю первый этап работы. Что же он гласит, каков он, этот первый этап воспитательной работы?

Самое главное, я полагаю – трезво оценивая факты, воспитатель должен уметь:

Любого в любом случае целиком простить.

Все понимать – это все прощать.

Воспитатель, вынужденный брюзжать, ворчать, кричать, отчитывать, угрожать, карать, – должен в душе, для самого себя, снисходительно отнестись к любому проступку, упущению и вине. Ребенок провинился, потому что не знал; не подумал; не устоял перед соблазном, подговариванием; пробовал; не мог по-другому.

Даже там, где действует злостная злая воля, ответственность несут те, кто эту злую волю пробудил. Мягкий, снисходительный воспитатель должен иной раз терпеливо переждать массовый штурм гневной мести толпы за грубый деспотизм предшественника. Провокационное «назло» – это пробный камень, проверка, экзамен. Переждать – перетерпеть – значит победить.

Не воспитатель тот, кто возмущается, кто дуется, кто обижается на ребенка за то, что он есть то, что он есть, каким он родился или каким его воспитала жизнь.

Не злость, а печаль.

Печаль, что ребенок идет, плутая, навстречу превратной судьбе. В ярме или в оковах. Бедный, он только еще отправляется в путь.

Каждый вычитанный в газете приговор – тюрьма или смертная казнь – для воспитателя мучительное memento[25].

Печаль, а не гнев, сочувствие, а не мстительность.

Но как же тебе не совестно взаправду сердиться? Смотри, какой он маленький, тощенький, слабенький и беспомощный. Не какой он будет, а какой он есть сегодня. На заре веселых возгласов и лазоревых улыбок. Ребенок знает, угадывает важность своей недоразвитости. Пускай забудется, пускай отдохнет! Каким сильным моральным двигателем в его грязной взрослой жизни

будет воспоминание подчас лишь об одном этом человеке, кто к нему хорошо относился и в ком он не обманулся. Познал его, знал я, несмотря на это, продолжал любить. Он – воспитатель.

Надо верить, что ребенок не может быть грязным, а лишь запачканным. Преступный ребенок остается ребенком. Об этом нельзя забывать ни на минуту. Он еще не смирился, он еще сам не знает «почему?» и удивляется, а иногда с ужасом замечает, что он иной, хуже, не такой, как все. «Почему?» Ребенок перестает бороться с собой, когда он смирится или – а это хуже – решит, что люди – общество – не стоят его тяжелой борьбы с собой. Когда скажет: «Я такой, как и все, а может, даже и лучше».

Какой правдивый и достойный труд укротителя диких зверей! Неистовству диких инстинктов человек противопоставляет последовательно непреклонную волю. Господствует силой духа. Воспитатель обязан, затаив дыхание, следить за новыми путями дрессировки – лаской, а не хлыстом и револьвером. А ведь это только тигр или лев!

Диву даешься, как грубиян-воспитатель умеет разъярить даже смирных детей.

Я не требую от детей исправления, а отрабатываю их поступки. Жизнь – это арена: бывают более удачные или менее удачные моменты. Оценивается не человек, а действия.

В мышлении и чувствовании воспитателя, который не прошел школы больницы или клиники, имеются большие пробелы. Моя задача, как врача, приносить облегчение, если я не могу помочь, приостановить ход болезни, если я не могу излечить, ослаблять симптомы: все – или некоторые, если нельзя иначе – немногие. Это во-первых. Но это еще не конец. Я не спрашиваю у больного, как он употребит, во вред или на пользу, то здоровье, которое я ему обеспечиваю. Тут я хочу быть односторонним, если угодно – тупым. Врач не смешон, когда он лечит приговоренного к смертной казни. Он выполняет свой долг. За все остальное он не в ответе.

Воспитатель не обязан брать на себя ответственность за далекое будущее, но он целиком отвечает за сегодняшний день. Я знаю, фраза эта вызовет возражение. Обычно считают как раз наоборот, по моему убеждению, ошибочно, если искренне. Но искренне ли? А может, и лживо? Удобнее отсрочивать ответственность, перенести ее на туманное завтра, чем уже сегодня – отчитываться в каждом часе. Косвенно воспитатель отвечает и за будущее перед обществом, но непосредственно, в первую очередь он отвечает за настоящее перед воспитанником.

Соблазнительно пренебрегать сегодняшним днем детей во имя возвышенной программы завтрашнего дня. Но «улучшать

нравы» – это параллельно и взращивать добро. Взращивать добро, которое есть, которое вопреки недостаткам, порокам и врожденным дурным инстинктам в детях есть! Доверчивость, вера в людей – не то ли это добро, которое можно сохранить и развить в противовес злу, которое порой нельзя устранить, а можно лишь, да и то с трудом, приостановить в развитии?

Насколько жизнь бывает мягче и снисходительнее, чем многие воспитатели! Какой же это стыд!

И вот, когда человек после многих лет труда, напряжения мысли и тяжелого опыта доходит наконец до этих истин, он с удивлением видит, что, собственно, ничего нового тут нет, все это уже давно было сказано теорией, а им давно прочтено, да и слышал он, знал, а теперь, сверх того, благодаря практике, он это и прочувствовал.

Кто видит только различие между теорией и практикой, тот не дорос эмоционально до уровня современной теории. Тот должен больше учиться у жизни, а не по книжкам с их шрифтами. Тому недостает не готовых рецептов, а душевной, тяжелым трудом добытой способности чувствовать истину – сродниться с правдой теории.

Воспитание воспитателя ребенком [26]

Наивно мнение молодого воспитателя, что, надзирая, контролируя, поучая, прививая, искореняя, формируя детей, сам он, зрелый, сформированный, неизменный, не поддается воспитывающему влиянию среды, окружения и детей. Тому, кто, присматривая за вверенными ему детьми, не в силах подойти к себе критически, угрожает большая опасность, на которую я желаю обратить внимание, тем более что профессиональная гигиена души недостаточно широко известна. Воспитатель, работая над пониманием человека – ребенка и над пониманием общества – группы детей, дорастает до постижения важных и ценных истин; пренебрегая неусыпным трудом над собой, опускается. Ребенок обогащает меня опытом, влияет на мои взгляды, на мир моих чувств; от ребенка я получаю приказания – и я требую от себя, обвиняю себя, оказываю себе снисхождение или снимаю с себя вину. Ребенок и поучает, и воспитывает. Ребенок для воспитателя – книга природы; читая ее, он созревает. Нельзя относиться с пренебрежением к ребенку. Он знает о себе больше, чем я о нем. Он общается с собой все те часы, когда он бодрствует. Я его лишь отгадываю. Поэтому я ошибаюсь: оцениваю его рыночную стоимость и дефекты. Ленивый, недисциплинированный, капризный, врет, ворует – этого мало. Каков его взгляд на себя, отношение к другим детям и к воспитателю; какой он приобрел опыт, на какие способен усилия и компромиссы? Сколько даст на-гора упорства? Нельзя относиться к детям свысока. Среди десятков детей всегда найдутся на редкость разумные, наблюдательные, способные к критике, настороженные, с односторонним опытом, ироничные, склонные к каверзам и мстительные. Группа, обсуждая, дискутируя, делясь и обмениваясь наблюдениями, будет знать воспитателя насквозь. И захочет сделать безвольным инструментом в своих руках. Использует все его недостатки и его нерешительность, слабости и изъяны. Не даст себя ни завлечь, ни обмануть. Подвергнет его суровому следствию, экзамену добросовестному и оценит справедливо. И либо доверится, либо отложит решение, либо замкнется, законспирируется, затаится, либо объявит открытую войну. Горе ему! Он увидит уже только «упрямство», «дурное влияние» отдельных детей, покушения на свой «авторитет», поступки назло, в отместку. Не услышит никаких замечаний о своих распоряжениях и о себе, никакого «вы ошибаетесь – вы не правы». А это голос совести для доброй воли воспитателя. Бывает, что ты сразу попадаешь в атмосферу

враждебного недоверия, если твой предшественник – тиран или размазня – ожесточил, разъярил детей. Здесь повредит и сухой приказ, и наивное нравоучение. Надо вооружиться терпением и переждать. Завоевать действиями.

Дети вознаграждают воспитателя, но они и отчитывают, и наказывают; мирятся, забывают или сознательно прощают – и мстят. Станут травить, высмеют, нарушат покой, взбунтуют вспыльчивого или подставят глупенького (потому так часто страдает невинный). Упорно добиваются: будь образцом. Согласно с главным постулатом педагогики: покажи пример. Не слова, а дела. Перед воспитателем встает дилемма: и он или вступает в тяжелую, трудную борьбу, которой и конца не видно, со своим несовершенством, или – это удобнее – предает теорию анафеме. Итак: книги врут, авторитеты – мошенники. Жизнь – не письменный стол ученого. Диплом дал мне права. Я уже теперь сам, своими силами. Потому что, может быть, это и хорошо, но не у нас. Может быть, в других условиях. Может быть, другие дети. Мои же – это банда, шайка, сброд (скоты!). Нужно с ними круто. Следовательно – запреты и ограничения. Полная изоляция собственной жизни от их жизни и переживаний. Только бы был порядок. Порядок должен быть – железный регламент! Уже не воспитатель, не поборник вопроса о ребенке, защитник юных, маленьких и слабых, пастырь неопытных, а надсмотрщик, пристрастный прокурор, ключник, палач. Уже не воспитатель, а интендант – управляющий зданием, канализацией, инвентарем, канцелярией, учетчик штанов и башмаков. Я не недооцениваю администрации, это было бы непростительной ошибкой. Управлять педантично, четко, чтобы не промотать. Res sacra[27]. И дети должны понимать и чувствовать, что ты это для них в поте лица своего добываешь и экономишь. Ты только тогда вправе наказать как администратор, когда как воспитатель потворствуешь. Если воспитатель потеряет контакт с детьми, признавая только фаворитов, заушников и доверенных слуг, потому что ему так удобнее, разве он возьмет на себя труд заведовать добросовестно – стоит ли?! Разве он не заключит скорее союз с теми, кто захочет наживаться на бесправных, бессловесных, брошенных на произвол судьбы? Разве не станет он со временем – только сохраняя видимость добросовестного служащего – нечестным хозяином и человеком падшим? Только б полегче, подешевле, с наибольшей для себя выгодой. Амбарная книжка и плетка. И фраза: я закаливаю детей и приучаю к дисциплине. Воспитываю будущих членов общества.

Путь к самовоспитанию и самоопределению ты найдешь сам и в себе, молодой воспитатель. Путем длинного ряда осенений ты

поднимешься на высшую ступень понимания языка шепота, улыбки, взгляда, жеста – слез раскаяния или слез бессилия преступного ребенка.

Замечания о разных типах детей

В форме фельетона я бегло рассматриваю тему. Начинаю с детей, которые крадут. Этих больше всего. Изучив их под углом возможности исправления, я убедился, что их можно отнести ко многим категориям, не имеющим между собой ничего общего.

Случайная кража. Взял потому, что «все берут». Посягнул на яблоко с лотка или из чуждого сада, на пригоршню конфет или сушеных слив, коробку, сумку, банку. Попробовал украсть злотый, вырвал кошелек. Сделал это впервые, делал не раз или много раз. К счастью, у нас таких детей относительно редко судят. Эти дела решаются на месте: виновному нагонят страха или сразу с ним расправятся.

У меня в памяти сохранился следующий случай. Это было в Берлине. Десятилетний мальчик приносит в букинистический магазин книжку. Передает листок – позволение отца продать книжку. Невыработанный почерк вызывает сомнение у хозяина книжной лавки, ребенка задерживают. Отца вызывают в полицию. Отец, защищая сына, пробует подтвердить, что разрешение написано им. Тогда ему пригрозили, что если специалист установит подделку, отвечать перед судом будет отец. Застигнутый врасплох, меняет показания: сам он не писал, он поручил это ребенку. И так, и эдак плохо. Ему говорят, что он ответит перед судом за то, что он склонил доверенного его опеке малолетнего к подлогу. В конце концов отца великодушно прощают, а мальчика осуждают на несколько месяцев исправительного учреждения. Дай бог, чтобы Польша как можно позднее достигла подобной законности, если такая вообще нужна.

Мальчик подвижный, живой, инициативный, с богатым воображением ищет приключений, впрочем, ему очень хочется ее иметь, нужна ему эта вещь. Отмечу, что извечные походы деревенских детей в чужие огороды намного раньше указывали на присутствие в сырых фруктах и овощах витаминов, чем это удалось проследить пауке.

Как относиться к этим детям? Это как ветрянка. Нет, будем более суровы: как зуд у детей недостаточно старательно воспитанных, запущенных, легко поддающихся инфекции соблазна. Достаточно дважды помазать дегтярной мазью – и здоров. Такого даже и лечить не надо. Если исправительное учреждение этот процент детей считает исправленными, оно очень ошибается: их не надо ни исправлять, ни лечить. Достаточно искупать.

Хронический соблазн, вызываемый врагом – голодом. Я не

буду на этом останавливаться.

Ему на что-то нужны деньги. Он имеет право: у других деньги есть, другие едят. Достаточно легкого ослабления воли. Краткое пребывание в чистой и спокойной атмосфере, и подобные конфликты с законом исчезнут, быстро и раз и навсегда.

Разве игры в воров, в разбойников, так повсюду хорошо принятые – такие извечные, добавлю, – не доказывают, каково подлинное отношение детей к краже независимо от нравственной и социальной сущности этой проблемы? Дети поддаются внушению, подражательству, живому воображению, потребности в приключениях, иногда – тщеславию. Бывают мальчики, которые воруют, чтобы угощать.

Интересное, живое, веселое, смешное приключение. Здоровые, любимые озорники! Сохранена вся доброжелательность к людям и детская наивность. Достаточно сказать, что он плохо поступает.

Каким образом распространилась игра в футбол на окраинах города? Стоят себе трое или четверо. Идет «мамин сынок», подбрасывает красивый новый футбольный мяч. Это раздражает. Ведь такой пижон даже играть не умеет. Более смелый вырывает у него мяч, кидает его другому, тот третьему, а четвертый наутек.

Еще ряд ступенек, и мы перейдем к ребенку, который вроде сороки хватает всегда и все, что ему удается раздобыть. Он не может удержаться. Если там мы имеем дело с волей или натянутой как струна, или ослабленной, здесь – нервная неуравновешенность, которую следует лечить.

Приведу случай большой давности. Это было несколько десятков лет тому назад, во Франции. Два мальчика-пастушка, желая добыть средства на путешествие, робинзонаду, вырезали целую фермерскую семью. Опускаю детали. Этому случаю «Matin» или «Journal» посвятил две колонки. Были там интервью с родителями, товарищами, учителями мальчиков, а также факсимиле написанного из тюрьмы письма.

«Любимая мамочка! Я знаю, что сделал плохо. Мне неудобно, что я доставил тебе неприятность. Будь уверена, что, если меня освободят, ничего подобного уже не повторится. Еще раз прошу, не сердись».

Возраст мальчика – десять лет.

Несколько слов о глупых и недоразвитых детях, которые в конечном итоге оказываются во власти действительно преступного ровесника или подростка. Кто с ними захочет играть? Кто захочет с дурачком разговаривать? Что он может дать товарищам, ровесникам? Заинтересоваться ими и сблизиться может лишь тот, у кого есть личный интерес: выгодно – получить

бессловесного помощника и слепого исполнителя приказов. Мнение, что паршивая овца легко может заразить все стадо, продиктовано, наверное, подобными случаями. Здоровый интеллект обладает просто неслыханной сопротивляемостью заразе, чутким, исправно действующим аппаратом. Только этим можно объяснить, что не все дети улицы и дворов идут по пути преступления. Подчеркиваю это со всей решительностью. Только недоразвитый ребенок, которому импонирует нормальный интеллект, подчиняется пассивно. Этим объясняется, что в исправительных учреждениях имеется значительный процент недоразвитых детей. Для них еще недавно совсем не было школ.

Милые невинные воришки. Насколько более социально вреден тип жулика-комбинатора, который обманывает в игре, наживается, меняясь, держа пари, втягивая в долги, мутит моральную атмосферу; вызывает многочисленные конфликты. Типы паразитов, ростовщиков; дети, о которых можно сказать, что всегда бывают на шаг от преступления. Это они в значительной степени отравляют атмосферу школ – незамечаемые обществом взрослых, рыщут среди соучеников.

К счастью, лишь незначительное число веселых озорников, нарушающих общественное спокойствие, лишается свободы. Увы, их должно быть больше с возрастанием бдительности полиции.

В легких случаях этот мимолетный насморк проходит сам. Все тут помогает, а некритически мыслящие люди обольщаются, что поворотным пунктом в исправлении было доброе слово, одна искренняя беседа или даже розги. Да, такие счастливые случаи сулят столь быстрое выздоровление, что и розги не всегда повредят. Медики шутят: больной выздоровел вопреки лечению.

Отметим: ребенок, фыркая и топая ногами, не подражает, а хочет быть лошадью, хочет вчувствоваться в ее положение, а лая – он пес, и ведь за это его собачник не поймает; мы не обвиняем мальчишку, который называет себя генералом, в правительственном перевороте – так же бессмысленно наказывать ребенка, что он мимоходом поиграл в вора.

Вспыльчивый ребенок. Пожалуй, один из самых трудных вопросов, требует глубочайших размышлений. Такой в гневе может убить. Это серьезный изъян характера и темперамента. В будущем это может представлять опасность, когда подействует на него водка, когда он столкнется с несправедливостью и злом, и еще большую, когда неправильно проведенное лечение добавит горечь, если не злобу. Трудно с такими детьми, а тем более с молодежью.

Здесь не место и не время на объяснения, откуда я это знаю (читатели должны мне поверить на слово). В моей коллекции

двадцать тысяч решений исправиться. Категорически заявляю, что ребенок с недостатком чувствует всю его тяжесть, стремится избавиться от него, но ему трудно исправиться – безрезультатно, без руководителя, он многократно приступает к борьбе с собой, и лишь ряд поражений заставляет его признаться в банкротстве в отношении себя.

Странно: ведь никто не будет оспаривать, что горбатый хотел бы избавиться от своего горба, а человек без руки или ноги хотел бы, чтобы у него выросла отсутствующая конечность. Тут следует не уговаривать исправиться, а, наоборот, сдерживать порыв, разъяснять, что только терпеливость, постоянные малые усилия, строжайшая ортофрения могут дать положительные результаты.

Нелегко завоевать доброе отношение и доверие этих недоверчивых детей, разобиженных, что их не лечат, не помогают им. Я только напомню здесь, что ребенок считает взрослых людей полубогами, которые все знают и умеют, но, видно, не хотят ему помочь.

Я не могу здесь дольше останавливаться на немногочисленной и любопытной группе детей-похабников; этого похабства здесь столько, сколько в анализах определяется как «след белка». Те, кто утверждает другое, переносят свое восприятие на абсолютно непонятный им мир детских восприятий.

Среди детей мы встречаем рядом с агрессивной амбицией много защитной гордости. Опыт минувших переживаний, иногда врожденное свойство – физическая слабость делают их мизантропами. Надутые, ворчливые и недоброжелательные – трагичная жертва порока!

Приведу одно воспоминание. Будучи в Париже, я отправился на праздник плавания. Он был устроен в честь окончания учебного года. Прекрасный бассейн, амфитеатр, заполненный десятком тысячей школьников вместе с учителями. Много солнца и радости. Появляется министр просвещения. Оркестр играет Марсельезу, дети встают, снимают шапки. Один двенадцатилетний сидит. Товарищ осторожным и мягким движением пытается его поднять, снять с него шапку. Гневный взгляд, резкое движение. Сидит в шапке. Демонстрация против правительства, против Франции. Три взгляда устремились на строптивого мальчика. Его заметили полицейский, учитель и я. Потом наши взгляды встретились, и мы, все трое, улыбнулись. Я испытал зависть, что богатая, вне опасности нынче Франция может позволить себе роскошь снисходительной улыбки. Сокращение сокращений. Обобщаю: бывают невинные коросточки, язвочки, нарывы и туберкулез, который подрывает,

точит, заражает. Я ясно вижу и понимаю попытки сделать так, чтобы некоторая категория детей вовсе не рождалась. Я вижу потребность в больницах, в изоляции на длительное время. Не преувеличиваю трудностей, но и не преуменьшаю. Грознейшая проблема – это надругаться, возбудить ненависть, ярость, растить голодных волков, затравленных хищников.

К сожалению, эти беспомощные страдания могут покрыть сплошь, как вши, а кормятся этим страданием – садизм и воровство, невежество и хамство. Есть три пути: один – это притон, клоака, где несчастные дети переносят адские пытки и муки, второй – это врачевание, третий (именно это я видел в Лихтенберге) – механизированная дисциплина, где нет места собственной мысли, никакому собственному решению. Предостерегаю перед третьим путем, так как, напуганные примером первого пути, мы можем скатиться именно к третьему. Образец – больница не обвиняет, не осуждает, а изучает и лечит.

Открытое окно

Дети имеют в мою комнату свободный доступ. Заранее договорено: можно играть или говорить вполголоса либо полная тишина. Для приема гостей у меня стульчик, креслице и маленький столик. Три окна вплотную друг к другу; среднее открыто; подоконники низко – тридцать сантиметров от пола. Ряд лет ежедневно я ставлю стульчик, креслице и столик подальше от открытого окна, а бывает, что и задвигаю их куда-нибудь в угол. И каждый вечер неизменно они стоят у открытого окна. Иногда я вижу, как их придвигают сразу, решительным движением, иногда приподнимают тихо, осторожно, почти украдкой. Чаще всего я не знаю, как это получилось. Я клал в разных местах иллюстрированные журналы, преграждал доступ к окну цветочными горшками. И меня радовало, как они хитроумно обходят искушения и устраняют препятствия; открытое окно побеждает – даже когда ветер, даже когда дождь, когда холодно. Тропизм заставляет водоросли скучиваться там и сям, велит группироваться так, а не иначе – вверх и вниз, вплоть до кристаллизации, химического сродства, – велит картофельной ботве ползти по стенке погреба к зарешеченному окошку, – и тот же закон природы, вопреки людским запретам, направляет узника к окну, чтобы увидеть пространство.

Ребенку требуется движение, воздух, свет – я согласен, но и что-то еще. Пространство, чувство свободы – открытое окно.

У нас два двора: задний, окруженный стенами, и передний» менее удобный, который ценится выше. Тут теплее и светлее – согласен. Но не только это: ворота прямо на улицу. Чуть с ума не сходят, когда с улицы попадают в поле, тоска по реке. Ну а если море, чужие континенты, весь мир? Смешным показалось бы мне требование представить доказательства того, что многие гибнут в тюрьмах только потому, что у нас нет пароходов.

Заключение – это не просто изоляция вредных и преступных, а тяжелое наказание, независимо от той или иной пищи и режима. <…>

Мы субъективно оцениваем и осуждаем средневековые пытки. Нелегко было тогда поймать преступника. Скрыться и убежать в леса или чужие страны, воспользоваться пожаром, суматохой, набегом, подкупить тюремную стражу – для сильных, отважных, предприимчивых это пустяковое дело. Надо было заточить, приковать цепями, четвертовать, сжигать на кострах, сажать на кол, сечь публично на площади. Иначе нельзя было, но ведь и это не помогало. А может быть, только на первый взгляд? Мы не

знаем, сколько хищников погибало в лесах, горах, реках, сколько создавало новые отдаленные поселения. Разве Америка не была до недавнего времени убежищем для авантюристов и преступников всего Старого света? Сегодня наиболее распространенное и одновременно наиболее тяжелое наказание – тюрьма.

Не знаю, какая система заключения в тюрьме: тесный карцер, одиночка, лишение прогулок, свиданий. На день, на неделю, на месяц. Качество и количество. Применяются ли, и в какой степени, эти наказания в исправительных учреждениях? Берется ли за образец тюрьма или выработана собственная, более мягкая система? Ведь воспитатель должен стремиться достичь наиболее благоприятных результатов при минимальном нарушении прав человека.

В заключении, но открытое окно выходит на спортивную площадку. В заключении, но только на время еды. Окно закрыто, зарешечено, окно под потолком. Камера на первом этаже. Тюремный двор тесный или просторный. Газон, но только один.

В руководимой мной летней колонии свобода движения имела такие градации: 1. Право выходить из колонии без опеки. 2. Право выходить под опекой специально назначенного воспитанника. 3. Право выходить на полянку за пределами колонии. 4. Право свободного передвижения в пределах всей колонии (пять акров земли). 5. Право играть на участке данного надсмотрщика («арест»). 6. Изоляция на газоне под каштаном («клетка»). Если мы примем, что только незначительная часть детей с плохими наклонностями, и то случайно, попала в исправительные учреждения, а большинство, более опасные, болтаются на свободе, не целесообразнее ли дать им наиболее широкие льготы: отпуски, коллективные близкие и дальние прогулки, в горы, к морю, к озеру, в лес? Мы лучше узнаем детей именно тут, а не в заключении. Система наказаний и поощрений может быть построена единственно на дозировании свободы. Не кое-что, а логическая система, кодекс законов. Без ограничений открыты ворота, ограничения касаются только дней и часов, радиуса свободного движения (поездка по железной дороге, прогулка в соседний городок, в лес). А только как самая высокая степень наказания: запереть в комнате на короткое время. Известно, что организм в широких границах приспосабливается к условиям. Вероятно, бывают случаи, что заключенный привыкает к неволе, может ее даже полюбить. А если заключение как наказание перестанет действовать, что тогда?

Есть ли в исправительных учреждениях, даже находящихся в деревнях, летние колонии и лагеря? Меняются ли отдельные

учреждения на какое-то время воспитанниками для смены впечатлений, знакомства с новыми условиями? Разве у детей из так называемых исправительных учреждений меньше прав увидеть Краков, Познань, Вильно, море, озера Сувальщины? Увидеть угольные шахты, соляные копи, побывать в музеях, в кино, в театре? Если это даже взбудоражит, вызовет желание сбежать, не выльется ли это в усилия исправиться – в святой порыв? Отдельных детей – помещать в скаутские военизированные лагеря – показывать им нормальную интересную жизнь и развеять губительное убеждение, что они раз навсегда заклеймены, прокляты, прокаженные. Я хотел бы: 1. Знать, как это на самом деле. 2. Провести дискуссию с воспитателями наших интернатов для детей нравственно отягощенных.

Мое мнение: окно открыть, заставить цветочными горшками, по углам разложить приманки и внимательно следить, не будут ли дети, несмотря на препятствия и вопреки заманчивым соблазнам, именно в том направлении обращать тоскующие взгляды. Добавлю: если доставляет радость выпустить птицу из клетки, как же эта постоянная работа мысли: кого выпустить из тюрьмы – украсит воистину серый труд воспитателя.

Чувство

Неудивительно, что мускулы утратили свое значение. Они уже только как отдых и развлечение, задача их – сохранять в ясной свежести ум, не позволить переутомиться. Но труд, достаток и удобства дает железо, погоняемое и управляемое мозгом.

Неудивительно, что мы так уважаем интеллект. Столько всего позволил нам он выяснить, покорить, запрячь в работу; мы обязаны ему многими эффектными победами. Впрочем, он действует открыто, перестал уже быть тайной и, переведенный на язык цифр, поддается измерению и почти взвешиванию.

Интеллект удобен. К счастью, случайно объявился когда-то кто-то исключительный – и уже всему человечеству во все времена, без особых заслуг и достоинств, сразу, даром – выгода, прибыль, барыш. Значит, искать, шарить, вынюхивать, ждать с тоской Эдиссонов, Пастеров, Менделей. Они за нас: богатый дядюшка и свора нахлебников.

Чувство иначе. Оно ищет, как достичь, добыть и накормить людей. Две тысячи лет, как Христовы законы почти безнадежно… Всяк тут сызнова и лишь для себя одного. Впрочем, чувство слишком летуче, чтобы знать. Машины и тесты говорят, способен ли, может ли; остается трагичное – а захочет ли? Мог бы: и полезный, и ценный, уважаемый и счастливый, почему ж вредитель, почему именно уголовщина?

Пытаются через интеллект к чувствам. И всеобщее обучение, и хорошо проветриваемые школьные здания. Уже меньше кулак и штык, что ж, когда чаще используется браунинг и отравляющие газы.

Познать человека значит прежде всего изучать ребенка на тысячу способов. Другие могут – а чем я хуже? И я это делаю – ненаучно, доморощенно, смотрю невооруженным взглядом.

И видится мне, что не интеллект. Не вижу разницы. Дети и я – тот же процесс мышления – все то же самое, я только дольше живу.

Но в области чувств ребенок иной. Следовательно, не рассуждать, а вместе с ним чувствовать: по-детски радоваться и грустить, любить и сердиться, обижаться и стыдиться, опасаться и доверять. Как мне это сделать и, если получится, как научить других?

Педология – может быть, я скажу глупость – обязана говорить очень много о физическом развитии ребенка, столько же о чувствах и только потом уже – интеллект.

Расположение и неприязнь

Что связывает детей, что отталкивает, и отсюда, какие переживания – положительные и отрицательные – удел детей; какие качества располагают к себе; какие свойства и недостатки вызывают неприязнь? Что перевешивает? Человек человеку волк или брат? Эгоизм или альтруизм? Можно ли проникнуть в таинственный мир чувств и прояснить его числом?

Практический вопрос: как растолковать, убедить, воздействовать на детей, которые нарушают атмосферу мирного общежития, кого удалять и изолировать для общего блага?

Одинаковы ли критерии оценок – кто мил, кто неприятен, чье влияние желательно, чье вредит – среди детей-ровесников и взрослого руководства?

Вот уже ряд лет дети двух детских домов голосуют на листочках (+, —, 0), кого любят, не любят, кто им безразличен. Имеется статистика, некоторые выводы – ими можно бы заполнить изрядный том. Сегодня этот вопрос в психологии еще не актуален; пока исследуется только интеллект, легче поддающийся оценке и менее важный в общежитии.

В интернате для дошкольников я провожу плебисцит всего три года. Тридцать детей. Способ записывания ответов я менял несколько раз. Здесь уже не только: любит или не любит, но и почему.

Дети по очереди (кто хочет) заходят в комнату; я спрашиваю по списку:

– Любишь или не любишь Рысека, Доротку? Юзека? Геню? Богдана? Марысю?

– Любишь Рысека или нет? Почему?

Когда полный недоверия и опасений я приступал к этому опыту, меня поразило то, что ответы были быстрые и решительные, что, в общем, скуки, раздражения не было. Лишь единичные дети спрашивают: «Уже? – уже конец или еще много (долго)?» Зря я старался опросить всех детей в один день: устал сам и отрывал (уговорами) детей от игры; опрос невольно проводился в спешке. У меня не было наготове вопроса: «Может, позже (завтра) закончишь?» Только очень рассеянные и самые маленькие заводят разговор на другую тему, о том, что видят.

«Это тушевый карандаш? Почему часы… а в очки… почему жилы на руках?.. Почему вы написали кружочек?»

Для меня (для взрослых) заполнять анкету трудно, для них легко; мы колеблемся и не знаем, они знают и не делают ошибок; возраст не играет у детей ведущей роли; имеет значение

уравновешенность, рассудительность, серьезность. Я проводил проверку через неделю, иногда через час. Мотив: «Я запутался, кто хочет еще разок подиктовать?» Небольшую разницу в ответах они объясняли так:

«Я ошибся… Забыл… Он мне теперь…»

За что любят?

«Дал… одолжил… помогает… красивый… вежливый… смешной… хорошо рисует… танцует… вместе играем».

Вместе играют, потому что любят друг друга, любят друг друга, потому что вместе играют.

Не любят:

«Он меня побил… бьет меня… бьет детей… из-за него я упал и ушибся… Задается… дурачится… Щиплется, царапается, плюется… взял… берет… Мешает. Глаза на мокром месте… Не слушается воспитательницы (редко)».

Дети высказывают мнение – искренне, свое. Где царит авторитет и нажим воспитателя – ответы будут неправильные, лживые, неполноценные; желателен был бы контроль, чтобы опрос проводили два человека (через не слишком большой промежуток времени).

Организация нашего детского сада дает детям неограниченную свободу высказаться; закрепилась традиция искренности, неограниченное право на расположение и неприязнь. Только в подобных условиях может представлять ценность сравнительный материал.

Потрясающую идентичность (!) результатов я получил в двух детских садах, очень разных.

Дети из детских садов (по сравнению со старшими детьми) не знают равнодушия, поражает ничтожное количество нулей. Они чувствуют, а не знают; охотно занимают неизвестную им эмоциональную позицию.

«Его – откуда я знаю… Не знаю, что дать… Немножко люблю, немножко не люблю… Пускай уж будет, что люблю… Ему я ничего не даю».

Ставлю нуль или плюс со знаком вопроса.

Реже всего случается:

– Я всех люблю.

Но и тут после ряда плюсов внезапная длинная пауза – и минус. Существуют мимолетные положения звезд, содействующие приязни (закон инерции чувств). На всех уровнях эмоциональной жизни случаются моменты суровых и мягких оценок. Важная и трудная область изучения!

Плюсы преобладают, мизантропов меньше, чем филантропов. Неприязнь бывает реакцией раздражения в тесноте и давке и в

неприятных принудительных ситуациях (еда, соседство по шезлонгу, хождение парами). Раздражение против чужаков – новичков, не приладившихся еще к коллективу. Прощение или примирение назревает медленно; быстрее бросаются в глаза крикливые недостатки, достоинства раскрываются постепенно.

Любимцы – это уравновешенные, солидные и доброжелательные; дети ценят инициативу интеллекта, но им претит высокомерие и тщеславие. Не любят наглых, скандальных, обидчивых, склочных.

Многочисленны ошибки моих чересчур поспешных удивлений, многочисленны недоразумения, и сначала часты неожиданности – высокомерное пожатие плечами – подсознательная позиция: «Маленькие не знают, а я знаю».

А, однако, они правы, даже в самых запутанных случаях всегда правда на их стороне, не на моей. Потому что «знать чью-либо жизнь – это не значит жить этой жизнью».

– Я уже его (ее) теперь немножко люблю, потому что не так сильно фасонит.

– Поставить кружочек (нуль)?

Затаив дыхание, жду приговора.

– Ставьте крестик (плюс)!

Я поступал неправильно, недооценивая ответы редкие, исключительных детей; быть может, именно мир чувства дает право на обобщения? Быть может, различия не в качестве, а в интенсивности и в осознании?

Говорю девочке, всеми нелюбимой за жалобы, нытье, капризы, недружной и обидчивой:

– А знаешь: у тебя уже больше крестиков.

Порывисто прижалась – взгляд вдаль или вглубь – две тихие слезы. Незабываемая картина.

Упрек, с которым я чаще всего встречался:

– Не слишком ли это неприятно детям нелюбимым?

Они познают себя и жизнь.

– Ты любишь Целинку?

– Но ведь это я Целинка.

– Ну да: ты себя любишь?

Всполошилась, смутилась – кокетливо улыбнулась – задумчиво, полупротестуя, или решительно:

– Люблю… Не люблю.

– Почему?

«Потому что я добрый (недобрый)… Послушный… Потому что бездельник…»

Если б можно было иллюстрировать кинопленкой, отснять жесты, взгляды, улыбки… Если б граммофонная пластинка

передавала оттенок тона, акцента, паузы…

«Ну… люблю… Очень люблю… О-о-о-чень люблю… Люблю-ю-ю… Обожаю!»

Число – это сила; оно мертво и равнодушно, но, вовлеченное в изучение воздушного мира чувств, может принести радостный ответ:

«Человек хочет любить, ему неприятны антипатия и гнев. Чтобы посеять несогласие и ненависть, нужно действовать методически, оказывать сильный нажим. Наперекор неблагоприятным условиям легко всходит на целине заслуженное чувство приязни или пленительное прощение».

Каста авторитетов

Есть в воспитательном деле узкая каста авторитетов. Книга: толстый том, лучше – два тома; ученое звание автора: директор, доктор, профессор. Немногочисленные избранники. Кроме того, огромная масса рядовых служащих – плебеи практической работы. Верхи и низы; между ними – пропасть. Здесь – цели, направления, лозунги, обобщения, там – кропотливый труд в вечной спешке. Гражданское, нравственное, религиозное воспитание; задачи и долг воспитателя; а рядом – живые люди, выбиваясь из сил, выполняют на свой страх и риск бесконечную, ответственную и сложную работу, которая не делается по шаблону. Труд, усилия, старания, хлопоты! И прежде всего бдительность. «Хорошо прожить день труднее, чем написать книгу». Целое состоит из деталей. Через выбитое стекло, порванное полотенце, больной зуб, отмороженный палец и ячмень на глазу; запрятанный ключ и стащенную книжку; хлеб, картофель и 50 г жиров; через тысячи слез, жалоб, обид и драк, чащу зла, вин и ошибок надо пробиться и сохранить ясность духа, чтобы успокаивать и смягчать, мирить и прощать, не разучиться улыбаться жизни и человеку.

Есть в юной человеческой жизни помощь и сочувствие, сожаление и тоска; есть и пугливая трепетная радость – наперекор сиротству, заброшенности, пренебрежению, попранию и унижению. Надо заметить – и не дать ей угаснуть – хотя бы искру, если нельзя раздуть пламя.

Что делать, спрашиваю я, чтобы аристократическую теорию сбратать с демократической воспитательной практикой, и как сделать первый шаг к сближению? Вы сегодня исключительно в кругу печатного слова – в библиотеке и в кабинете, мы – среди детей. В этом наше преимущество. Согласен, мы духовно опустились, обеднели, а может, и огрубели (ох, бывают редкие, исключительные минуты высоких чувств, светлого вдохновения, священного трепета – редкие и исключительные) – но нам лучше знать, не как вообще и везде, а как сегодня в нашей столовой, спальне, во дворе и в уборной. Как и что, если Юзек Франеку или Юзек да заодно с Франеком против правил внутреннего распорядка. Полное, братец мой, фиаско! Вижу, как ты смываешься с кипой бумаг под мышкой, и злой смех меня разбирает…

К делу: не скрывать. Сноп лучей. Гласность…

…А что делаем мы?!

Пишите анонимно, приводите доводы, что, по вашему

убеждению, вам нельзя по-другому. Ну да: подросток бросился с железным ломом на мастера, хотел стрелять из краденого револьвера, украл штуку полотна и продал, пытался поджечь, неволил к дурному малыша, за неделю двоим поломал кости – одному ключицу, другому руку, насосом надул через прямую кишку кошку, так что кошку разорвало. Как тут быть?!

Признайте, что вы не могли по-другому в ваших условиях или по вашему убеждению. Пусть авторитеты снизойдут до решения практических задач! Надлежит заставлять писать, платить налог со своего опыта! Да будет нарушен покой кабинета ученых! Да взглянут они правде воспитательной работы – ее трудностям и ужасам – в глаза!

Писать – просто, не по-ученому, а стилем конюха, не сглаживать и не смягчать. На это нет времени. Наши истины не могут быть этаким миндальным пирожным, сдобной булочкой, да и пишем мы не для изысканной публики, которая может обидеться, оскорбиться. Наш долг всматриваться во все закутки души, не брезговать гнойными ранами, не отворачиваться стыдливо!

Наша работа еще молода. У нас еще нет гехаймратов[28] наши ученые еще терпят нужду, еще самоотверженны и честны. Давайте, покуда не поздно, сопротивляться, чтобы у нас, как на Западе, не сложилась привилегированная, оторванная от практических задач каста авторитетов – с ее наукой для науки!

Честолюбивый воспитатель

«Человек на своем месте». В связи с вопросом о дежурствах, труде детей в интернате я многократно возвращался к вопросу о том, как можно было бы в общественной жизни достичь порядка, избежать ошибок, недоразумений, обвинений, ссор, проступков, падений, борьбы и слез, если бы было известно, где чье место: чтобы работник, здесь небрежный, неумелый, вызывающий раздражение, стал полезным – ба, самоотверженным – на другом поприще. Доволен, когда носит кирпич, волочит доски, копает глубокую яму, рубит топором. Говорят тогда, что он это любит, чувствует себя в своей стихии, «как рыба в воде». Велишь ему шить, чистить картошку, писать, учить наизусть стихи – из спокойного и заслуживающего признания он делается непослушным, упрямым, сварливым, каверзным и лживым. (Было бы желательно в учительских семинариях иметь кинопленки: рыба в воде и без воды, мальчик волочит доски на площадке, он же в классе за задачей по арифметике.)

Я не питаю пренебрежения к экспериментам и трудам по характерологии, однако они мне кажутся слишком ex cathedra, заумными, а может, и не это, а оторванными от будничных наблюдений над мелкими деталями повседневной жизни. Не психотехника отталкивает, а высокомерная и заносчивая самоуверенность. К обобщениям – только через систематизацию многочисленных наблюдений, и сопоставление, и глубокое продумывание запутанных случаев. (Пациент X.Y., столько-то лет, сегодня так, год спустя так, утром иначе; когда сидит, дышит, кашляет и т. д.) Эксперимент – и его проверка.

Смена дежурства, смена орудия труда, действие квалифицированного совета, предупреждение, смена партнера и того, кто за работой наблюдает, – вот поле для легальных, допустимых в воспитании проб. Часто мы замечаем, что первая страница новой тетради отличается более старательным почерком. Хорошее перо? Если я дам щетку (метлу) как следует, я справедливо жду, что ребенок хорошо подметет; хорошие товарищи без разговоров выполнят данное им поручение; а резкий приказ вызывает протест и волнения. «С ним так весело работать; хорошо посоветовал». Может быть и так: скрывает, что простая работа ему по вкусу, или утомился и пал духом до того, как приобрел необходимый опыт дозировать и экономить усилия. Следовательно, прежде чем поручить детям вымыть или натереть пол, нужно неоднократно сделать это самому и смотреть, как это делают дети, и внимательно выслушать, что они скажут. Нужно

уметь выжать тряпку; нужно знать тайны матраца и соломы, прежде чем велеть ребенку гладко постелить постель, как того требует днем эстетика казармы, а ночью – удобство: чтобы солома не колола и он не превратил ее сразу в труху, не свалился сонный с кровати после многих безрезультатных попыток найти удобное положение (не помешали бы фильмы: собака, которая укладывается спать, и ребенок «как постелил, так и спит»). Можно добиться и того, что будут желать дежурить в уборной в колонии без удобств; но нужно дать совок для песка и лопатку, чтобы загребать нечистоты, и собственным примером показать, что нет грязной работы, а любую – неряшливость сведет на нет или загубит.

Я вызову снисходительную улыбку или гримасу отвращения, когда скажу, что одинаково достойным был бы двухтомник и о прачках и стирке, и о психоанализе и что больше интеллигентности и инициативы требуют кухня и бульон, чем бактериологическая лаборатория и микроскоп. И я охотнее бы доверил собственного младенца честной няньке, чем Шарлотте Бюлер[29]. Об этом-то я и говорю.

Я много лет присматривался к целому ряду молодых адептов искусства воспитания. Разные были. Об одном я думаю с грустью: «Не справится, бедняга, а жалко». О другом, со вздохом: «К сожалению, справится и много лет будет свирепствовать среди детей как хроническая эпидемия гриппа, с насморком, с ломотой в костях и в душах». Согласно заголовку, я упомяну о воспитателе даже обязательном, но честолюбивом.

Оттенки; виды; особи. Тема для толстого тома. Один все ставит под сомнение, скрупулезен, обвиняет попеременно себя (реже), детей (часто), условия труда (всегда). Другой знает, умеет, может – купается в своих достижениях и подвигах, не важно, что на руинах растоптанных сердец и умов, желания трудиться, любви к книге, жизни. Подчинить или сломать, искоренить – выжать, вынудить, вбить собственное или навязанное понимание порядка, чистоты, хорошего поведения, обязанности делать успехи, ба – даже физического роста. «Должен съесть, потому что полезно, потому что ремнем и плеткой, нельзя пить воду, это нездорово. Ты должен спать, играй, мерзавец, потому что нам говорили на курсах и так писали авторитеты». Хочет показать себя, покажет больше и лучше, чем требуют власти, ибо он знает на своем опыте, помнит, как с ним самим было. Подчинить каждого ребенка своему разумению и догмам, натаскивать (ziehen, erziehen[30]) соответственно своим намерениям и расчетам. Все в классе должны уже считать до десяти, на полу ни одной бумажки, в тетради ни одной кляксы.

Кто не по нем, тот смертельный враг; а он жаждет побед, оваций, триумфа.

Я внимательно искал среди детей будущих воспитателей. И я приглядывался с тревогой, как в классе заставляют заниматься общественной работой честолюбцев с психикой тюремных надзирателей, энергичных мизантропов, предусмотрительных и деятельных карьеристов (у детей «подлец», «ханжа», «лиса») и, наконец, нелюдимов – анахоретов – интеллектуалистов. «Если бы ты хотел, то бы умел и мог». Прямо наоборот: «Если бы я умел и мог, то бы хотел».

Ребенок, который много читает и понимает, внимательно слушает и задает вопросы, но не расскажет ровеснику, не поможет, не объяснит, – с самого начала только богатый скряга (плохой товарищ, хитрый и завистливый). Недоброжелательность к нему перейдет в ненависть, если позволят ему верховодить; он потребует от класса привилегий, если его поставить в пример.

Что собой представляет здоровое, благородное честолюбие и соперничество и что – извращенное, ложное, выродившееся? Напоказ, для спекуляции? Во сколько лошадиных сил этот мотор и цель усилий?

И опять: два тома – и каждый второй номер педагогического журнала с наблюдениями, статистикой, страстной полемикой, казуистикой случаев. Анатомия, физиология и химия честолюбия: политика, общественного деятеля, воспитателя.

Мальчик А в пять лет, в семь лет, в десять лет, среда, здоровье, сила, красота, грация. Есть – нет. Честолюбивая цель: хочет наколдовать себе хорошее отношение или повиновение и первенство, или выторговать, или выманить, или добыть (как), или вынудить.

Мальчик Б в пять лет, в семь лет, в десять лет. Среда, здоровье и т. д. Нет тщеславия, в тени чужой воли, в стороне. Обладает ценными свойствами или не обладает, требует или дает, как себя ведет, когда дает, берет, как – когда встречает отказ, сопротивление, препятствие?

Так, как в медицине: пациент А, больной Б. Так же и столько же. Жалобы, объективное исследование. Потом распознавание. И только потом предписание врача: диета и лечение, рекомендация, как ему жить, работать, – и это тоже только в форме совета, пробы – на проверку.

Через комплексы, травмы, полусознание (есть и такое), подсознание, через ощущение своей неполноценности и преувеличенное чувство собственной ценности (положение отца, хорошая память, способности к рисованию, пению, спорту, танцевальный номер, авторские выступления или красивое

платье), кроме популярных и общеизвестных – внимательный наблюдатель разглядит наметанным глазом детей тихих, скромных и непризнанных; серых, ибо они только добрые, ничего больше, им (говоря вкратце) слеза товарища доставляет боль, а радует – его радость.

Мы слишком хорошо знаем, что дети ссорятся, мешают, назло пристают, дерутся, ну и – портят, оказывают дурное влияние. Ты хороший мальчик, не играй ты с ним, он тебя испортит.

Удивленный взгляд, мягкая улыбка: «А может, я его исправлю?» И исправил. «Не водись с ним, он хулиганит, дерется, забияка. – Для меня он хороший».

Бывает: беспомощный, серенький, наивный, кажется, глупенький – а он подвижный, внимательный, изобретательный и наблюдательный: вмиг как из-под земли вырастет, если кто-нибудь из ровесников что-то потерял и не может найти, терпеливо станет развязывать ему шнурок, осторожно и тактично, но отважно подойдет к взбунтовавшемуся буяну и шепотом спросит: «Почему плачешь?» – и без обиды отойдет, услышав: «Какое твое дело?», либо успокоит.

Но и он, редко, но бывает – теряет терпение. Взрыв справедливого возмущения. Я наблюдал такую драку: бросился на более сильного и победил, потому что врасплох, изумил разбойника: «Полез такой сопляк, такой недотепа». Сила задетого самолюбия в борьбе с наглостью насилия, несправедливости. Какой досадной ошибкой было бы грубо прервать эту достойную битву, просто пренебречь ею или пожурить: «И ты тоже? Не знал, что ты только прикидываешься тихоней» или: «Размазня, а берешься драться».

Интуиция – не сострадание, а способность, свойство вместе чувствовать кривду и недолю – опять тема для двухтомной работы. И может быть, результаты исследования показали бы, что эти дети – кандидаты в воспитатели, а не в общественники – и именно они – без ложного самолюбия.

Примечание на полях: разные типы – нищий, ветрогон, мошенник, должник, вор и бандит. Один: «Дай», другой: «Не будь свиньей, не отказывай товарищу», третий: «Дашь, так я тебе тоже что-то дам, что-то скажу», четвертый возьмет взаймы, пятый украдет, а последний: «Погоди, тресну по морде». И совсем разные – малолетние вождь, политик, деятель в области просвещения, педагог.

Я выдумал такое развлечение, тренировку мысли: я искал воспитателей среди ремесленников (сапожников, каменщиков, лоточников, сторожей, кондукторов трамваев) – серых людей. Официантка, а улыбка, походка, жесты, взгляд – поступки – не

обученные, а удивительно меткие, воспитывающие. Давным-давно я знал сиделку из проституток: много лет она работала в детской больнице; а эта работа как в интернате для слепых и умственно отсталых детей.

А вот впечатление – ибо я не осмелился бы на основе одиночных, не постоянных наблюдений утверждать категорически: к воспитательной работе тянутся честолюбивые, испытание временем выдерживают бесцветные, невыразительные, косятся с недоверием – добрые; у первого возникает чувство горького разочарования, второй легко поддается деморализации, становится ленивым, третий – чувствует, что надо иначе, по не знает как, впрочем, кто спрашивает его мнение? Должен делать что ему полагается; одобри его, он многое мог бы сказать, посетовать и объяснить.

Если кто захочет посвятить всю свою жизнь и написать такую предварительную работу в двух томах, пусть он учтет мнения школьных сторожей, уборщиц детских домов – золушек опеки над ребенком, а не только – штабных офицеров.

Преступное наказание

Чем больше у ребенка свободы, тем меньше необходимость в наказаниях.

Чем больше поощрений, тем меньше наказаний.

Чем выше интеллектуальный и культурный уровень персонала, тем меньше, тем справедливее, тем разумнее, а значит, мягче наказание.

Понятно, в интернате должен быть порядок, должны существовать правила, регулирующие общежитие коллектива, должна существовать обязанность сотрудничать и подчиняться существующим предписаниям и запретам.

Понятно, некоторый процент детей охотно признает существующие правила; другие подчиняются, чувствуя их справедливость, хотя с некоторыми из них не согласны; третьи пытаются усыпить бдительность, ускользнуть, улизнуть или добиться льготы; еще одни вступают в борьбу на свой страх и риск и для своей выгоды. Но должны встречаться и такие, которые или примером, или влиянием, интригой и нажимом стремятся повести за собой детей. Бывают дети пассивно и активно недисциплинированные; стихийно, но разумно и бессмысленно недисциплинированные; наконец – так называемые трудные дети и дети с нравственным изъяном. Каждый воспитатель знает и отличает детей плохо воспитанных, которые быстро исцеляются, от детей, отягощенных в том или ином направлении, где можно ожидать улучшение, а не излечение.

Чем здоровее социальные условия среды, откуда поступают дети, тем больше можно ожидать детей положительных и меньше – отрицательных.

Меньше всего наказаний там, где в здоровом физически и нравственно обществе у ребенка имеются благоприятные условия существования и развития – широкое поле для выхода энергии, проявления инициативы и для творчества, где ребенку обеспечено право на движение, еду, тепло, труд, лечение, игры и взрыв радости. Где персонал, довольный условиями труда, хочет и умеет организовать, советовать, помогать и совместно с детьми руководить. Где лишение ребенка одного из многих развлечений и сверхпрограммных привилегий не изводит ребенка и не раздражает, а настораживает и усиливает желание исправиться.

Картина эта не фантазия. Так было в детском доме под Лондоном[31] – я сам видел, а о многих подобных слышал.

Я видел детей во время игры в мяч. Обширная площадка, высокая трава, много деревьев, внушительное здание,

питательная пища, персонал молодой, здоровый, веселый.

Так будет и должно быть и у нас. Так обязательно будет, ибо мы станем настаивать, требовать, бороться. Польша – это не поля, шахты, леса и пушки, а прежде всего ее дети. Богатства – тело Польши – тогда приобретут подлинную ценность, когда ими будет управлять – честно и разумно – дух – человек – ребенок. Это не пустая фраза, а математически точная, непреложная истина. Погибал тот, кто не понимал. Катакомбы истории – доказательство.

Что, однако, надлежит делать в современных условиях? Прежде чем мы добьемся (вскоре) больших участков, воздвигнем на них современные здания и снабдим их не только самым необходимым оборудованием, но и всем тем, что служит развитию тела, силы и красоты духа? Да, гимнастические снаряды, но и картины на стенах, и инструмент для ручного труда, и музыкальный инструмент, прежде чем пища выйдет из голодной нормы, а куцые бюджеты дозреют и удовлетворят потребность в театре, прогулке, концерте, лодке, катке.

Ах, этого еще нет и в богатых странах. Мы этого не имели. Хотим ли мы уподобиться подмастерью, который потому бьет ученика, что его самого били? Разве тот факт, что королевские дети учились при свечах, удержит нас от проведения электричества во всеобщих школах?

Надо говорить о том, что должно быть, наперекор постыдной действительности.

Плохо сейчас – несказанно плохо. Душно, тесно, холодно, впроголодь в интернатах для сирот. Значит, без наказаний нельзя, хотя они, правду говоря, и не оправдывают себя, но создают иллюзию, что все же руки не опустились.

Воспитатель знает, что разбитое стекло – это вина двора, а не ребенка; но он не может разрешить бить стекла, даже если бы и хотел. Он должен найти выход. Какой? Известно – наказать.

Вызывают удивление те немногие воспитатели, которые в самых невероятных условиях применяют мягчайшие наказания и достигают поставленной цели: парализуют детей, во вред им, наперекор природе. Наказания столь мягкие, что создается наивная иллюзия, что их вообще нет. «Учительница сердится, она грустная и только взглянула, вздохнула». И помогло.

Я вижу единственную аналогию: в нищей комнатке несчастная вдова воспитывает своих примерных детей, которые, не желая огорчать маму, сознательно приносят ей в жертву всю радость жизни, бледнеют, хиреют, гаснут в страхе перед ее осуждающим взглядом. «Ты меня огорчил» – но ведь это наказание – суровое наказание!

Другие – брюзжат, ворчат, отчитывают, толкнут в раздражении. «Ну просто беда с этими ребятами». Неустанная война, а ведь любят друг друга, взаимно прощают. То плохо, а это еще хуже. Система «грызни» с ребятами.

Так бывает в небольших интернатах, но при одном условии: устраняются все дети с нравственным изъяном и большинство самых буйных, менее дисциплинированных.

Дети живут под угрозой исключения, или мягче: устранения тех, кто не хочет слушаться. Это наказание – угроза – большое наказание. Изгнание из интерната, где доброта и задушевность, – это кара смертью. Если в наиредчайших случаях интернат исключает ребенка, то один этот пример действует устрашающе. Няня говорит: «Вон сведу в лес, волки тебя съедят». Интернат: «Не будешь слушаться, отдам тебя семье, переведу в интернат, где бьют и морят голодом».

Я говорю об этом, желая развеять иллюзии, что можно без наказаний руководить интернатом, ба – любым объединением людей.

Иначе в больших интернатах, имеющих свои традиции, систему, характер учреждения, где воспитатель только чиновник, зависящий от циркуляра, приказа сверху. Утверждать, что внушение здесь заменило наказание, – уже не иллюзия, а сознательная ложь.

– Ты разбил стекло – так уж получилось. Будь внимательней.

Но и второе стекло падает жертвой. И снова ему спокойно объяснит. И это помогает.

Не верю.

Следовательно: в крайнем случае ребенка лишат развлечения или сладкого десерта. А какие это у них развлечения, как часто, много ли их и что на третье получают дети? И что делается, если и это не помогает?

Я утверждаю со всей решительностью, что в интернатах продолжают существовать телесные наказания и то, другое, одинаково грубое, жестокое, преступное, уголовное, о котором я хочу сказать. Это второе наказание тем опаснее, что оно глубже запрятано в тайниках воспитательных методов.

Телесные наказания неудобны для персонала, уже слишком много о них говорили, писали, врачи осудили и скомпрометировали. Когда воспитатель (?) бьет, он должен скрывать то, что относительно трудно скрыть. Здесь нужно орудие наказания: какая-нибудь розга, плетка, ремень, линейка, дети их знают и могут показать. Битый ребенок кричит, вырывается, он ударит, пнет, укусит… Утруждать себя приходится. Остаются следы: полосы, синяки, шишки – много

времени пройдет, пока они не исчезнут. Если ребенок заболеет, какой-нибудь чувствительный врач в больнице поднимет шум. Прицепится печать. Протокол, следователь, прокурор. Это малоправдоподобно, но возможно. Впрочем, телесные наказания малоэффективны. Дети быстро привыкают. Уже пять ударов – небольшое, слишком мягкое наказание, приходится увеличить число и повысить качество ударов. Усиливается опасность скандала.

И надзор в поисках чего-то более удобного и эффективного находит наказание, которое может с успехом заменить остальные.

– Не давать жрать, будут слушаться.

Вот как это выглядит – лишать ребенка сладкого.

Оставляя ребенка без завтрака или обеда, можно ничего не давать или только полпорции. Можно лишить обеда или завтрака на день, на неделю, на месяц. Утверждаю, что морить голодом детей в интернатах – очень распространенное преступление и требует коренного пересмотра. О нем надо говорить столько же, сколько о телесных наказаниях, и даже больше.

На избитом ребенке – следы пытки; ребенок может быть истощен от болезни или хилый от рождения, необязательно от голода. Поймать преступника с поличным трудно: признается в конце концов, что лишил «десерта», что исключительно недисциплинированного или капризного действительно раз, другой оставил без еды. Случается, даже самая нежная мать скажет в гневе: «Ну и не ешь, ничего другого не дам». Привлечь к ответственности невероятно трудно, а доказать – просто невозможно. Даже при самом невероятном стечении обстоятельств тюрьма не угрожает.

Не приходится налетать на ребенка. Можно сохранить спокойствие, достоинство и даже кротость. Не приходится кричать. Приговор шепотом более весом.

– Неделю не будешь получать ужина.

Это не вспышка гнева, когда наказание через час кончилось. День за днем все та же автоматически возобновляющаяся, все более мучительная пытка. Долгие часы унижения, зависимости, терзаний, бессилия. Атака на тело и на дух ребенка. Голодом можно ко всему принудить и все предотвратить.

Кто владеет подобным сокровищем, должен его старательно беречь. Тайна, имеющая такие неслыханные плюсы, не может быть популярной. Поэтому с ужасом говорят о наказании детей голодом, а так мало пишут о нем, и ничего не сделано, чтобы его предотвратить.

Предлагаю конкретный проект.

В каждом интернате должны быть весы. Детей надо

взвешивать не каждый квартал или месяц, а еженедельно. Взвешивать должен обязательно врач или, во всяком случае, кто-то извне. Это оградит детей от уродливых, грешных, преступных наказаний, приведет к контролю кухню, которая под наблюдением весов должна будет хозяйничать честно.

Это дело, которым должны заняться Общество евгеники, Общество педиатрии и все гигиенические общества и общества опеки ребенка. Нельзя ждать сложа руки, воспитательная чахотка может стать повсеместной болезнью.

Эпидемии проступков

Много времени и энергии посвятили и продолжают посвящать врачи установлению сущности и источников заразы, путей, какими она распространяется, и условий, способствующих ее развитию, сопротивляемости (врожденной и приобретенной) и средствам, чтобы заразу потушить. Тиф, скарлатина, дифтерит – мы о них более или менее знаем и защищаемся с большим или меньшим успехом. Была ли изучена проблема заразы в педагогике? Я сразу напомню о ценной, но, увы, не нашедшей отклика работе Яна Владислава Давида «О моральной заразе»[32]. Важный вопрос!

Каждый воспитатель знает периоды, когда какой-нибудь вид проступков либо вдруг появляется, тогда как раньше его не было, либо возрастает до тревожных размеров – единичные случаи. Внезапный взрыв опозданий, прогулов, дерзостей, папирос, воровства. Один воспитатель старается первую «искорку» потушить в зародыше, потому что сегодня один, завтра уже десяток. Другой недооценивает это явление, пока не начнет досаждать, и тогда он одним ударом отсекает голову «гидре».

Следует пожелать, чтобы кто-нибудь взял на себя труд описать весь этот процесс: кто первый и когда, как и почему, откуда притащил заразу, кем были его и ее жертвы, как разрослась эпидемия, кто оказался особенно податлив, кто не податлив, кульминация заразы, медленное или внезапное угасание. Быть может, тогда удалось бы установить ее закономерности, а следовательно, и пути противодействия.

Взаимопонимание опытного и наивных, незнающих. Ненавязчивая профилактика – вместо вырывания зла с корнем, когда оно уже разрослось. Ибо каждый непродуманный метод действия, машинальные безотлагательные вмешательства обязательно будут грубы и несправедливы – добавлю, несправедливы по отношению к самым невинным. Сверх того, неправильно возлагают тяжесть ответственности на весь коллектив. Мир рушится, когда подведет тот, наилучший, тот, казалось бы, заслуживающий доверия; тем больше гнев и тяжелее обвинение.

Почему в течение многих недель ни одного разбитого стекла, а сегодня аж два; почему сейчас почти ежедневно кто-то проливает чернила? Почему массовое отлынивание от обязанностей? Конспирация, сговор, бунт?

Вдруг возрастает число драк. Почему? Может, будоражащие события, о которых я не знаю, может, выступление боксеров в

цирке (да!), может, новая игра с еще неустановленными правилами – причина брожения? Итак, опрос (анамнез).

И оказывается, что кто-то один, первый – из ровесников или старших – притащил из другой школы, со двора, от кого-то извне – дяди, солдата в отпуске – шутку, называемую «сифоном». Название пошло от того, что нажимают на нос, как на рычажок у сифона. Это всегда больно, да и раздражает, и обидно как неуважение и вызов. Или кулаком по голове, или тычок в ухо – просто так, сзади, мимоходом, младшему, более слабому. Щелчки, подножки или – плевок в лицо, слюной сквозь зубы, чтобы выразить презрение. Или испытанный прием в борьбе – выламывать пальцы, душить за горло.

Кто? Почти все поднимают руку. Кто первый и откуда? Исследование, а не карательная экспедиция. И окажется, что тот или эти «привыкли» – и хотели бы отучиться, да уже не могут. Кто, сколько раз, кому? Иногда с трудом стараются вспомнить – самих себя наперегонки обвиняют даже те, кто только раз и давно, и даже только хотел, но не умел (потому что «охотничий азарт», совершенствование в меткости, ловкость играют роль в привыкании). Как общее явление выступают: нетерпеливое желание уничтожить заразу, воля к преодолению недомогания; дети ощущают эпидемию как докучливый налет, тяжесть, от которой хотелось бы избавиться. Помню эпидемию «игры на зубах» – выстукивания мелодии ногтями. Сперва казалось, что мода эта безвредна, а кончилась тиком. «Всюду все играют на зубах; мы выглядим как сумасшедшие». Беседа покончила с эпидемией.

(Я употребил слово: мода; ее странности иногда навязаны и планомерно распространяются, как эпидемии; некоторые появляются спонтанно. Сопротивляемость экстравагантностям моды может прервать или ослабить процесс ее воздействия. Незадолго до войны Вена бурно протестовала против первых брюк на женщинах; а яркая краска на губах, короткие платья, длинные ресницы?..) Как времена года предрасполагают к тем или иным недомоганиям, так и тут появляются ежегодные веяния; так, весенняя игра в «зеленое», за ней – игры в «спаленное», в «косматое», в «спящего» и т. п. А вместе с ними злоупотребления, хитрости, жульничество – следовательно, ссоры и драки. Захваченный врасплох, он может проиграть ранец с книжками, пальто – а потом переговоры и великодушное требование 50 грошей в качестве выкупа – бранные слова и шантаж. Игра в пуговки. Итог – одежда без пуговиц в школьной раздевалке. Коллекционирование марок, фото, игра в перышки – как бациллоносительство, сперва невинных бактерий, которые могут

стать опасными. Через кражу пуговиц к кражам вообще. Кто взялся бы за эту тему (а стоит), должен был бы рассмотреть проблему одержимости и массового безумия. Он столкнется с вопросом о неологизмах. «Недотепа», «растяпа», «лопух». Насмешка над беспомощностью – не всегда размазней и трусом – знаменательна для нашего времени. А жаргонные словечки, пропагандируемые популярным фельетонистом?.. Одна статья скандинавского сельского врача, короткая и скромная, решила проблему передачи так называемого детского паралича именно потому, что он проследил всю эпидемию, с момента ее возникновения, работая на изолированном небольшом участке[33]. Каждый учитель в своей школе может делать то же самое.

И наконец, два наблюдения. Обстановка в школе или в интернате либо способствует эпидемии, либо предохраняет от нее. Явность, как свет, убивает микробы; в духоте утаивания рождаются миазмы заразы. Холод снижает сопротивляемость заразе. Наименее устойчивы бездумные, либо вялые и скучающие, либо раздражительные и без настоящих интересов; не имея где и не зная как израсходовать свою энергию, капризные и легкомысленные, они внимательно прислушиваются, подхватывают нашептывания, следуют примеру – легко поддаваясь, они распространяют заразу в пределах своего влияния; еще хуже, если они пользуются авторитетом (потому что старше, сильнее, наглые).

Примечание: запрет игр и забав, потому что что-то может случиться – мешает выработать активную сопротивляемость, создает затхлую атмосферу пассивности и неподвижности. Должно быть разнообразно и много, и живо, потому что воспитатель знает и вовремя сумеет предупредить.

Воришка

Деление интернатов на опекунские и исправительные, удобное с административной точки зрения, может ввести в заблуждение некритически мыслящего воспитателя. Оно как бы исключает или отодвигает на задний план задачу исправления в учреждениях первого типа; а в учреждениях второго типа категорическим приказом исправления заглушает проблему опеки. Были «дисциплинарные» интернаты, а теперь лучше – будут «воспитательные».

Воспитывать – растить – хранить под крылышком доброжелательности и опыта, в тепле и в покое, заслонять от опасности, укрыть, переждать, пока не подрастут, возмужают, наберутся сил для самостоятельного взлета?.. Крылья – взлет. Опасные метафоры. Легкая задача для ястреба или курицы, когда те согревают птенцов своим теплом; мне, человеку и воспитателю чужих, разных детей, досталась в удел более сложная задача, не другая – родственная. Я желаю взлетов для моей ребятни, грежу о горных тропах; тоска по их совершенству – грустная молитва моих самых сокровенных минут, но, возвращаясь к действительности, я понимаю, что они станут плестись, копошиться, хлопотать, выискивать, болтаться без дела или обирать – искать пропитание и крохи радостей. Среди этих несмышленышей – птенцов – и будущие ястребы, и куры, а я к ним одинаково расположен. Растет маленький хищник – не моя вина, не я советовал. Не важно, попал он в исправительное или в опекунское заведение.

Я предчувствую справедливый протест. Нужно самому пройти трудный путь наблюдений и одинокого размышления, кропотливо вглядеться во многие области знаний, честно осознать несовершенство человеческой природы и писаных законов, добросовестно оценить слабые силы и средства, которыми располагает воспитатель, чтобы посмотреть без неприязни или страха на это последнее звено в цепи опыта. Не моя вина – не мой совет – не мои силы.

Я должен его только растить, беречь, заслонять, ограждать от несправедливости, укрыть, пока не подрастет. Когда вырастут, пусть суды, полиция, аресты и тюрьмы делают что хотят. Трудно.

Я отвечаю за сегодняшний день моего воспитанника, мне не дано право влиять – вторгаться в его будущую судьбу.

А этот сегодняшний день должен быть ясным, полным радостных усилий, ребячий, без забот, без обязанностей свыше лет и сил. Я обязан обеспечить ему возможность израсходовать

энергию, я обязан – независимо от громыхания обиженного писаного закона и его грозных параграфов – дать ребенку все солнце, весь воздух, всю доброжелательность, какая ему положена независимо от заслуг или вин, достоинств или пороков. Вырывать, истреблять или выхаживать? Сорняки или свободно растут, или их без лицемерия скашивают и сажают полезный картофель. Как воспитателя, меня касаются законы природы, бога, а не чиновника, человека. Как прекрасна, бескорыстна и искренняя больница. Врачует раны героя и арестанта – доктору нет дела, идет исцеленный трудиться праведно, обижать людей или на виселицу. Величайшее усилие помочь в борьбе за восстановление нарушенной функции органа. Если я не умею, я не имею претензий к хронически больному пациенту, который покидает больницу, чтобы быть в тяжесть семье и обществу. Это не мое дело.

Как же лжив и нечестен интернат, который за ложку еды, крышу над головой, плохонькую одежду и пустяковую опеку – вопреки здравому смыслу напишет на своем знамени: «Исправляю!». В любом случае морально страждущего – вылечиваю. На языке газет: «Обществу полезного честного работника». Нет! Я не буду тягаться с гробами неизвестной наследственности, ее инстинктами и аппетитами, не берусь вылечить от шрамов и травм самого раннего детства. Я не знахарь и не заклинатель, я только врач-гигиенист. Создаю условия для выздоровления. Много света и тепла, свободы и веселья. Верю, что ребенок сам по себе захочет стремиться к исправлению. Будет бороться с собой, будет испытывать разочарования и поражения. Пусть возобновляет попытки. Ищет свои способы. Познает радость отдельных малых побед. Я его поддерживаю – здоровой атмосферой моего интерната.

Где исправление приходится вымогать, добиваться, насилуя, там нет места для воспитателя. Это умеет тюремный надзиратель. Лучше, быстрее, прямолинейно и основательно. Исправятся – будут слушаться, не посмеют, пропадет у них охота. Смирно, к добродетели – вперед, марш! Идут – бегут. Под угрозой суровых наказаний – мигом исправились. Все и сразу. Как воспитатель, я вижу среди своих правонарушителей столько честных, случайно сюда направленных. Да будет много подобных им на свободе! Я вижу – конечно – и воров – сколько же людей хуже их утопает в достатке и пользуется уважением! Я вижу – соблазненных дурным примером, с легким насморком проступка – и с абсолютной предрасположенностью, неизлечимых.

Я уважаю их усилия, сочувствую им, хотя, клянусь правдой и богом, стоит ли современная жизнь их иногда отчаянных борений

с собой, их крестного пути к исправлению, их безнадежных, но упорно возобновляемых попыток?

Видя во мне образец совершенства, стремясь походить на меня, воспитателя, завоевать слово похвалы, поощрения, желая вознаградить меня за мои труды и оказанные им услуги – они наивно и с благодарностью настраиваются в мой тон справедливости, честности, долга. Бедолаги вы мои милые! Хочется, пожалуй, предостеречь: слишком не напрягайтесь. Если даже не говоришь этого, они чувствуют сами.

Образцовые исправительные учреждения дают немного больше половины излечений. А остальные? Что ж, идут в жизнь, вооруженные воспоминаниями ясного детства, с ладанкой – изображением людей, которые им сочувствовали, не проклинали, не осуждали – благословили на крутой, извилистый, бурный и трудный жизненный путь. Полиции станет легче. Не отупели от наказаний, от них они уже давно успели оправиться, не окаменели в ненависти к человеку, не вынашивают мысли о мести.

Воришка, с которым легко договориться.

Есть школа!

Недостатки и изъяны сегодняшней школы так многочисленны и значительны, необходимость их быстрейшего устранения так очевидна, угроза плохой школьной системы так опасна, что, говоря об этом, мы почти просматриваем факт неслыханной важности, тот решающий факт, что школа все-таки есть. Мы уже не отнимем у ребенка школу, не лишим его права на книгу, не вычеркнем неоспоримого требования, чтобы каждый умел читать и писать. Ребенок получил полчища чиновников, которые оправдывают свой хлеб и существование, служа исключительно этому малолетнему растущему непроизводительному населению – детям. То, что некоторый процент учительства пренебрегает своими обязанностями и подделывается под благотворное влияние семьи на ребенка, стремясь удержать прежний характер службы в рамках некоей доброй воли, снисходительной доброжелательности к детям; то, что оно ускользает от признания факта: как врач лечит, судья судит, счетовод ведет книги, так и учитель учит, ибо это его обязанность, а не господская милость; то, что некоторый процент так или иначе злоупотребляет своей властью, – все это не меняет существа дела. Бывают врачи, недобросовестные по отношению к пациентам в больнице; чиновники, которые обслуживают крестьян и рабочих, пренебрегающие чернью; бывают и учителя, которые не церемонятся с сопляками. Но этому скоро придет конец. Ребенок должен солидно, тактично и досконально обслуживаться своими чиновниками.

Старый дедуля рассказал своему внуку о былых временах, глупый Кайтусь[34] выстругал палку или дудочку, садовник показал что-то интересное на земле и на дереве, когда они были в хорошем настроении. Сегодня школьная программа охватывает историю, ручной труд, естествознание. Можно теперь произвольно расширять, сужать, изменять программы в лучшую сторону, можно и в худшую – но школа есть, и это какая-то система. Посредством школы дети втянуты в общую циркуляцию. Часы поднимают их с постели, выводят на улицу, сосредоточивают в помещениях, отданных в их полное распоряжение, – и не кое-каких, а просторных, эстетических, отвечающих требованиям гигиены. Здесь они должны получить ответы на свои вопросы. Здесь их обучают и заботятся об их здоровье и развитии. Здесь их познают, квалифицируют, сортируют, классифицируют и продумывают место будущей работы для каждого.

Школа во всеуслышание взывает о реформе, но она уже определенно есть, и это самое важное.

Программа – это важно. Эти четыре – шесть школьных часов можно лучше использовать. Лизнуть понемножку того и другого, скопить в памяти колонки иностранных слов, правил, формул, фамилий и дат, сдать экзамен – и забыть – это не общее образование, это знание малопригодно, неприменимо в жизни. Самообразование и односторонняя одаренность как что-то, что мы едва начинаем признавать, но чему мы еще не содействуем. Чтение, искусство и спорт – как дополнение, а не фундамент школы. Мизерные результаты. Нет серьезных склонностей, ярких интересов. Но не преувеличиваем ли мы влияния школы? Можно преподавать астрономию, как и этику и математику, формировать чувство красоты, а латынь сделать философией. Но для всех ли? Может быть, современный мозг – заурядное явление? Люди едва-едва доросли до газет. Печатная сплетня – не одна – и каждый раз свежая. Какие существенные качества несут в жизнь учащиеся наших исключительных, образцовых школ? Это мы можем проверить только сейчас, когда много школ и когда все дети в эти худшие или лучшие школы ходят.

Гражданское воспитание (вне зависимости от учебной программы), а значит, товарищеский суд, кооператив, кружки взаимопомощи, самоуправление – делаются первые попытки, это только еще зреет. Зачатки эти рассматриваются как подготовка к «будущей» жизни – забывается факт, что дети испытывают потребности своего, детского общества. У них есть свои хищники – наглые, агрессивные каверзники, бестактные, вульгарные, нечестные, назойливые, бандитские типы, разрушители их игр и занятий, и дети ничего не могут поделать. У учителя нет времени войти в эти «мелочи»; перегруженный программным балластом, малооплачиваемый, весь в хлопотах, он не доосознает необходимости серьезно относиться к своему юному обществу с той же серьезностью, как врач – к детской больнице.

Во второй раз обращаюсь за сравнением к медицине. Кто возьмет на себя труд исследовать зачатки педиатрии, тот убедится, что сто лет назад отношение медицины к детским заболеваниям было столь же невзыскательно.

Еще одно: школа не только учит в принудительном порядке детей, но и в принудительном порядке воспитывает родителей. Школа учит беднейшее население, что нельзя легкомысленно только плодить детей, надо заботиться о них. А зажиточных заставляет честно оценивать достоинства их детей. Избалованный, воспитанный на катехизисе эгоизма и больших аппетитов, входит этот «мой сын» или «моя дочь» в жизнь и

становится одним из многих. Ты родился – согласен, но что ты стоишь? Что ты трудом завоюешь и что ты дашь? Сыночек обижен, папа, мама… а не справляется.

Только на фоне этих колоссальных заслуг можно школу критиковать и – лишь бы осторожно – реформировать. Учреждение, которое охватывает всех граждан, не может вприпрыжку бежать в неизвестное. Каждый шаг надо осмотрительно соразмерять; речь идет об исключительно важном деле.

Современная школа

Все постулаты, резолюции и замечания, высказанные в последнее время индивидуально или коллективно профессорами высших учебных заведений, учителями средних и начальных школ и, наконец, самой молодежью, сходятся в одном: проблема школьной реформы теснейшим образом связана с общими государственными реформами.

И это вполне понятно: школа является учреждением, которое зависит от совокупности взаимосвязанных факторов, так или иначе на нее влияющих; школа верно их отражает и рабски им подчиняется.

Нет и не может быть одних условий для жизни в целом, других – для школы…

«Задача школы – обучать, семьи – воспитывать» – вот одна из банальнейших фраз, взлелеянных двуличными сторонниками школы вне времени и пространства, школы, которая служила бы только чистой науке, без какой-либо политической окраски, иными словами – школы на луне.

Такая позиция, надо признать, очень удобна, но безусловно лжива; уже давно пора бы знать, что мозг и сердце не два отдельных ящичка, мешочка или сусека, из которых один – склад приобретенных сведений, а другой – оранжерея привитых достоинств характера. Школа и учит, и воспитывает; воспитывает в определяемом сверху направлении в зависимости от общего курса общих дел отдельных государств – которые используют школу как одно из могущественнейших орудий для проведения тех или иных политических планов.

Государство желает иметь таких-то и таких-то подданных или граждан – и работодатель вырабатывает положения; в положениях от школы требуют строго определенное направление, подбирают необходимое число чиновников, проникнутых духом соответственных приказов и запретов; в том же духе пишут школьные учебники, создают школьное законодательство и, наконец, устанавливают строгий контроль, ослабляемый или усиливаемый в зависимости от реальной или мнимой потребности, – и так до нового курса новых законов и учебников.

При наличии у государства материальных средств на цели образования вводится обязательное обучение; тогда государство, обесценив себе всеобщность влияния школы и скрупулезное выполнение обязанностей хорошо оплаченными должностными лицами, последовательнее и быстрее реализует свою цель; либо школе предоставляются также специальные нрава и привилегии –

этим приманивают, вербуют безнравственных родителей для совместных действий в нужном направлении.

Сегодня ни для кого не секрет, что современная школа – учреждение насквозь капиталистическое и националистическое и что ее первейшая обязанность – воспитывать клерикальных центристов и патриотов-шовинистов.

Так, английские школы воспитывают дельных, ловких, оборотистых плантаторов-колонистов и фабрикантов, задача которых – захват все новых и новых территорий, завоевание все новых и новых рынков, эксплуатация в пользу английской державы все новых и новых племен и народов. И эти насквозь безнравственные цели успешно осуществляет правительство с помощью образцовых английских школ. Так, немецкая школа ставит своей задачей вызывать почтение к хитроумной немецкой конституции и укреплять в своих учениках веру в мощь прусских пушек и прусской цивилизации. Галицийская школа стремится взращивать (что ей не всегда удается) венских лакейчиков и карьеристов. В этом она ничуть не уступает общему направлению формировать в народных школах набожных, а следовательно, покорных овечек, а в наделенных правами высших и средних школах – гибких любителей теплых местечек, продажных и более или менее честных чиновников.

Характерная деталь: всюду армии стоят больше, чем школы, железный хлам – чем будущие граждане, будущие люди. Современная школа, ее бюджет и цели страдают под ярмом милитаризма во всем так называемом цивилизованном мире; вся разница в интенсивности процесса.

Наличие материальных и моральных ресурсов гарантирует последовательную реализацию побочных и, конечно, не имеющих ничего общего с обучением целей. Там, где существует гласность в деятельности школ и возможность подвергать их критике, вырабатывается по необходимости дисциплина в рядах школьной милиции; lex dura[35] существует, но своеволия уже меньше, нет явного беззакония, нельзя предпринять ничего на свой страх и риск, идти дальше, чем позволяет параграф. Это имеет хорошую сторону, пресекает дополнительные и случайные злоупотребления; и плохую – не вызывает протеста и своей пассивностью тормозит стремление к прогрессу. Проблема школы породила колоссальную литературу. Детально рассмотрена каждая из ее многочисленных болячек, а им несть числа. Это вопрос программ, классического или реального направления, такого или иного преподавания религии, вопрос перегрузки – и десятки других. Вопросы эти, сотни раз обсуждавшиеся, и по сей день стоят, как и много лет назад, на повестке дня – нерешенные,

щекотливые и кровоточащие, – ибо касаются самых беззащитных, тех, у кого больше всего прав на опеку – детей и молодежи. Всюду сегодня, как и много лет назад, английская, французская, немецкая, польская или русская молодежь, в напряжении, во вред здоровью обреченная на нивелирующее влияние школы, годами ждет – а это самые прекрасные, благодарные годы – в бессмысленном оцепенении – бумажку.

В школьных округах «цивилизованной» Европы дети ряд лет ждут свидетельства о лояльной зрелости (или наоборот), бумажку, дающую им взамен привилегии.

Только с иронией можно сейчас говорить о цивилизованной Европе. Вот она, цивилизованная, смотрит спокойно и лакомо на кровавые игрища, резню десятков тысяч людей. Цивилизованная Англия с ее блестящими школами, пользуясь суматохой, выкачивает деньги и занимает смачные территории. Цивилизованная Германия наверстывает запущенные ростовщические дела, заключая грабительские торговые договоры. Каждый высматривает, что бы ему незаметно стянуть на пожаре, где гибнут люди – тысячи людей. Не Англия ли с ее образцовой школой совершила недавно одно из позорнейших в истории насилий[36], не имея абсолютно ничего в свое оправдание? Не в столице ли этого могущественного государства его граждане подыхают с голоду в подвалах?..

Перед лицом этих явлений разве не является вполне сознательным и анекдотично жульническим закрыванием глаз на существо дела: что школа должна учить, а не воспитывать, учить тому, какие в Африке вулканы, а в Америке мысы, а не тому, что в сырых, к примеру, подвалах вши сжирают детей бедняков снаружи, а туберкулез – изнутри? Разве не всюду под «общим образованием» школа подразумевает ряд фактов и колонны цифр, которые забываются через несколько дней или недель после экзаменов, – в лучшем случае – месяцев, – а не понимание, осмысление вопиющих недугов, противоречий и преступлений современной жизни – не призыв к сознательной борьбе? Общее образование – то наивысшее, сознательное, трепещущее от жажды действовать – вперед, к правде и справедливости такого общего образования не дает и не может дать никакая буржуазная школа, задача которой любой ценой сохранять выгодное для привилегированных сфер status quo[37].

О школьной перегрузке ученая Европа написала целые библиотеки, а весь этот запутанный вопрос решается так легко и быстро, если мы согласимся с установкой, что задача средней школы – не обучение, а развитие детей, не забивание голов бесполезным балластом, а подготовка их к жизни, в которую они

должны вступить как зрелые люди. Разве не комичен факт, что патент на зрелость школа выдает на основе того, что ученик разбирается в логарифмах и умеет объяснить явление затмения луны? Зрелый человек тот, кто знает, зачем он живет, как он относится к людям и к истории человечества, и поступает согласно этому.

Школа обязана быть кузницей самых священных лозунгов, все, что дает жизнь, должно проходить через ее руки – она громче всех обязана требовать прав человека, смелее всех и беспощаднее всех клеймить в нем то, что загрязнено. А сделать это может не штопаная и латаная, обновляемая школа, а в корне иная, в корне не та, с луны, не такая, какую мы видим сегодня всюду.

notes

Примечания

1

Впервые опубликовано в Варшаве в 1929 г. Наряду с «Как любить ребенка» эта работа в сжатой форме содержит кредо автора. В 1929 г. Корчак писал: «Каково мое теперешнее отношение к ребенку и к детскому обществу, представляет брошюра «Право ребенка на уважение».

2

Первая часть латинской пословицы «Ars longa, vita brevis est» – «Искусство вечно, жизнь коротка».

3

Декларация прав ребенка, принятая в Женеве Международной унией помощи детям и утвержденная затем Лигой Наций в 1929 г.

4

С. Маркевич (1857–1941) – врач и общественный деятель, инициатор организации летних колоний для детей Варшавы.

5

Английский генерал Баден-Поуэлле (1859–1941) – создателе системы бойскаутизма.

6

Впервые опубликовано в Варшаве в 1930 г. Корчак планировал также написать вторую часть книги – «Гигиена». В настоящем издании из 17 глав дается 11. Полностью работа публиковалась в предшествующих изданиях «Избранных педагогических произведений» Я. Корчака (М., 1966; М., 1979).

7

Надпись на оборотной стороне линейки гласила: «Кто не хочет учиться, заслуживает наказания».

8

Очевидно, имеется в виду герой книги французского писателя Ж. Ренара (1846–1910) «Рыжик».

9

Иоганн Штурм (1507–1589) – немецкий гуманист и педагог. Создал в 1538 г. гимназию в Страсбурге. В школе действовал курс обучения, базировавшийся на трех идеях: благочестие, красноречие и знание.

10

Роберт Герберт Квик (1831–1891) – английский педагог. Корчак опирается на его работу «Реформаторы воспитания».

11

Мишель Монтень (1533–1592) – французский мыслитель, юрист, политик эпохи Возрождения.

12

Вольфганг Ратке (1571–1635) – немецкий педагог.

13

Ян Амос Коменский (1592–1670) – чешский педагог-гуманист, писатель, общественный деятель, основоположник научной педагогики, систематизатор и популяризатор классно-урочной системы.

14

Джон Локк (1632–1704) – английский философ, теоретик воспитания.

15

Жан-Жак Руссо (1712–1778) – французский писатель, мыслитель, педагог.

16

Иоганн Бернхард Базедов (1724–1790) – немецкий педагог, основатель филантропинизма.

17

Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827) – великий швейцарский педагог.

18

Фридрих Вильгельм Август Фребель (1782–1852) – немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания, создатель понятия «детский сад».

19

Антон Станиславович Окольский (1838–1897) – ученый и публицист.

20

Казимеж Бродзиньский (1791–1835) – польский поэт, критик.

21

Тадеуш Чацкий (1765–1813) – польский публицист, историк, общественный и государственный деятель, библиофил.

22

Флориан Лаговский (1834–1909) – педагог и публицист, занимался историей и теорией педагогики и литературы.

23

Фабрикой ангелов назывался московский воспитательный дом, открытый в 1769 г.

24

Ad hoc (*лат.*) – для этого.

25

Memento (*лат.*) – помни.

26

Это доклад, сделанный Я. Корчаком 21 декабря 1925 года на пленарном заседании 1-го польского съезда учителей специальных школ.

Res sacra (*лат.*) – святое дело.

(Der) Geheimrat (*нем.*) – тайный советник.

29

Шарлотта Бюлер (1893–1974) – психолог, доктор философии, специалист по детской психологии.

30

Ziehen, erziehen (*нем.*) – тащить, воспитывать.

31

Во время пребывания в Англии Я. Корчак посетил образцовый детский приют в Лондоне.

32

Ян Владислав Давид (1859–1914) – польский педагог и психолог. Один из основателей экспериментальной педагогики и психологии в Польше. В 1890–1998 главный редактор журнала «Педагогическое обозрение». Разработал теорию начального обучения.

33

Шведский врач-педиатр Оскар Медина (1847–1927) – первым описал эпидемию полиомиелита.

34

Имеется в виду роман Я. Корчака «Кайтусь-чародей».

35

Lex dura (*лат.*) – жестокий закон.

36

Имеется в виду англо-бурская война 1899–1902 гг.

Status quo (*лат.*) – существующее положение.